ПРЕЗИДЕНТСКАЯ АКАДЕМИЯ
РАНХИГС ВЛАДИМИР

ISSN 2409-6814

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№2 (50)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Картухин Вячеслав Юрьевич,
кандидат юридических наук, директор Владимирского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Владимирский филиал РАНХиГС), заместитель председателя Законодательного собрания Владимирской области, председатель Владимирского регионального отделения Ассоциации юристов России, член Правления общероссийской общественной организации Ассоциация юристов России, действительный государственный советник 3 класса

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Цветков Сергей Анатольевич,
кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора Владимирского филиала РАНХиГС

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:
Аннин Анатолий Геннадьевич,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Владимирского филиала РАНХиГС
Евстифеев Роман Владимирович,
доктор политических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Владимирского филиала РАНХиГС
Кудрявцев Алексей Вадимович,
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, декан факультета права Владимирского филиала РАНХиГС
Лапыгин Юрий Николаевич,
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента Владимирского филиала РАНХиГС, основатель научной школы «Стратегическое развитие организаций»
Лускатова Ольга Владимировна,
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, профессор кафедры таможенного дела и внешнеэкономической деятельности Владимирского филиала РАНХиГС
Новиков Александр Иванович,
доктор экономических наук, профессор, ведущий специалист научно-исследовательского отдела Владимирского филиала РАНХиГС
Плеханов Евгений Александрович,
доктор педагогических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала РАНХиГС
Рузевич Олег Русланович,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Владимирского филиала РАНХиГС, заведующий кафедрой административно-правовых дисциплин
Старикова Татьяна Владимировна,
доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансов, заместитель директора Владимирского филиала РАНХиГС
Тихонюк Наталья Евгеньевна,
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики Владимирского филиала РАНХиГС
Тогунов Игорь Алексеевич,
доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры менеджмента Владимирского филиала РАНХиГС
Хартанович Константин Витальевич,
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики Владимирского филиала РАНХиГС
Коркин Анатолий,
профессор-исследователь Аризонского государственного университета (США)
Сергевнин Владимир Анатольевич,
директор центра прикладного уголовного правосудия, профессор Западного Иллинойского университета (Иллинойс, США)
Р. Сундер,
академик Индийской национальной академии наук (Индия)

ISSN 2409-6814

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ:
Наименование (название) издания: Ученые записки
Учредитель (соучредители): Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Фамилия, инициалы главного редактора: Картухин В.Ю.
Порядковый номер выпуска и дата его выхода в свет: № 2 (50), 19.06.2024
Индекс для изданий, распространяемых через предприятия связи: нет
Тираж: 500 экземпляров
Цена: «Свободная цена»
Адрес редакции, издателя, типографии: 600017, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, д. 59-а
Знак информационной продукции, предусмотренный Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»: 16+
Адрес электронной почты и номер телефона редакции: post@vlad.ranepa.ru, (4922) 53-28-57
Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 30 апреля 2015 года № ПИ № ФС77-61577 (бланк 057765), выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

© Владимирский филиал РАНХиГС, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ

Беляев Д.С.,
Тимощук Е.А.
ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ:
ИДЕОЛОГИЯ, ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА, СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД.....7

Евтюхова А.В.,
Батяева К.М.
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....13

Евтюхова А.В.,
Батяева К.М.
ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ
И ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРРИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ.....17

Ермохина А.В.
РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ ДЕЛОВОЙ ОЦЕНКИ
НА ОСНОВЕ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ
В МБДОУ «ДЕТСКИЙ САД № 16 Д. ИВАТИНО».....24

Запольнова Л.А.
РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ.....29

Катов В.В.
УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫМИ РЕСУРСАМИ
ПО РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ПРОГРАММ)
НА ОСНОВЕ СИСТЕМНОГО ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ БЮДЖЕТОВ ВСЕХ УРОВНЕЙ
И ДОХОДОВ СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИКИ РФ.....35

Лапыгин Ю.Н.,
Лапыгин Д.Ю.
СТРАТЕГИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.....42

Листратов И.В.,
Спиридонова Д.В.
УРОВЕНЬ ЦИФРОВОГО ДОВЕРИЯ МОЛОДЕЖИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....50

Спиридонова Д.В.,
Листратов И.В.
АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРАВ ГРАЖДАН
НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....57

Туманова З.В.,
Глебов Г.Е.
ДИНАМИКА ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ
В АСПИРАНТУРЕ ФИЛИАЛА.....62

Фадеева С.А.,
Кошкина Д.И.
ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В ОРГАНИЗАЦИИ.....67

Хартанович К.В.,
Васильева Л.П.
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....72

Юдакова С.В.
СТРУКТУРА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА.....76

Юдакова С.В.,
Сдобнов И.Н.
СИСТЕМА МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ.....81

ЭКОНОМИКА

Иванов А.В.,
Василькова Г.А.
АВТОМАТИЗАЦИЯ УЧЕТА КАК ВИД АУДИТОРСКИХ УСЛУГ.....87

Хартанович К.В.
ПРЕДВИДЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ Г. В. ГУТМАНА И РЕАЛЬНОСТЬ.....93

ПРАВО

Баринов А.В.,
Петрова В.С.
К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ОТВОДА СУДЬИ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....97

Беляев Д.С.,
Наумова Н.В.
ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В КАЧЕСТВЕ ПРАВОПРОДОЛЖАТЕЛЯ СССР
В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ООН.....101

Гермизина А.А.,
Мелёхин Д.В.,
Колосова Т.Е.
ПРИЧИНЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ДАННОГО ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА В РОССИИ.....107

Кузнецова Е.Д.,
Зацепина Л.А.,
Колосова Т.Е.
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИИ ПОДРЯДЧИКА
В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОМ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ.....111

Кузнецова Е.Д.,
Коновалова М.М.,
Кузнецова И.А.
ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ГАРАНТИЙ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....115

Ледащев С.В.,
Лёвкин Ю.Д.
К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ....119

Наумов А.М.
О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ (ЧАСТЬ 1).....123

Наумов А.М.
О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ (ЧАСТЬ 2).....132

Орлова А.Н.,
Михеева А.А.
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КРИТИКА И ОДОБРЕНИЕ.....141

Плеханов Е.А.,
Курочкина К.И.
ИДЕЯ ПРАВА В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ И КАНТА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ.....145

Плеханов Е.А.,
Моденова А.А.
ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТЕОРИИ ЧАСТНОГО И РЕТРИБУТИВНОГО ПРАВА И. КАНТА.....157

Седова Н.П.,
Парамонова А.С.,
Рогожина В.А.
ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ СЕМЬЯМ С ТРЕМЯ И БОЛЕЕ ДЕТЬМИ.....167

Смирнова Д.В.,
Артамонова М.А.,
Колосова Т.Е.
ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОРАЛЬНОГО И РЕПУТАЦИОННОГО ВРЕДА, ФАКТОЛОГИЧЕСКИХ И ОЦЕНОЧНЫХ СУЖДЕНИЙ.....172

Шлыков Д.В.,
Наумова Н.В.
К ВОПРОСУ АНАЛИЗА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....177

Шлыков Д.В.,
Наумова Н.В.
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО РАСПАДА СССР.....180

УПРАВЛЕНИЕ

УДК 329.8

© Данил Сергеевич Беляев
студент факультета управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: dbelyaev33@gmail.com

Danil S. Belyaev
Student of Faculty of Management,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Елена Андреевна Тимощук
кандидат философских наук, доцент
Владимирский филиал РАНХиГС,
Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
г. Владимир
e-mail: timoshchuk-ea@ranepa.ru

Elena A. Timoshchuk
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir State University
named after A. G. and N. G. Stoletov,
Vladimir

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ: ИДЕОЛОГИЯ, ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА, СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

The party of socialist revolutionaries: ideology, organizational structure, modern view

Аннотация. Статья посвящена вопросам идеологического и организационного строительства партии эсеров на протяжении первых двух десятилетий XX века. В статье разобраны предпосылки создания партии, ключевые этапы ее становления, особенности партийной дисциплины и идеологические воззрения ведущих теоретиков. Большое внимание уделено программным документам партии и теоретическим работам её основателей.

Abstract. The article is devoted to the issues of ideological and organizational construction of the Socialist Revolutionary Party during the first two decades of the 20th century. The article examines the prerequisites for the creation of the party, the key stages of its formation, the features of party discipline and the ideological views of leading theorists. Much attention is paid to the program documents of the party and the theoretical works of its founders.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, эсеры, народничество, идеология, учредительное собрание, партийное строительство.

Keywords: The Party of Socialist Revolutionaries, Social Revolutionaries, populism, ideology, the Constituent Assembly, party building.

На протяжении XIX века в России как результат противоречивого социально-экономического развития формировалась идеологическая и организационная основа будущего революционного движения. За прогрессивными реформами царского правительства следовали контрреформы. Ответом угнетенных слоев населения (в первую очередь крестьянства), а также революционной интеллигенции и студенчества было формирование многочисленных революционных кружков и организаций. Революционное движение конца XIX - начала XX в. содержало в себе широкий идеологический спектр и использовало различные методы от агитации до индивидуального террора. Одним из наиболее влиятельных революционных течений во второй половине XIX века стало народничество, включавшее многочисленные кружки, общества и организации («Земля и воля», «Народная воля», «Чёрный передел» и т.д.).

На рубеже XIX - XX вв. идеология народничества претерпевала определенные трансформации. Часть народников перешли на марксистские и анархистские позиции. Неонародники (идеологический синтез на основе

идей народничества) перенимали идеологические положения марксизма, социал-демократии и других социалистических течений.

В условиях трансформации революционного неонародничества с 1894 г. как в России, так и в эмиграции возникают кружки социалистов-революционеров. В 1896 г. саратовский кружок, обособившийся от разгромленной группы народовольцев, выпускает первую программу под названием «Наши задачи. Основные положения программы социалистов-революционеров». В 1900 г. программа в виде брошюры будет опубликована в Лондоне заграничным Союзом русских эсеров. Основные идеи программы можно изложить следующим образом.

1. Переустройство общества на социалистических началах, подразумевающее освобождение трудящихся масс, воплощение в жизнь идеалов свободы, равенства и братства.

2. Признание переходного статуса (от феодальных отношений к капиталистическим) общественно-экономического устройства в Российской империи.

3. Пропаганда идей социализма и строительство социалистической партии, включая её революционное ядро, состоящее из представителей социалистически настроенной интеллигенции и передовой части промышленного пролетариата.

4. Борьба с абсолютизмом (царской властью) за политические права и свободы, без которых невозможно экономическое освобождение трудящихся. Именно достижение политической свободы объявляется главной целью в ближайшей перспективе.

5. Реализация самоопределения народов через построение «Федерации самостоятельных народностей».

6. Крестьянство по причине своего невежества не признается опорой революционного движения.

7. Использование в качестве методов и средств революционной борьбы пропаганды, агитации, массовой борьбы в виде бунтов и демонстраций, а также насильственной борьбы и политического террора [1].

Данная программа ярко отражает взгляды революционеров в период зарождения ПСР. Значительная часть будущей «крестьянской» партии на этапе становления видела своей социальной базой отнюдь не крестьянство, а интеллигенцию и прогрессивную часть рабочего класса. С другой стороны, В. М. Чернов, один из виднейших эсеровских теоретиков, будучи членом Аграрно-социалистической лиги (в 1902 г. войдет в состав ПСР), в своих работах отстаивал идеи целенаправленной работы с крестьянством и сельской интеллигенцией [2]. Таким образом, в партии эсеров с самого её создания существовали серьезные внутренние идеологические разногласия. Множество мнений обеспечивало определенную свободу слова и плюрализм внутри партии, но впоследствии оказалось источником расколов.

Процессы формирования организаций социалистов-революционеров подошли к логическому исходу в январе 1902 г., когда эсеровская газета «Революционная Россия» объявила о создании партии. На базе саратовской группы образовался первый Центральный комитет ПСР, т.н. «оседлый ЦК». Впрочем, первые попытки эсеров сформировать полноценный ЦК сначала в России, а затем в эмиграции успехом не увенчались. Роль идеологического и партийного центра в 1902-1904 гг. выполняла газета «Революционная Россия». Как отмечает доктор исторических наук М. И. Леонов, партия эсеров в начале XX в. представляла собой «слабо координированную совокупность групп и комитетов общей численностью около двух тысяч членов» [3, с. 30]. Основу партии составляла революционная интеллигенция, тогда как трудящиеся массы были не субъектом, но объектом деятельности организации.

В 1902 г. возникло и автономное террористическое крыло партии – боевая организация эсеров (БО ПСР). Возглавил её один из основателей партии Г. А. Гершуни. Организационная структура и задачи боевой организации были закреплены в уставе (принят в августе 1904 г.). Организация действовала самостоятельно, имела свою кассу, а связь с ПСР осуществляла через Центральный комитет партии, следуя лишь общим партийным указаниям. Управление организацией

осуществлял Комитет боевой организации. БО открыто обозначила политический террор в качестве своего единственного метода «борьбы с самодержавием» [4]. Боевая организация эсеров продолжала традиции террористических организация народовольцев как выбором целей, так и конкретными методами. Идеи необходимости политического терроризма как одного из средств самообороны и революционной борьбы признавала и «Революционная Россия», и В. М. Чернов в частности [5].

Период скорейшего подъема ПСР пришелся на первую русскую революцию 1905-1907 гг. За этот период численность партии выросла с 2,5 тыс. человек до 65 тыс. С ростом партии менялись её идеологические ориентиры: социальной базой эсеров становилась «сознательная» часть крестьянства [6, с. 26]. Произошли качественные изменения в организационной структуре партии. В декабре 1905 г. – январе 1906 г. прошёл первый съезд ПСР, по итогам которого были приняты программа партии и организационный устав. Главным автором программы выступил В. М. Чернов, привнесший в нее идеи неонародничества и аграризма. Первая, теоретическая половина программы посвящена анализу социально-экономического развития России и состояния международного социалистического движения. Во второй, практико-ориентированной части обозначены основные цели революционной борьбы эсеров:

1) в политической и правовой области: признание неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина, демократизация и федерализм;

2) в народно-хозяйственной области: введение прогрессивной системы налогообложения, защита прав трудящихся в городе и деревне, социализация земли (один из важнейших пунктов идеологии эсеров, предполагавший переустройство земельных отношений по образу крестьянской общины), развитие общественных служб, обобществление иных отраслей народного хозяйства в противовес концепции «государственного социализма».

В конце программы эсеры заявляют о необходимости созыва учредительного собрания на демократических началах с целью ликвидации самодержавного строя и установления демократической республики [7].

Временный организационный устав ПСР определил принципы партийного строительства:

1) выборность, предполагающая право кооптации;

2) установление вертикальных связей и контроля внутри партии;

3) строгое подчинение партийной дисциплине в самостоятельной деятельности отдельных элементов партии [8, с. 29].

Организационно партия строилась следующим образом. Первичными организационными ячейками выступают городские и деревенские группы, формирующиеся по территориальному признаку. Малые группы формируют более крупные организации (на уровне уездов, губерний и областей), совокупность которых составляет партию. Устав не требовал от местных отделений единообразия и допускал свободу организации в зависимости от конкретных условий. Областные организации (союзы) осуществляют руководство в пределах своей территории, которые устанавливаются общепартийным съездом. Идейное и практическое руководство осуществляет Центральный комитет (ЦК) партии. Избирается ЦК съездом, изначально в составе 5 человек, затем его состав пополняется процедурой кооптации, но не может превышать 10 человек. В случае необходимости, для решения неотложных вопросов ЦК из представителей областных организаций (суммарно 5 человек) созывает совет партии. Выше совета партии находится лишь общепартийный съезд (съезд партии), созываемый не реже раза в год, на котором представлены ЦК, московское, петербургское и областные отделения [8, с. 29-32].

Съезд не только установил организационные основы партии, но и вскрыл внутренние противоречия. В 1906 г. в рядах эсеров произошёл первый крупный партийный раскол. От ПСР отмежевались «Союз социалистов-революционеров – максималистов» (левое крыло, призывавшее к социализации не только земли, но и всей промышленно-

сти) и «Трудовая народно-социалистическая партия» (правое крыло, т.н. «трудовики», стремившиеся к созданию легальной партии) [9, с. 158].

Программа ПСР после принятия не подвергалась изменениям. Эсеровский проект земельной реформы (через социализацию) нашел отклик в русском крестьянстве и даже перенимался другими партиями (в частности большевиками). Идея реформы, как ее видел В. М. Чернов, состояла в уничтожении права частной собственности на землю (не национализации, а уничтожении собственнических отношений относительно земли в принципе), превращении ее в «ничейную», т.е. «общенародное достояние». Управление землей на уравнительно-трудовых началах осуществляет децентрализованная система органов местного народного самоуправления, структурной единицей которых являются свободные демократические общины сельских и городских жителей. Социализация земли рассматривалась лишь как один из первых шагов на пути создания «трудового народного государства» [10].

ПСР участвовала в выборах Государственной думы второго созыва, где получила 37 мест. Остальные созывы партия бойкотировала. После февральской революции 1917 г. эсеры стали одной из ведущих партий в стране, и к лету насчитывали уже более 1 млн. человек. Министр юстиции, а позже и глава Временного правительства А. Ф. Керенский даже формально вступил в партию эсеров, хотя фактически и не следовал партийной дисциплине. К 1917 г. создались и условия для нового раскола в партии. Часть эсеров, объединившаяся вокруг газеты «Земля и воля», сформировали «левое крыло» партии. Левые эсеры (интернационалисты) выступили в качестве союзников большевиков, участвовали в Октябрьской революции в Петрограде, голосовали за первые декреты советской власти, вошли в состав ВЦИК [11, с. 103]. Идеи левых эсеров (ПЛСР) предполагали установление диктатуры трудового народа в форме советской республики с широкой автономией местных советов, обобществление всего народного хозяйства, установление рабочего контроля над предприятиями [12]. ПЛСР не отрицала своего эсеровского «происхождения», представляя собой один из вариантов развития партии.

1917 г., казавшийся годом триумфа ПСР, обернулся для партии трагедией. Эсеры выступили против захвата власти большевиками и составили первую волну антибольшевистских сил. По итогам IV съезда левые эсеры были исключены из состава партии. Эсеры добились проведения всероссийского учредительного собрания и получили на нем большинство, но не смогли предотвратить его роспуск большевиками. Противостоящая большевикам уфимская директория, возглавляемая правым эсером Н. Д. Авксентьевым, не добилась существенных успехов и была распущена по итогам военного переворота адмирала А. В. Колчака. По итогам Гражданской войны многочисленные эсеровские организации были разгромлены.

В качестве идеологического наследия эсеры оставили несколько сценариев возможного социально-экономического устройства России.

1. Демократический в трех наиболее известных вариациях: «центристский» (официальная программа партии, основывавшаяся на идеях В. М. Чернова), правый эсеровский (Н. Д. Авксентьев, идеи социал-реформизма, близкие к «шведской модели») и радикально правый (газета «Воля народа», А. Ф. Керенский, Б. В. Савинков).

2. Недемократический, к которому можно отнести воззрения различных левых фракций на протяжении существования ПСР (максималисты, левые эсеры, МПСР) [13].

В вопросах организационной структуры эсеры так и не смогли избавиться от болезней периода становления партии: неразвитой координации между группами и отсутствия строгой вертикали управления. Невозможно говорить и о некой единой идеологии эсеров. Центральная идеологическая линия партии прошла путь от опоры на интеллигенцию до аграризма и привлечения на свою сторону широких масс крестьянства. В разное время в партии существовали группы, фракции и крылья, чьи идеологические воззрения могли

разительно отличаться от идей Центрального комитета. Впрочем, и в самом ЦК никогда не было идеологического единодушия. Post factum, с позиции дня сегодняшнего, во внутренней идеологической несогласованности и организационной «расхлябанности» эсеров видятся и причины, по которым самая массовая партия России в 1917 г. не смогла противостоять менее многочисленной, но идеологически однородной и организационно целостной партии большевиков.

Использование эсеровских организационно-идеологических методов в современном партийном строительстве представляется бесперспективным. Сегодня эффективное партийное строительство основывается на четкой нормативной базе (устав, программа и т.д.) и грамотно спланированном политическом менеджменте [14, с. 246-247]. Единая программа эсеров была принята очень поздно, а ее соблюдение в условиях идеологического хаоса в партии представлялось нетривиальной задачей. Воплощение в жизнь идеологических воззрений эсеров сегодня в каком-либо виде также невозможно, поскольку они совершенно не соответствуют текущему социально-экономическому устройству Российской Федерации. Можно утверждать, что партия социалистов-революционеров, созданная объективными условиями развития революционного движения в России, не смогла реализовать свою программу преобразований и ушла в прошлое как пример неэффективного в долгосрочной перспективе партийного строительства.

Список литературы

1. Наши задачи: Основные положения программы Союза социалистов-революционеров. – Лондон, 1900. – С. 52-62.
2. Чернов В. М. Очередной вопрос революционного дела. – 2-е изд., испр. и доп. – Женева : Типография Группы старых народовольцев, 1901. – 80 с.
3. Леонов М. И. Организация и состав партии эсеров в начале XX в. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2023. – Т. 29. – № 3. – С. 24-31. – DOI: http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-24-31.
4. Устав Боевой организации партии с.-р., принятый ее членами в августе 1904 г. // Борис Савинков. Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной. – М., 1990.
5. Террористический элемент в нашей программе // Революционная Россия. – 1902. – № 7.
6. Прохорова Е. С. Эсеры в период первой русской революции: борьба за влияние на массы // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2013. – № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/esery-v-period-pervoy-russkoy-revolyutsii-borba-za-vliyanie-na-massy (дата обращения: 19.05.2024).
7. Программа партии социалистов-революционеров. 1906 г. // Сборник программ политических партий в России / под ред. В. Водовозова. Вып. 3. – СПб., 1906. – С. 14-27.
8. Программа и организационный Устав Партии социалистов-революционеров, утвержденные на Первом партийном съезде / Партия социалистов-революционеров. – [Б. м.] : Тип. партии социалистов-революционеров, 1906. – 32 с.
9. Косаренко Н. Н. Квятковский А. В., Историко-правовые аспекты становления партии социалистов-революционеров в России // Образование и право. – 2017. – № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovye-aspekty-stanovleniya-partii-sotsialistov-revolyutsionerov-v-rossii (дата обращения: 19.05.2024).
10. Социализация земли: сборник статей. – М. : Сотрудничество, 1907-1908. – Вып. 2: К вопросу о социализации земли / В. М. Чернов. – 1908. – 96 с.
11. Петров М. Н. Большевики и левые эсеры: борьба за государственную власть // Beneficium. – 2019. – № 2 (31). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bolsheviki-i-levye-esery-borba-za-gosudarstvennuyu-vlast (дата обращения: 19.05.2024).

12. Проект программы партии левых социалистов-революционеров // Резолюции и постановления I и II Всероссийских съездов Партии левых социал-революционеров (интернационалистов). – М. : Революционный Социализм, 1918.
13. Морозов К. Н. Эсеровские варианты народнической модели общественно-политического переустройства России // Идеи и идеалы. – 2017. – № 4 (34). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eserovskie-varianty-narodnicheskoy-modeli-obschestvenno-politicheskogo-pereustroystva-rossii (дата обращения: 19.05.2024).
14. Невская Т. А. Организационные основы партийного строительства в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-osnovy-partiynogo-stroitelstva-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 19.05.2024).

УДК 378

© Анна Владимировна Евтюхова
студентка факультета управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: anyuta60@yandex.ru

Anna Vladimirovna Evtyukhova
student of the Faculty of Management,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Ксения Максимовна Батяева
студентка факультета управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: kseniya.batyayeva@mail.ru

Ksenia Maksimovna Batyaeva
student of the Faculty of Management,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Main trends in the development of the higher education system in the Saratov region

Аннотация. В статье на основе данных официальной статистики анализируются основные показатели развития системы высшего образования Саратовской области. Особенностью региона является достаточно разветвленная сеть высших учебных заведений, фундамент которой сложился еще в советский период времени. Несмотря на определенные негативные тенденции по сокращению численности студентов и профессорско-преподавательского состава, Саратовская область сохраняет стабильность в подготовке кадров с высшим образованием.

Ключевые слова: Саратовская область, высшее образование, бакалавриат, специалитет, магистратура, докторанты, аспиранты.

Abstract. The article analyzes the main indicators of the development of the higher education system of the Saratov region on the basis of official statistics. A feature of the region is a fairly extensive network of higher education institutions, the foundation of which was formed back in the Soviet period. Despite certain negative trends in reducing the number of students and teaching staff, the Saratov region maintains stability in the training of personnel with higher education.

Keywords: Saratov region, higher education, bachelor's degree, specialty, master's degree, doctoral students, postgraduates.

Основные контуры системы высшего образования в большинстве регионов Российской Федерации сложились еще в советский период времени. Во многом региональная специфика была обусловлена потребностью в подготовке кадров для экономики субъекта, численным составом населения территории, специфика определялась теми промышленными предприятиями, которые находились на его территории. Немаловажное значение имел и образовательный потенциал географических соседей. Саратовская область представляет собой достаточно крупный регион Российской Федерации, где проживает почти 2,5 миллиона населения. На территории субъекта существует большое количество давно функционирующих учебных заведений, которые имеют богатую традицию в подготовке кадров с высшим образованием. С одной стороны, это является конкурентным преимуществом региона, с другой – усиливает конкуренцию между высшими учебными заведениями за каждого абитуриента. Необходимо отметить, что Саратовская область граничит с такими крупными образовательными центрами как Воронежская, Самарская, Волгоградская области, что в еще большей степени усиливает

конкуренцию, которая становится не только внутрирегиональной, но и межрегиональной.

По данным рисунка 1 можно увидеть, что численность профессорско-преподавательского состава организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, за рассматриваемое пятилетие снизилась на 340 человек. Рассмотрим динамику в Приволжском федеральном округе. На 2018/19 уч. год Саратовская область занимала пятое место с показателем 4095 человек. Ее опережали Татарстан, Самарская обл., Башкортостан и Нижегородская обл. с показателями 7368, 5317, 5050 и 4753 чел. соответственно. В 2022/23 уч. году рассматриваемый регион также остался на пятом месте с данными 3755 человек, впереди были Татарстан, Башкортостан, Нижегородская и Самарская обл. с соответствующими показателями в 7163, 4587, 4569 и 4389 человек. Стоит отметить, что численность профессорско-преподавательского состава у первых пяти мест (вне зависимости от расстановки регионов) за рассматриваемый период сократилась.

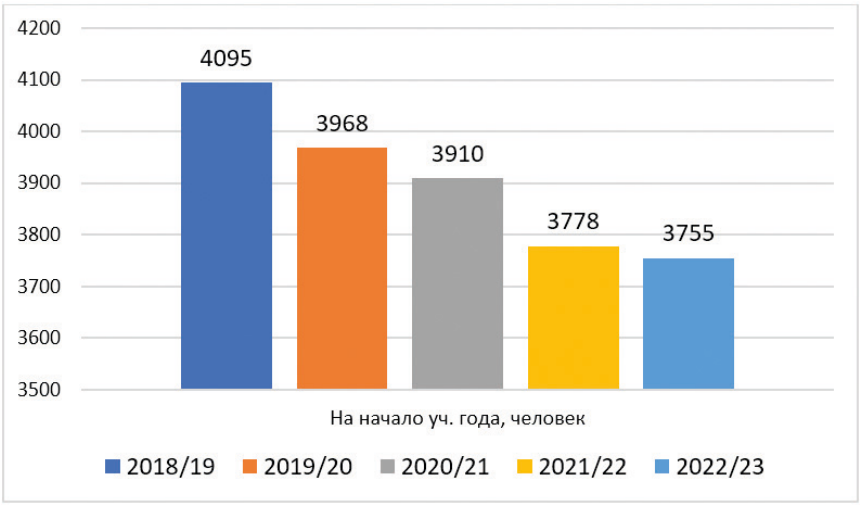

Рис. 1. Численность профессорско-преподавательского состава организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры

Численность студентов в последние годы имела устойчивую тенденцию к сокращению, но к 2021 году фактически уже достигла своего дна, в 2022 году была отмечена незначительная положительная динамика (рисунок 2). Показатели численности абитуриентов зависят от показателей рождаемости, которые были характерны для региона за 18 лет до даты поступления абитуриента. Играет значение востребованность самой системы высшего образования у населения и общие социально-экономические показатели в регионе. Последнее существенным образом влияет на выбор между продолжением обучения в родном регионе или отъездом в сторону более динамично развивающихся территорий. Численность студентов, обучающихся по программам высшего образования, также снижается год от года. За рассматриваемый период в 2021/22 уч. году она сократилась на 6 тыс. человек. Однако в 2022/23 уч. году возросла на 300 обучающихся и составила 68,9 тыс. чел.

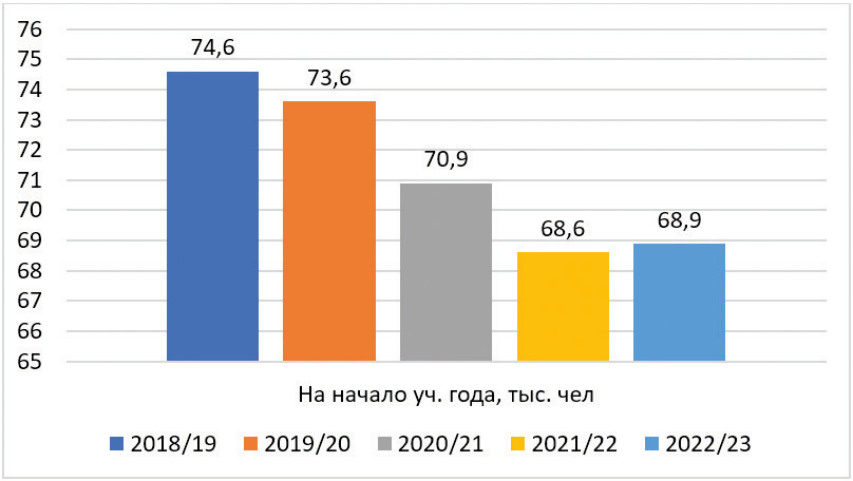

Рис. 2. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры

Рассматривая численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 чел. населения, можно заметить, что на протяжении рассматриваемого периода она снижалась (рисунок 3). Если в 2018/19 уч. году она составляла 306 человек, то в 2022/23 – 287, снизившись на 19 человек. Стоит отметить, что в 2018/19 уч. г. Саратовская область по данному показателю в Приволжском федеральном округе находилась на 3-м месте (306 человек на 10000 чел. населения). Впереди нее находились Татарстан и Мордовия с показателями 377 и 331 человек соответственно. В 2022/23 уч. г. Саратовская область опустилась на шестое место с показателем 287 человек. Впереди выступили Татарстан, Мордовия, Самарская обл., Чувашия, Ульяновская обл. с показателями 360, 322, 318, 299 и 295 человек соответственно. Несмотря на то, что Татарстан и Мордовия сохранили свои позиции, численность студентов, получающих высшее образование, у них также сократилась.

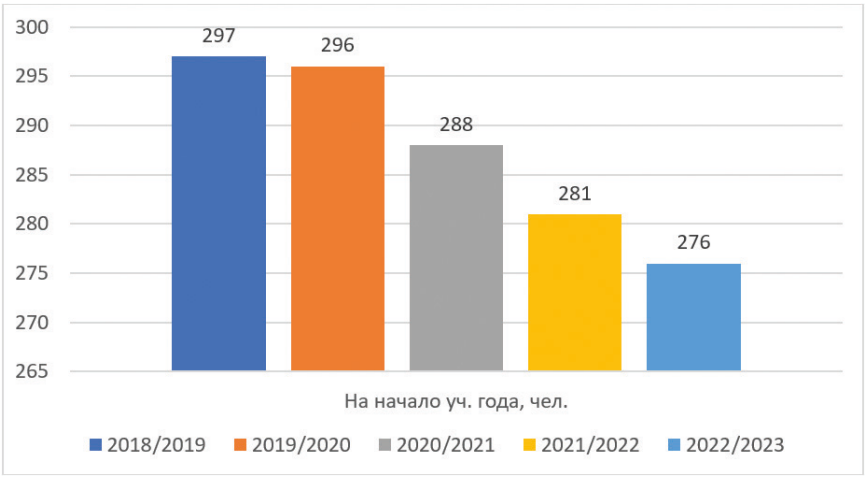

Рис. 3. Численность студентов, обучающихся в государственных и муниципальных организациях по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек населения

Для сохранения стабильности развития системы высшего образования необходимо наличие отлаженной работы системы аспирантуры, которая готовит педагогические кадры для этой сферы. На территории всей Российской Федерации наблюдается существенная стагнация в подготовке научно-педагогических кадров. Аспирантов повсеместно становится меньше, еще более быстрыми темпами в последние годы сокращалось количество защит кандидатских диссертаций. Численность аспирантов также сокращается (рисунок 4). По сравнению с другими регионами Приволжского федерального округа на 2018 год Саратовская область находилась на пятом месте. Впереди нее были Татарстан, Нижегородская, Самарская обл., Башкортостан с показателями 3035, 1797, 1551 и 1543 соответственно. На 2022 год рассматриваемый регион оказался на шестом месте, его опережают Татарстан, Самарская, Нижегородская обл., Башкортостан и Пермский край с данными 3402, 2667, 1778, 1722 и 1181 соответственно. Несмотря на то, что в Самарской области происходит снижение численности аспирантов, в Приволжском ФО по лидирующим регионам обратная ситуация, например, находящийся на первом месте Татарстан увеличил на 367 человек данный показатель.

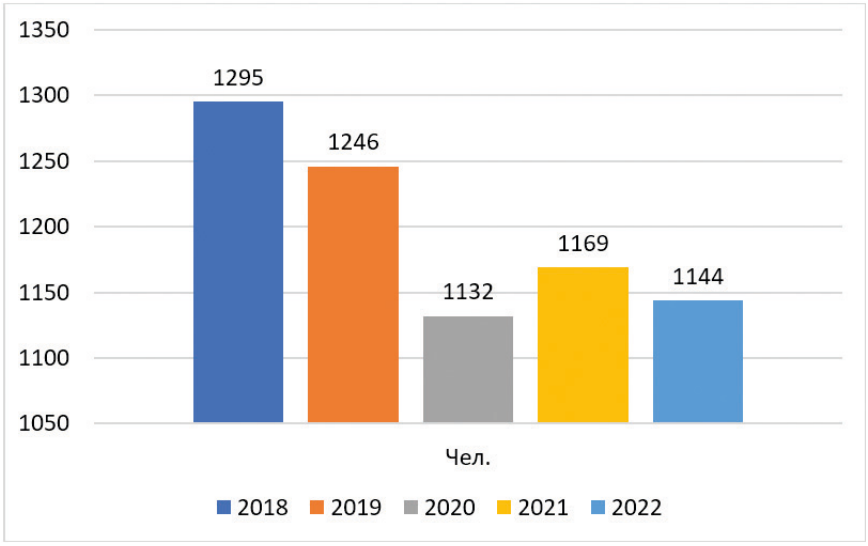

Рис. 4. Численность аспирантов

Еще сложнее складывается ситуация с подготовкой докторантов, так как для этого необходимо наличие научных школ. Далеко не во всех регионах сейчас вообще есть возможность вести подготовку докторантов собственными силами. Нужно сказать, что ситуация в Саратовской области выглядит достаточно позитивно, так как численность докторантов исчисляется не единицами, а десятками. Численность докторантов за рассматриваемое пятилетие и увеличивалась, и снижалась (рисунок 5). Однако в 2022 году она была меньше, чем в 2018 г., на 7 человек. Рассмотрим Саратовскую область в сравнении с другими регионами Приволжского федерального округа. Стоит отметить, что не во всех субъектах, входящих в его состав, обучались докторанты. Несмотря на то, что в Саратовской области произошло сокращение их числа, в каждый год рассматриваемого периода регион занимал первое место по их числу в федеральном округе. В 2018 году второе место занимала Мордовия (18 чел.), а третье – Самарская обл. (14 чел.), а в 2022 году на второй позиции был Татарстан (23 чел.) и Мордовия (21 чел.).

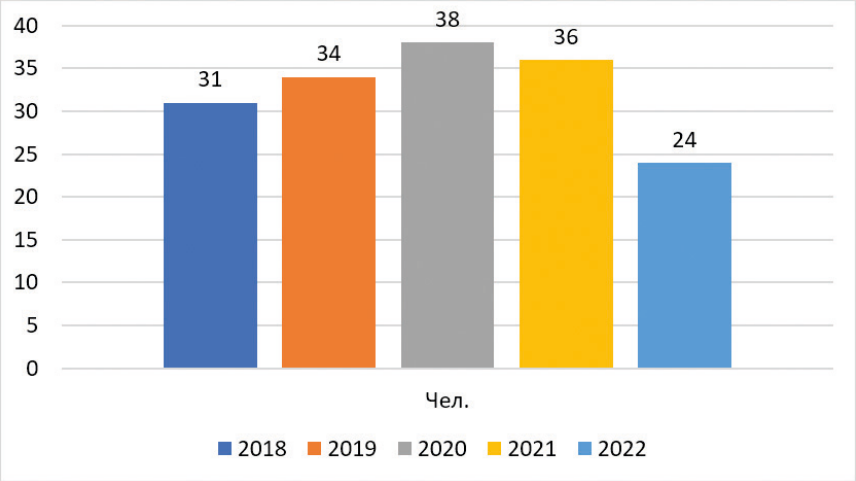

Рис. 5. Численность докторантов

Саратовская область обладает достаточно высоким уровнем системы высшего образования, фундамент которого был сформирован еще в советский период времени. Динамика численность профессорско-преподавательского состава, численность студентов укладываются в основные тенденции, характерные для большинства регионов Российской Федерации. Повсеместно в последние годы наблюдалось сокращение численности научно-педагогических работников и общего контингента студентов. Это связано с особенностями демографических тенденций в обществе 20 лет назад и с востребованностью самой системы высшего образования. В предшествующие десятилетия формировался тренд на всеобщее высшее образование, сейчас происходит смещение в сторону среднего профессионального образования. Это не может не сказаться на численности обучающихся. Несмотря на наличие определенных негативных тенденций, Саратовская область не только сохраняет стабильность в подготовке кадров с высшим образованием, но и воспроизводит кадры высшей квалификации через систему аспирантуры и докторантуры.

Список литературы

1. Зайцева О. П. Основные тренды развития регионального высшего образования // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2017. – № 2 (28). – С. 196-203.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 1126 с.
3. Соколова М. В. Подготовка кадров для экономики региона в системе высшего образования Владимирской области во второй половине XX века // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 1(150). – С. 592-595.
4. Соколова М. В., Листратов И. В. Правовое регулирование платных образовательных услуг в системе высшего образования Российской Федерации // Право и управление. – 2023. – № 2. – С. 80-85.
5. Хайруллин И. А. Оценка пороговых значений и уровня экономической безопасности территориальных систем высшего образования субъектов Приволжского федерального округа // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2023. – № 11. – С. 159-165.

УДК 311.42

© Анна Владимировна Евтюхова
студентка факультета управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: anyuta60@yandex.ru

Anna Vladimirovna Evtyukhova
student of the Faculty of Management,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Ксения Максимовна Батяева
студентка факультета управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: kseniya.batyayeva@mail.ru

Ksenia Maksimovna Batyaeva
student of the Faculty of Management,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРРИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Dynamics of the main activity indicators of enterprises and organizations in the territory of the Vladimir region

Аннотация. В статье на основе данных статистики делается анализ основных показателей деятельности предприятий и организаций на территории Владимирской области. Трансформация хозяйственной жизни в эпоху цифровизации приводит к динамическим изменениям в работе предприятий и организаций. Ряду из них становится достаточно сложно выдерживать конкуренцию с онлайн-сервисами по предоставлению товаров и услуг.

Abstract. The article analyzes the main performance indicators of enterprises and organizations in the Vladimir region on the basis of statistical data. The transformation of economic life in the era of digitalization leads to dynamic changes in the work of enterprises and organizations. It is becoming quite difficult for a number of them to compete with online services for the provision of goods and services.

Ключевые слова: оборот организаций, форма собственности, предприятия, организации, конкуренция.

Keywords: turnover of organizations, form of ownership, enterprises, organizations, competition.

Основа социально-экономического развития региона определяется деловой активностью предприятий и организаций, которые действуют на территории субъекта. Они формируют налоговую базу регионального бюджета, являются местом работы для жителей. Наличие крупных предприятий достаточно часто формирует бренд региона, который часто складывается из брендов работодателей. Все это в совокупности влияет на огромное количество других социально-демографических и социокультурных показателей. Динамично развивающиеся современные предприятия притягивают в регион жителей других субъектов и препятствуют оттоку местного населения.

Если рассматривать валовой региональный продукт Владимирской области, то можно подытожить, что в течение последних пяти лет именно на промышленность в нём выпадает порядка 40 %. На предприятиях промышленного сектора трудится более 25 % от числа всего занятого населения в экономике региона.

Такие высокие конкурентные преимущества обеспечивают: выгодное географическое положение Владимирской области (между Московской и Нижегородской областями); соседство и тесное сотрудничество с другими развитыми регионами; транспортная система и логистические узлы, благоприятствующие развитию по многим направле-

ниям; наличие собственной ресурсной базы (нерудные полезные ископаемые, лес, торф и многое другое); наличие высших учебных заведений, научной и производственной базы и как итог высокий уровень квалификации рабочих кадров; формируемый на фоне всего вышеперечисленного благоприятный инвестиционный климат.

Во Владимирском регионе имеются производства техники для строительства и ремонта автодорожных покрытий, осуществляются постоянный выпуск качественных изделий из стекла и переработка пищевых продуктов (молоко, кондитерские изделия и т.д.). Широко представлены металлургические и химические предприятия, текстильные фабрики.

Однако, рассмотрев данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области за предыдущие пять лет, можно прийти к неоднозначным выводам.

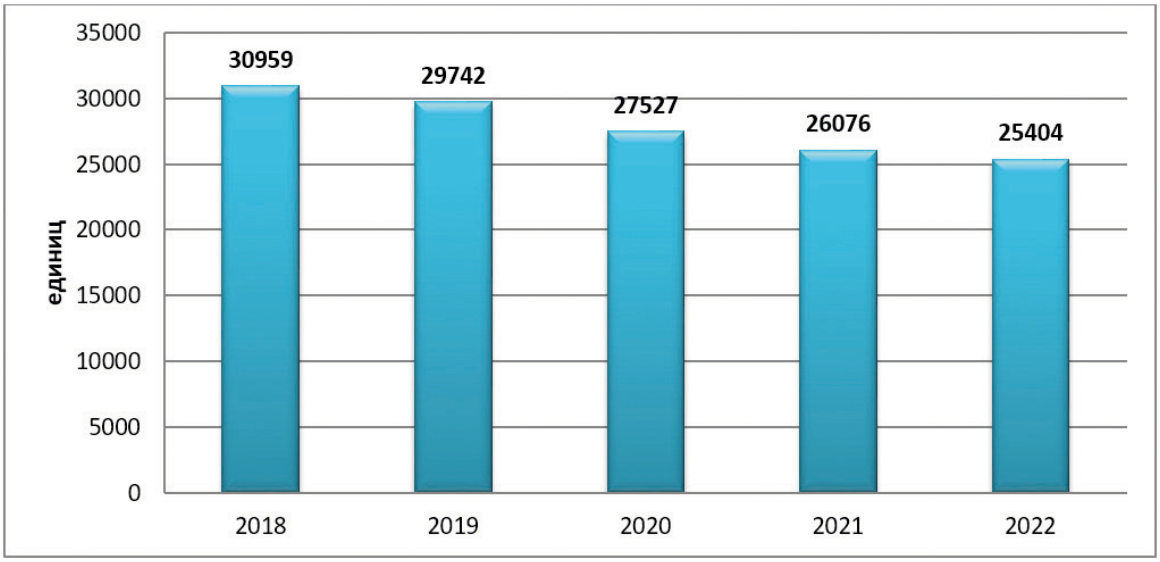

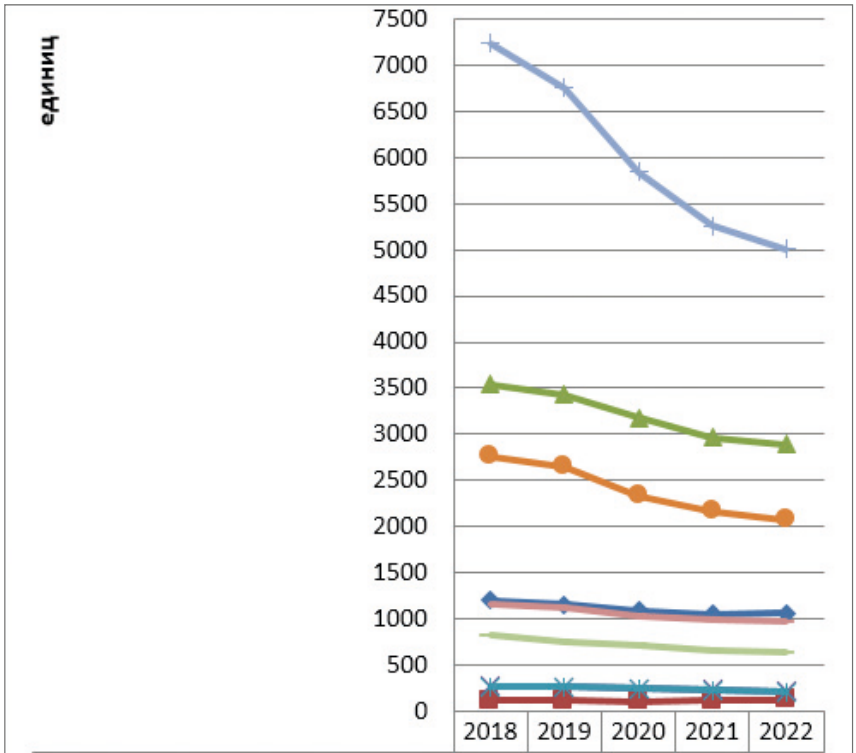
Рис. 1. Количество предприятий и организаций по всем видам экономической деятельности

С 2018 по 2022 год во Владимирской области постоянно снижалось количество организаций общего профиля. С 30959 до 25404 единиц соответственно. Но, несмотря на общую тенденцию к спаду, некоторые отрасли всё же демонстрируют уверенный рост.

Одной из самых стабильных отраслей можно смело назвать сельское и лесное хозяйство (рыболовство, рыбоводство). На конец 2022 года количество организаций и предприятий в этой отрасли составляло 1058 единиц. Это говорит нам о неспадающем интересе к стабильному развитию сельской и рыболовной промышленности, невзирая на множество современных вызовов, встающих на пути этой деятельности.

Необходимо отметить позитивную динамику в добыче полезных ископаемых. Здесь за предыдущие пять лет количество организаций выросло с 107 до 115 единиц. Эта тенденция связана с развитием сферы строительства и крупными инфраструктурными проектами, которые реализуются на территории Владимирской области, например, строительство дороги М-12, расширение дорожной магистрали от Владимира до Суздаля. Так как основная масса полезных ископаемых области представлена строительными материалами, то увеличение объемов их добычи под эти проекты существенно повлияло на динамику общего показателя по добыче полезных ископаемых.

Важно не обойти стороной тот факт, что такие виды экономической деятельности, как строительство и торговля (оптовая и в розницу), испытывают очевидные трудности. Количество организаций в этих отраслях в течение пяти лет неумолимо сокращалось.

	2018	2019	2020	2021	2022
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	1193	1148	1087	1052	1058
добыча полезных ископаемых	107	106	105	111	115
обрабатывающие производства	3543	3424	3179	2968	2885
обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	271	257	239	234	208
водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	262	257	237	220	205
строительство	2756	2645	2330	2160	2072
торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	7244	6752	5843	5262	5005
транспортировка и хранение	1148	1110	1032	996	969
деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	813	750	711	661	632

Рис. 2. Количество предприятий и организаций по видам экономической деятельности во Владимирский области

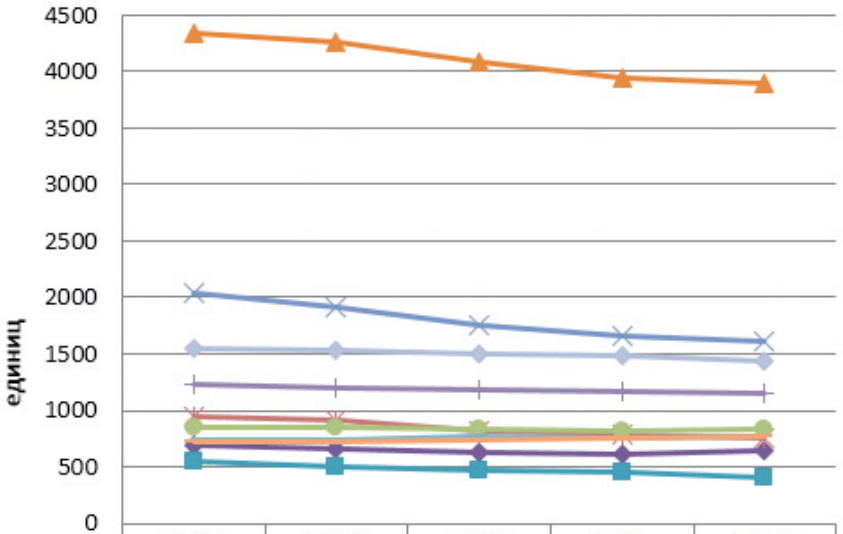
В строительстве: с 2756 до 2072 единиц. В торговле: с 7244 до 5005 единиц соответственно. Это сокращение предприятий не отражается на объемах, причиной является монополизация этих сфер деятельности. На смену мелким магазинам приходят крупные торговые сети, которые за счет объемов продаваемой продукции оказываются более конкурентоспособными в ценовом плане. Торговля непродовольственными товарами все больше уходит на онлайн-платформы. Пункты выдачи крупнейших из них уже есть не только в городах, но и в крупных сельских населенных пунктах.

С небольшими колебаниями по количеству организаций, в относительной стабильности, на рынке лавируют финансовая и страховая деятельность, область информации и связи, профессиональная, научная и техническая сферы.

Можно сказать, что сокращение числа организаций по многим видам экономической деятельности Владимирского региона – это очевидный показатель значительных трудностей, с которыми приходится иметь дело отдельным секторам экономики. Общее положение спасают некоторые отрасли, которые продолжают постепенный рост и развитие. Скорее всего, к такому состоянию рынка приводят изменения потребительских предпочтений, развитие новых технологий, стремление к стабильности и инновациям.

Можно сделать вывод, что экономика Владимирской области для успешного развития нуждается в адекватном постоянном анализе и в своевременных мерах приспособления к постоянным переменам.

Однако если пристально изучить общий оборот всех организаций и предприятий Владимирской области в период с 2018 по 2022 год, то можно обнаружить несколько интересных и обнадёживающих моментов.

	2018	2019	2020	2021	2022
деятельность в области информации и связи	686	666	626	612	646
деятельность финансовая и страховая	543	502	466	449	400
деятельность по операциям с недвижимым имуществом	4332	4257	4083	3935	3893
деятельность профессиональная, научная и техническая	2033	1906	1754	1658	1612
деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	950	915	816	780	753
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	846	844	830	817	832
образование	1227	1202	1183	1161	1149
деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	740	740	766	762	768
деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	717	726	738	755	763
предоставление прочих видов услуг	1546	1533	1499	1481	1437

Рис. 3. Количество предприятий и организаций по видам экономической деятельности во Владимирской области

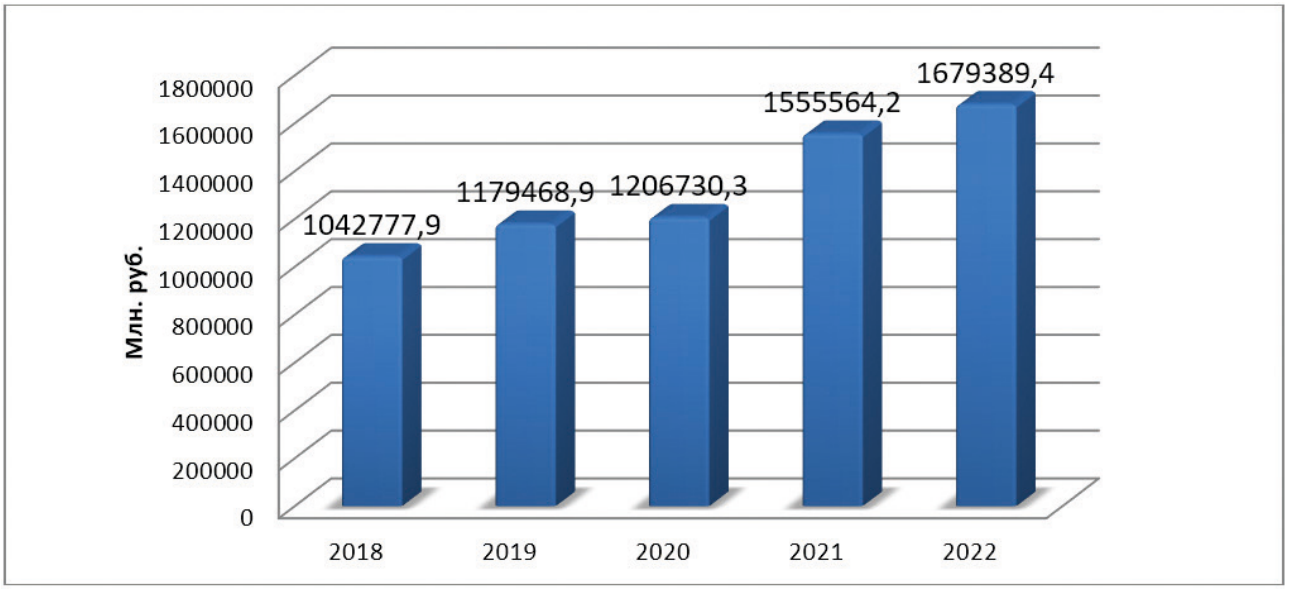

Рис. 4. Совокупный оборот предприятий и организаций Владимирской области

В 2018 году общий оборот составлял 1042777,9 млн. руб. В 2022 году: 1679389,4 млн. руб. Здесь мы может видеть значительный рост.

Наибольший оборот присутствует в сфере обрабатывающих производств. Он составил 488347,1 млн. руб. в 2018 году. За последующие пять лет оборот достиг планки в 796920,6 млн. руб. Эта группа включает в себя такие отрасли: пищевое, текстильное, химическое и медицинское производство.

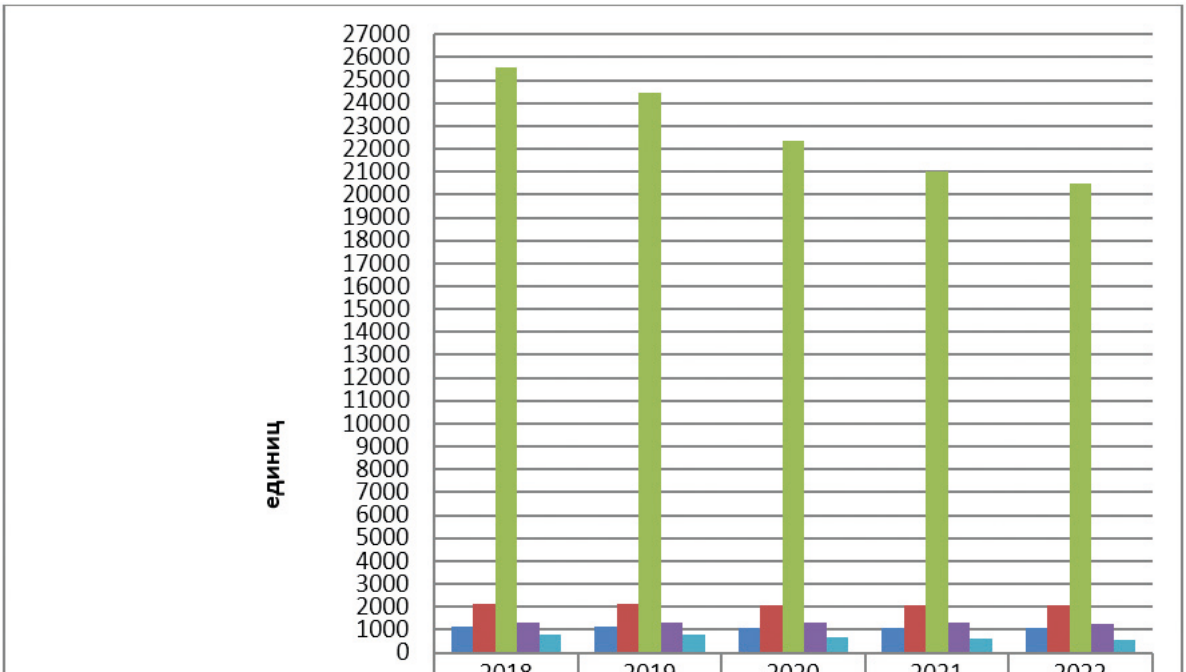
О стабильном спросе на продукцию пищевой отрасли говорит значительная доля в общем обороте. В 2018 году она составляла 162013,6 млн. руб. В 2022 году выросла до 251037,7 млн. руб. Интенсивное развитие пищевой промышленности связано с территориальной близостью столичного региона, большая часть произведенной продукции сразу же поставляется на рынки Москвы и Московской области. Территориальная локализация этой промышленности также приходится на районы, близкие к Москве.

За рассматриваемый период впечатляющий рост показали также и другие отрасли экономики области. Это электротехническая и металлургическая промышленность, производство резиновых и пластмассовых изделий.

Сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, производство одежды за эти пять лет показывали разнонаправленную динамику. Разнонаправленные тенденции в развитии отдельных отраслей в ближайшей перспективе будут приводить к закрытию одних предприятий и организаций и открытию других.

В современной экономике стратегическое значение имеют новые технологии и инновации, о чём свидетельствуют лидирующие отрасли. Залогом роста и трансформации экономической среды Владимирского региона (и страны в целом) являются информационные технологии, производство компьютеров и электронных устройств, электротехника и оборудование.

Данные об обороте организаций и предприятий по видам экономической деятельности являются очень ценной и значимой информацией. Посредством её анализа можно рассуждать о состоянии и развитии отдельных секторов экономики, о том, какие отрасли являются основной движущей силой развития и экономического роста, а какие требуют дополнительных дотаций и разного рода поддержки. За предыдущие пять лет мы наблюдаем снижение общего числа организаций и предприятий во Владимирской области. Вероятно, эта тенденция будет иметь место и в ближайшем будущем.

	2018	2019	2020	2021	2022
государственная	1136	1122	1104	1058	1055
муниципальная	2154	2123	2102	2085	2069
частная	25557	24425	22329	20997	20464
собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	1306	1304	1292	1302	1271
прочие формы собственности, включая смешанную российскую, иностранную, совместную российскую и иностранную	806	768	700	634	545

Рис. 5. Распределение предприятий и организаций по формам собственности

Анализируя количество предприятий и организаций по формам собственности, становится понятно, что самыми стабильными являются государственные и муниципальные. Их численность тоже сокращается, но совсем несущественными темпами. Наличие бюджетного финансирования и выполнение социально значимых функций позволяет им сохранять стабильность. Самым значительным изменением является сокращение числа частных предприятий. С 2018 года по 2022 год их количество снизилось с 25557 до 20464 единиц. Малый и средний бизнес оказывается наименее устойчивым в условиях цифровой трансформации экономики.

Интересной тенденцией является уменьшение числа предприятий и организаций, принадлежащих общественным и религиозным объединениям.

Количество различных форм смешанной собственности, включая иностранные инвестиции, совместные российско-иностранные предприятия и смешанные российские предприятия, также обнаруживает снижение. В 2018 году было зарегистрировано 806 предприятий такого типа, а в 2022 году их количество составило 545.

Таким образом, динамика численности предприятий и организаций выглядит по-разному. Зависит это от отрасли экономики, формы собственности, уровня конкуренции в конкретной сфере деятельности. Стабильно наиболее уверенно себя ощущают предприятия пищевой промышлен-

ности, что предопределено географическим положением Владимирской области, которая производит пищевую продукцию для потребностей Москвы и Московской области. Наиболее чувствительными к цифровой трансформации оказались предприятия торговли и обслуживания. В условиях масштабного распространения интернет-технологий им просто невозможно выдерживать конкуренцию с крупными сетевыми магазинами и цифровыми платформами, предоставляющими товары и услуги.

Список литературы

1. Макаров П. Ю., Соколова М. В., Илларионов А. Е. Исследование практики брендинга малых городов: опрос руководителей городских администраций // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – № 1. – С. 66-88.
2. Макаров П. Ю., Соколова М. В., Илларионов А. Е. Механизмы брендинга территорий // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – № 1. – С. 124-149.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 1126 с.
4. Министерство экономического развития и промышленности Владимирской области: офиц. сайт. URL: https://economy.avo.ru/o-promyslennom-komplekse-regiona (дата обращения: 09.04.2024).
5. Владимирские ведомости: областная общественная газета: офиц. сайт. URL: https://vedom.ru/news/2020/01/19/38841-vo-vladimirskoj-oblasti-snizilos-kolichestvo (дата обращения: 08.04.2024).

УДК 331.108

© Анна Викторовна Ермохина
магистрант факультета управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: annermx@gmail.com

Anna Viktorovna Ermokhina
Master's student at the Faculty
of Management,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ ДЕЛОВОЙ ОЦЕНКИ НА ОСНОВЕ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В МБДОУ «ДЕТСКИЙ САД № 16 Д. ИВАТИНО»

Development of a business assessment system based on psychodiagnostic methods in MBPEI "Kindergarten No. 16 in the village of Ivatino"

Аннотация. Статья посвящена разработке этапов внедрения деловой оценки персонала на основе психодиагностических методов в организацию дошкольного образования. В статье приведены профили должностей работников детского сада, подобраны методы и критерии оценки для каждого личностно-профессионального качества из этих профилей, рассмотрены направления использования результатов оценки персонала. Подчёркивается значение проведения деловой оценки с использованием методов психодиагностики для работников детского сада.

Annotation. The article is devoted to the development of the stages of the introduction of business personnel assessment based on psychodiagnostic methods in the organization of preschool education. The article presents the profiles of the positions of kindergarten employees, selected methods and evaluation criteria for each personal and professional quality of these profiles, and considered the directions of using the results of personnel evaluation. The importance of conducting a business assessment using psychodiagnostic methods for kindergarten workers is emphasized.

Ключевые слова: деловая оценка персонала, профиль должности, психодиагностические методы, личностно-профессиональные качества.

Keywords: business assessment of personnel, position profile, psychodiagnostic methods, personal and professional qualities.

Из всех возможных форм оценки персонала в МБДОУ «Детский сад № 16 д. Иватино» присутствует только формальная аттестация персонала. Это вызывает ряд проблем: у сотрудников не измеряются такие показатели как стрессоустойчивость, креативность, достижения как самих педагогов, так и их воспитанников, психоэмоциональное состояние, уровень выгорания и другие, оценка персонала не связана с построением карьеры, с обучением персонала, с помещением в кадровый резерв. Для решения данных проблем целесообразно ввести деловую оценку персонала, которая позволила бы оценить не только соответствие занимаемой должности и категорию, отражающую формальный уровень профессионализма, но и личностно-профессиональные качества воспитателей. Это и является актуальностью данной проблемы.

Для внедрения деловой оценки персонала в МБДОУ «Детский сад № 16 д. Иватино» определим несколько этапов (рисунок 1).

На первом этапе нам необходимо разработать профили должностей для работников детского сада. Они включают не только должностные обязанности сотрудников, в соответствии с их должностными инструкциями, но и их личностно-профессиональные качества. Мы выделим самые важные компетенции и качества для каждой должности и оценим их по пятиуровневой шкале, где 1 – низкий уровень, 2 – ниже среднего, 3 – средний уровень, 4 – выше среднего и 5 – высокий уровень.

В профиль должности старшего воспитателя, воспитателя и младшего воспитателя входят такие личностно-профессиональные качества как:

- коммуникативность – общение с детьми и их родителями, коллегами (высокий);
- креативность – внедрение и использование необычных, новых, интересных идей в образовательном процессе (выше среднего);
- командность – способность работать вместе со своими коллегами и детьми (ниже среднего);
- профессионализм – знание методик и технологий развития и обучения детей в соответствующем возрасте, знание инновационных методов обучения и владение ими, надлежащее выполнение своих обязанностей и отношения к детям, их родителям и коллегам (высокий);
- стрессоустойчивость – устойчивость к стрессовым нагрузкам на работе из-за детей, их родителей, коллег, внештатных ситуаций, несчастных случаев и другого (выше среднего);
- теплота – нежное, доброе, снисходительное отношение к детям, родителям и коллегам (средний);
- эмоциональная устойчивость – поддержание своих эмоций, чувств в рамках дозволенного, не нарушающего права ребёнка, его психику и отношения к окружающему миру (выше среднего);
- открытость – открытые, доверительные отношения с ребёнком, родителями, коллегами (средний);
- самоконтроль – поддержание своих действий в рамках дозволенного, не нарушающего отношение ребёнка к окружающему миру и не разрушающего его психику (средний);
- стремление к саморазвитию – способность и желание учиться новому, способность легко подстраиваться под изменяющиеся образовательные стандарты (выше среднего);
- ответственность – чувство ответственности за жизнь, здоровье безопасность детей и выполнение своих обязанностей (выше среднего);
- внимательность – способность воспитателя следить за воспитанниками всегда и везде, в том числе за их настроением, поведением, общением с другими детьми, это способность замечать любые отклонения в настроении, общении, развитии, чтобы в дальнейшем помочь улучшить это (выше среднего).

Рис. 1. Этапы деловой оценки в МБДОУ «Детский сад №16 д. Иватино»

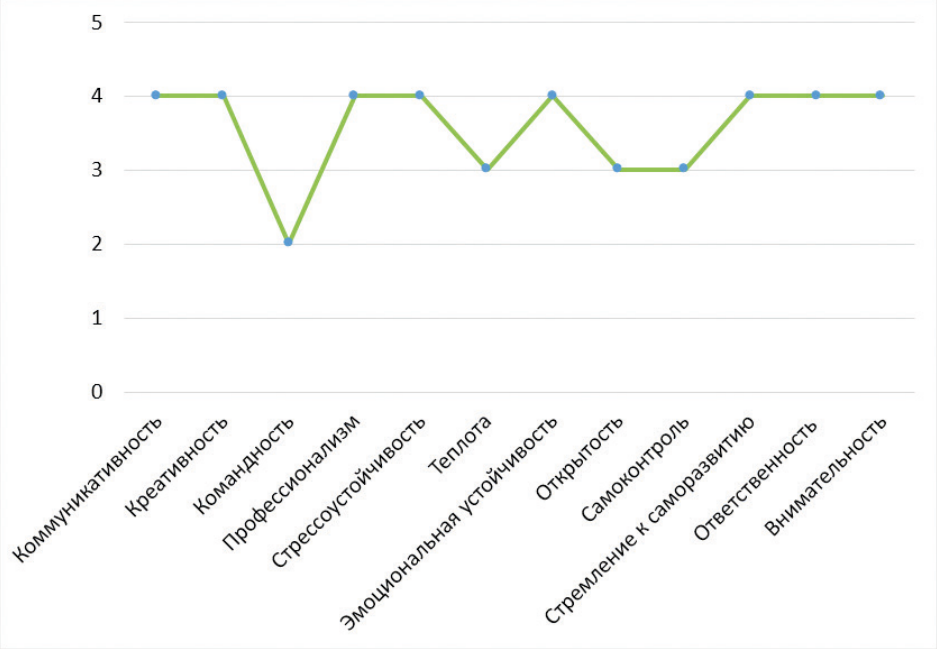

Рис. 2. Профиль профессионально важных качеств личности воспитателя

Профиль, представленный на рисунке 2, является оптимальным вариантом для должности «Воспитатель», и такой работник соответствует уровню развития и квалификации воспитателя. Если показатели выше оптимального уровня, то сотрудник соответствует уровню квалификации старшего воспитателя. Если показатели ниже оптимального уровня, то работник соответствует уровню младшего воспитателя.

Основываясь на данном профиле должности, можно определить, соответствует сотрудник занимаемой должности или нет, соответствует ли он уровню развития и квалификации для этой должности. Развиты ли у него качества, предоставленные в профиле, кроме формальных, необходимых для аттестации.

У управленца (заведующий, заместитель заведующего по АХР) МБДОУ «Детский сад № 16 д. Иватино» в профиль должности можно выделить:

- коммуникативность – общение с подчинёнными и родителями (высокий);
- стрессоустойчивость – устойчивость к стрессовым нагрузкам на работе из-за подчинённых, родителей, внештатных ситуаций, несчастных случаев и другого (выше среднего);
- лидерство – способность вести за собой людей, организовать работу детского сада, нести ответственность за своих подчинённых и за работу детского сада в целом (высокий);
- эмоциональная устойчивость – поддержание своих эмоций, чувств в рамках дозволенного, не нарушающего границы в общении и выполнении обязанностей на рабочем месте (средний);
- самоконтроль – поддержание своих действий в рамках дозволенного, не нарушающего границы в общении и выполнение своих обязанностей на рабочем месте (средний);
- командность – способность работать вместе со своими подчинёнными над некоторыми вопросами (выше среднего);
- ответственность – чувство ответственности за своих подчинённых, их безопасность, неприкосновенность и свобода в действиях по законодательству, также ответственность за работу детского сада в целом (выше среднего);
- профессионализм – знания, умения и навыки в сфере руководства бюджетной организацией дошкольного образования, надлежащее выполнение своих обязанностей и отношения к подчинённым и родителям (высокий);
- целеустремлённость – стремление достичь поставленных перед организацией целей, выполнять каждую задачу и требовать этого от других, чтобы достичь цели (средний).

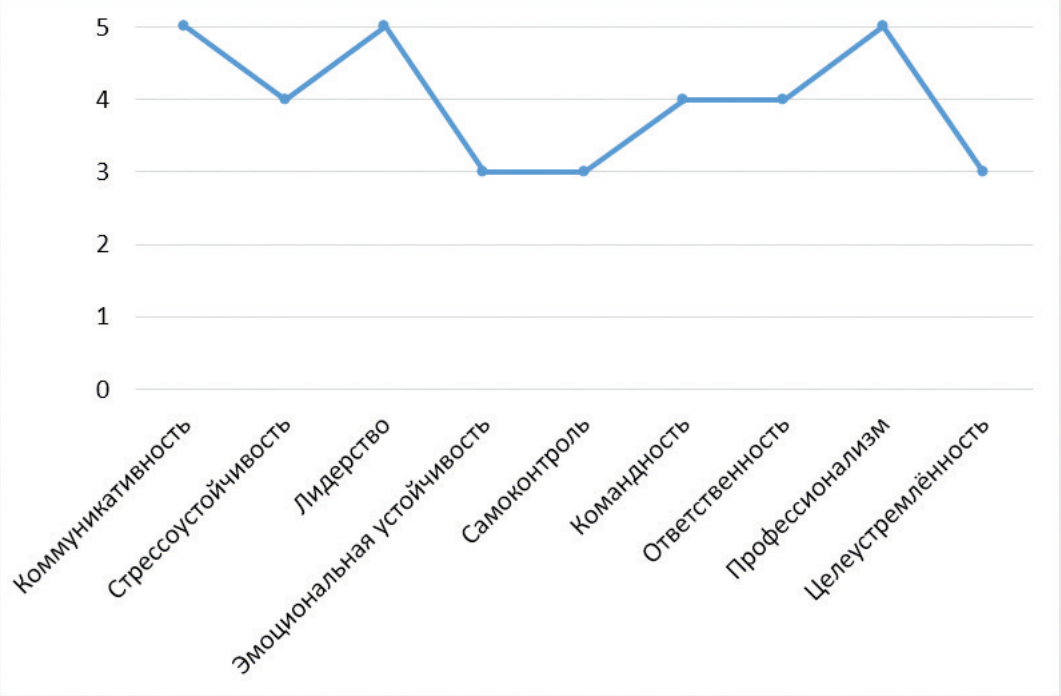

Рис. 3. Профиль профессионально важных качеств личности управляющего детским садом

Сравнив разработанный профиль должности с работником, занимающим соответствующую должность, можно определить, подходит ли он для этой должности.

На втором этапе нам необходимо подобрать методики оценки для каждого личностно-профессионального качества из профилей должностей:

- коммуникативность, теплоту, самоконтроль и открытость можно оценить по методике 16 PF Р. Кеттела;
- стрессоустойчивость будет оцениваться по тесту на определение уровня стрессоустойчивости И. А. Усатова;
- креативность будем оценивать по методике Торренса;
- лидерство и командность будем оценивать по опроснику Майерс-Бриггса и по методике Белбина;
- ответственность, эмоциональную устойчивость, внимательность, целеустремлённость оценим с помощью опросника диагностики волевых качеств личности А. А. Чумакова;
- стремление к саморазвитию и ценностные ориентации будем оценивать по методике И. Г. Сенина;
- оценить профессионализм нам поможет тест профессиональных знаний;
- профессиональное выгорание будем оценивать по опроснику Бойко.

На третьем этапе мы определим критерии оценки личностно-профессиональных качеств, то есть переведём применяемые в методиках шкалы в нашу пятибалльную систему.

Таким образом, можно определить соответствие работников всем качествам, прописанным в профилях должностей, так как разработана базовая шкала для каждого личностно-профессионального качества. Полученные данные из проведённых методик переводятся в пятибалльную шкалу и далее сравниваются с профилями должностей, так можно увидеть, насколько развиты у работника личностно-профессиональные качества.

На четвёртом этапе мы проанализируем все полученные данные из проведённых опросников и тестов, чтобы в дальнейшем определиться, что делать с персоналом, куда его направлять.

Если личностно-профессиональные качества работников соответствуют заданному уровню, то таких работников мы помещаем в кадровый резерв.

Если по результатам опросников и тестов видно, что работник испытывает сильный стресс, он невнимателен, раздра-

жителен, плохо контролирует свои эмоции и действия, мало разговаривает со своими коллегами, с родственниками, то необходимо пересмотреть систему психологического сопровождения в организации, рекомендовать работнику консультацию у психолога, устроить какие-либо корпоративные мероприятия помимо установленных утренников и праздников.

Если по результатам оценки работник недотягивает до заданного уровня личностно-профессиональных качеств, то мы можем направить его на обучение, повышение квалификации или приставить к нему наставника, чтобы он за ним присматривал и помогал в нужный момент.

Если у сотрудника выявляется лидерский потенциал, то мы можем его обучать и продвигать на замену заведующего другим детским садом. Тем самым мы продвигаем этого работника по карьерной лестнице.

Если у воспитателя, работающего на младшей группе, прослеживается улучшение показателей, то мы можем перевести его на среднюю или старшую группу.

Таким образом, мы расписали, как поэтапно ввести деловую оценку персонала в МБДОУ «Детский сад № 16 д. Иватино». Она должна улучшить процесс оценки персонала в данной организации, показать, что необходимо изменить в управлении организацией и что сделать, чтобы и сотрудники работали лучше, и сам детский сад в целом, ведь от этого зависит качество предоставляемого дошкольного образования.

По результатам диагностики и сравнения результатов сотрудников с разработанным профилем можно скорректировать следующие направления в системе управления человеческими ресурсами:

- система обучения;
- система психологического сопровождения;
- система формирования кадрового резерва;
- система составления карьерных планов и планов развития персонала.

Список литературы

1. Горленко О. А., Ерохин Д. В., Можаева Т. П. Управление персоналом : учебник для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2022. – 249 с.
2. Коргова М. А. Кадровый менеджмент. – М. : Юрайт, 2020. – 216 с.
3. Лейкина Е. В. Развитие личности воспитателя дошкольного учреждения в процессе профессиональной деятельности: дис. … канд. психол. наук: 19.00.07. – М., 2001. – 200 с.
4. Литвинюк А. А. и др. Управление персоналом: учебник и практикум для вузов / под ред. А. А. Литвинюка. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2022. – 461 с.
5. Оценка персонала в организации: учебное пособие / А. М. Асалиев, Г. Г. Вукович, О. Г. Кириллова, Е. А. Косарева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2022. – 171 с.

УДК 004:35.08

© Людмила Анатольевна Запольнова
кандидат юридических наук, доцент,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: ezapolnova@hotmail.com

Zapolnova Lyudmila A.
Candidate of Law,
Associate Professor,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Development of information technologies in assessing the effectiveness of professional activities of state and municipal employees

Аннотация. Роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих является очень важной и незаменимой. В современном мире, где информационные технологии проникают во все сферы жизни, использование ИКТ в государственном и муниципальном секторе становится необходимостью для повышения эффективности работы и обеспечения качественного предоставления государственных услуг. Это также упрощает управленческие процессы, позволяя тем самым государственным и муниципальным служащим более эффективно исполнять свои служебные обязанности.

Annotation. The role of information and communication technologies (ICT) in the professional activities of state and municipal employees is very important and irreplaceable. In the modern world, where information technology is penetrating into all spheres of life, the use of ICT in the public and municipal sectors is becoming necessary to improve work efficiency and ensure the quality provision of public services. It also simplifies management processes, thereby allowing state and municipal employees to perform their official duties more effectively.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, государственные услуги, профессиональная деятельность, государственные и муниципальные служащие, оценка эффективности.

Keywords: information and communication technologies, public services, professional activity, state and municipal employees, efficiency assessment.

Широкое развитие цифровых технологий и их активное внедрение во всех сферах общественной жизни приводят к изменению существующих приемов и методов работы. Процесс цифровизации уже давно охватил сферу государственного и муниципального управления, что в современном мире является необходимым условием для оперативного реагирования и принятия решений, однако возникает ряд проблем, среди которых следует особенно отметить проблему информационной открытости органов государственной власти населению.

Реализуемая в России новая модель государственного управления направлена на повышение эффективности и результативности деятельности государственных и муниципальных служащих посредством использования открытого диалога с институтами гражданского общества, экспертными и бизнес-сообществами, поэтому политическим руководством страны принимаются необходимые меры. Так, в 2014 году была принята Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти [4], в которой главной задачей госорганов выступает организация взаимодействия с гражданами при принятии управленческих решений.

Сейчас идёт глобальная цифровизация, которая выражается во внедрении цифровых технологий, ИКТ и искусственного интеллекта во все сферы жизни. Это не обошло и государственное управление.

Это можно наглядно представить на базе использования сервисов Единой информационной системы управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации.

В качестве примера можно рассмотреть современные подходы кадровых служб к формированию кадрового состава. Первое - объявления федеральных органов исполнительной власти по вакантным должностям и приём документов от претендентов с использованием сервисов Единой информационной системы (рисунок 1).

Второе – аналогичные подходы используют органы государственной власти субъектов Российской Федерации (рисунок 2).

Информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью профессиональной деятельности государственных муниципальных служащих, предоставляя им целый ряд преимуществ в работе. Однако на пути к оптимальному использованию информационных технологий возникают и некоторые проблемы, включая необходимость соответствия безопасности и защите данных. Единственным путём преодоления этих вызовов является постоянное обучение и развитие в области ИКТ. Таким образом, государственные и муниципальные служащие должны стремиться к использованию ИКТ как к средству оптимизации служебных процессов и повышения эффективности своей работы.

В научной литературе справедливо отмечается, что «оценка является неотъемлемым и важнейшим элементом в структуре управления трудом управленческого персонала. Она представляет собой определенную систему, имеющую достаточно сложную структуру, позволяющую выполнять регулятивную функцию в отношении деятельности оцениваемых управленческих сотрудников и руководителей» [6].

В оценке государственных служащих, на наш взгляд, необходим интегральный подход, который предполагает устойчивость определенных критериев (рисунок 3). Они должны исходить из задач государственного органа и его кадровой службы.

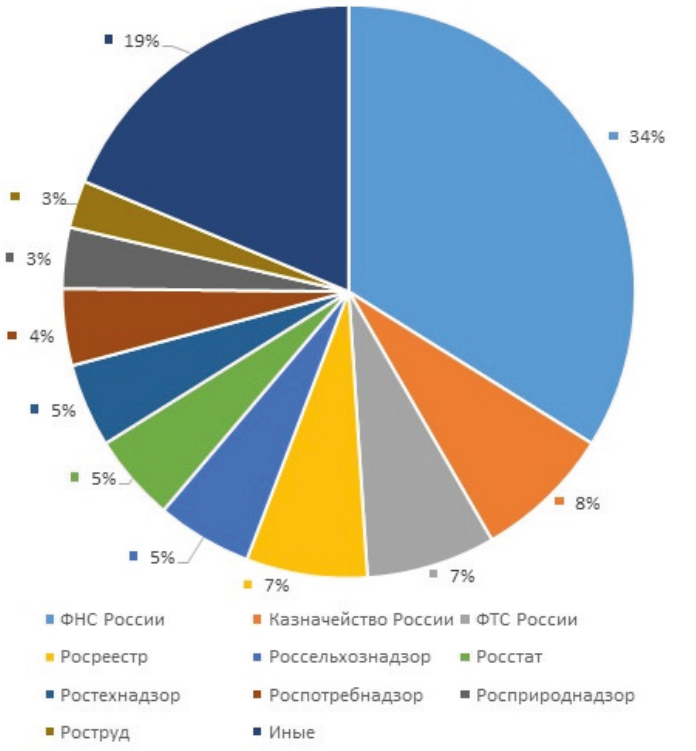

Рис. 1. Федеральные органы исполнительной власти, разместившие наибольшее количество объявлений в I квартале 2024 года на базе ЕИС

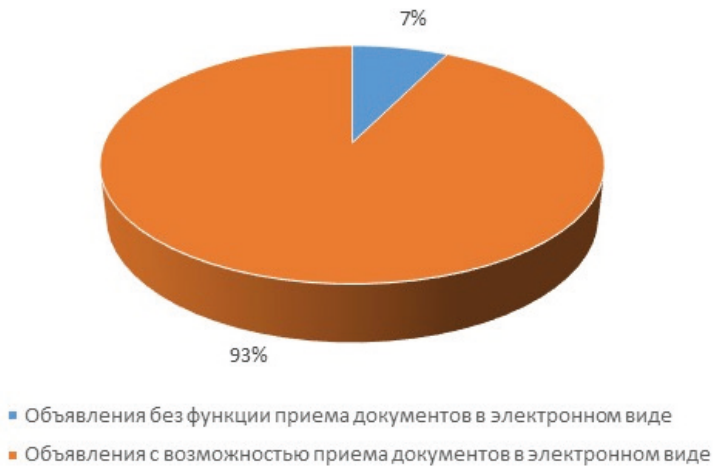

Рис. 2. Объявления, размещенные в I квартале 2024 г. органами государственной власти субъектов Российской Федерации с возможностью подачи документов в электронном виде

В государственных органах могут использоваться различные схемы распределения полномочий по проведению всесторонней оценки (подписанию отзыва и его согласованию).

При выставлении оценок руководителем учитываются объем, качество и сроки выполнения гражданским служащим, находящимся в его непосредственном подчинении, задач и подготовки документов, проявленные профессиональные знания и навыки, анализируется его служебное поведение при взаимодействии с представителями государственных органов, иных организаций, гражданами. Кроме того, руководителем принимается во внимание информация, содержащаяся в годовом отчете о профессиональной служебной деятельности гражданского служащего, с учетом годового плана целей и задач профессиональной служебной деятельности гражданского служащего.

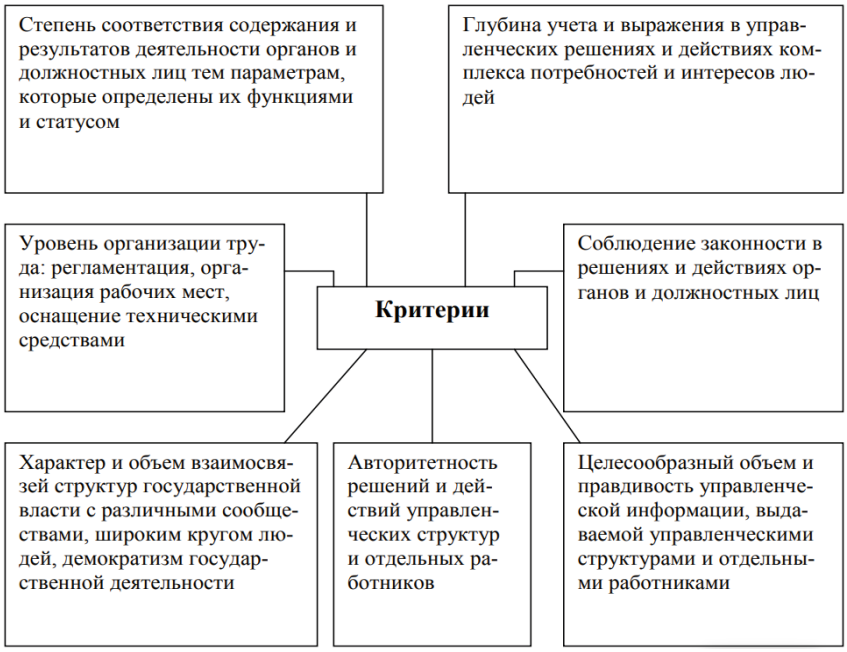

Рис. 3. Критерии оценки государственных служащих

В случае небольшого количества сотрудников в структурном подразделении государственного органа всесторонняя оценка может проводиться руководителем подразделения. В случае большой численности структурных подразделений государственного органа полномочия по всесторонней оценке могут быть делегированы заместителю руководителя структурного подразделения государственного органа. При этом разрабатываются и используются карты эффективности и результативности деятельности служащего (рисунок 4).

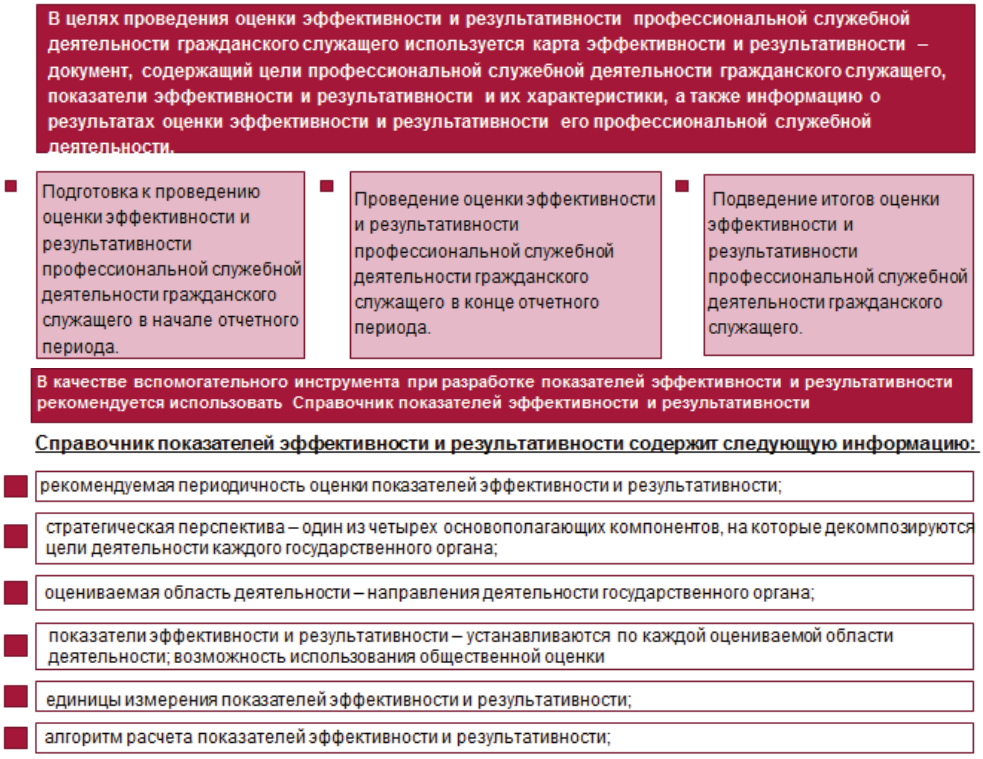

Рис. 4. Карты эффективности и результативности деятельности государственного служащего

Также существует федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», реализуемой в рамках государственной программы «Информационное общество». Данный проект направлен на достижение национальной цели «Цифровая трансформация», которая определена Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [3]. Ключевой целевой показатель, характеризующий достижение национальной цели – увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 % к 2030 году.

Данный национальный проект предполагает цифровую трансформацию государственного управления, которая обеспечит новый уровень предоставления услуг, необходимых для повышения качества жизни граждан и развития бизнеса.

Как уже отмечалось, развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) существенно повлияло на процессы в различных сферах общества, в том числе и на государственную и муниципальную службу. В настоящее время использование ИКТ становится неотъемлемой частью профессиональной деятельности государственных муниципальных служащих.

Если говорить об актуальности использования ИКТ в профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих, то следует отметить:

- улучшение эффективности работы: ИКТ позволяют автоматизировать рутинные задачи, упрощают доступ к информации и улучшают коммуникации, что ведет к повышению производительности и качества работы служащих;

- оптимизация бюрократических процессов: с помощью ИКТ можно автоматизировать процессы учета, отчетности и административных процедур, что помогает сократить бюрократическую нагрузку и ускорить принятие решений;

- улучшение доступа к информации: благодаря ИКТ служащие имеют возможность получать доступ к актуальной информации из разных источников в режиме реального времени, что помогает им принимать обоснованные решения.

Суть роли ИКТ в профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих выражена, прежде всего, в следующих моментах:

- обмен информацией: ИКТ позволяют эффективно передавать информацию между различными службами, учреждениями и организациями, что обеспечивает более быстрое и эффективное выполнение служебных задач;

- автоматизация рабочих процессов: ИКТ позволяют автоматизировать выполнение каждодневных задач, таких как заполнение документов, обработка информации, контроль выполнения поручений и т.д. Это приводит к сокращению времени на выполнение таких задач и его перераспределению;

- улучшение коммуникаций: ИКТ обеспечивают эффективные и быстрые способы коммуникации между служащими, например, электронная почта, совместная работа над документами, видеоконференции. Это способствует снижению времени на согласование и принятие решений, а также повышает качество коммуникации внутри организации.

Также ИКТ предоставляют возможность проведения мониторинга и анализа данных для принятия обоснованных решений. С использованием специализированного программного обеспечения и систем управления государственные служащие могут наглядно отслеживать и анализировать различные параметры, такие как уровень предоставления услуг, эффективность и результативность исполнения задач. Это позволяет лучше планировать и оптимизировать работу.

Основные показатели эффективности исполнения служебных обязанностей государственными и муниципальными служащими могут меняться в зависимости от конкретной должности, но можно выделить несколько общих показателей, таких как профессионализм, что является важным показателем, который направлен на оценку умения применять профессиональные навыки, связанные с должностью; не менее важными показате-

лями являются точность выполнения задач и соблюдение установленных сроков. Государственные и муниципальные служащие должны ориентироваться на интересы и потребности общества. Они должны быть готовы служить гражданам и оперативно реагировать на их запросы, обеспечивая высокий уровень обслуживания и удовлетворение потребностей граждан. В связи с этим еще одним показателем эффективности служащего является коммуникация и способность работать в команде. Служащие должны быть способными четко и ясно выражать свои мысли и идеи, а также сотрудничать с коллегами и заинтересованными сторонами. Также служащие должны действовать в соответствии с правилами и нормами, следовать этическим принципам и проявлять уважение к конфиденциальности, честности и достойному поведению.

Данные показатели основаны на требованиях к служебному поведению гражданского, муниципального служащего, отражённые в Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и Федеральном законе от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [1, 2].

В этом плане важная роль отводится общественной оценке деятельности служащих (рисунок 5).

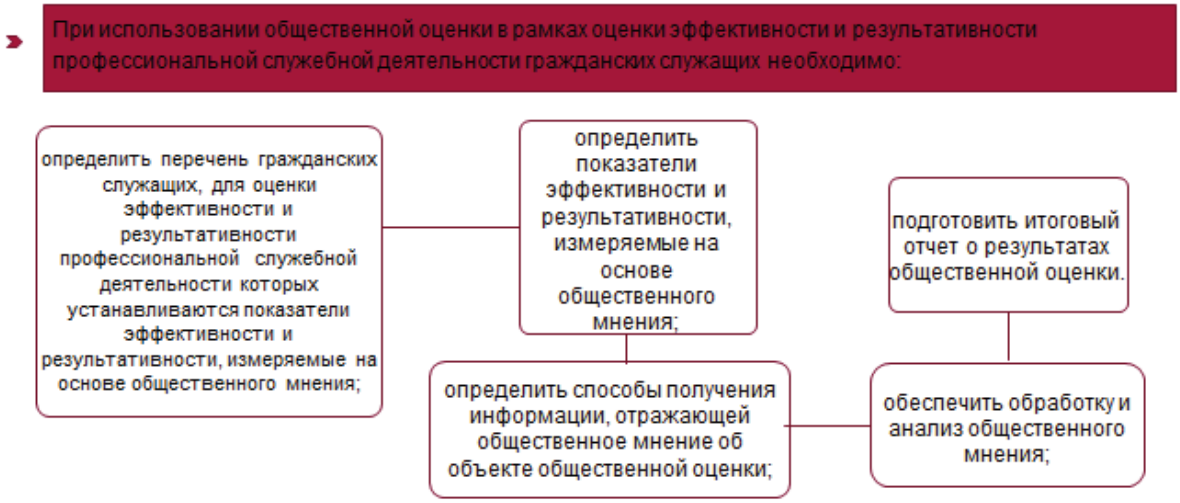

Рис. 5. Мероприятия по проведению общественной оценки служащих

Важно отметить, что каждая должность может иметь свои уникальные показатели эффективности, которые определяются требованиями и целями конкретной работы. Поэтому руководители и органы власти могут разрабатывать дополнительные критерии эффективности в соответствии с конкретными потребностями.

Оценка эффективного исполнения служебных обязанностей государственными и муниципальными служащими является сложным и многогранным процессом. Одна из основных проблем оценки эффективности – это субъективность, ведь оценка может зависеть от личных предпочтений, предвзятостей или субъективного восприятия. Это может привести к несправедливой оценке и ущемлению прав служащих. Из чего вытекает следующая проблема – отсутствие четких критериев оценки. Необходимо разработать ясные и конкретные критерии оценки, которые будут ориентированы на результаты и достижения в работе. Также важной проблемой является отсутствие мотивации и стимулирования самих служащих. Если оценка не сопровождается соответствующей системой мотивации и стимулирования, то служащие могут не испытывать достаточного побуждения к повышению эффективности исполнения своих обязанностей. Необходимо обеспечить четкую связь между оценкой эффективности и вознаграждением или преимуществами по службе.

Для улучшения оценки эффективности выполнения обязанностей государственных и

муниципальных служащих можно рекомендовать проведение следующих мероприятий.

1. Разработка четких и объективных критериев оценки: необходимо определить конкретные показатели и стандарты, по которым будет проводиться оценка. Критерии должны быть прозрачными и понятными для всех служащих.

2. Стоит рассмотреть внедрение системы обратной связи, в которую будут включены не только непосредственные руководители, но и коллеги, подчиненные и даже внешние пользователи услуг. Это позволит получить более объективную и всестороннюю картину о работе служащего.

3. Оценку следует проводить прозрачно и объяснять результаты служащим. Они должны понимать, какие критерии были использованы, как было выполнено измерение и какие выводы были сделаны. Это поможет создать доверие и понимание процесса оценки.

4. Необходимо создать системы мотивации и вознаграждения, которые будут связаны с результатами оценки. В ст. 26 Федерального закона № 25-ФЗ указано, что виды поощрения муниципального служащего и порядок его применения устанавливаются муниципальными правовыми актами в соответствии с федеральными законами и законами субъекта РФ. В случае, если служащие смогут получить бонусы или повышение в должности в зависимости от оценки их труда, это станет стимулом к улучшению исполнения обязанностей.

5. Оценка должна быть сопровождена планом развития и обучения для служащих. Они должны иметь возможность проходить обучение и развиваться, чтобы улучшать свои показатели и эффективность служебной деятельности.

Реализация данных мероприятий может помочь улучшить оценку эффективности выполнения обязанностей государственных и муниципальных служащих, сделать ее более объективной, справедливой и мотивирующей.

Таким образом, проведенный анализ возможностей и ограничений внедрения информационных технологий в систему государственного и муниципального управления показывает, что этот процесс будет получать свое дальнейшее развитие. Обусловлено это закономерной тенденцией к открытию новых возможностей в профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих.

Список литературы

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 31, ст. 3215.
2. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 10, ст. 1152.
3. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 года № 474 // Рос. газ. – 2020. – 23 июля.
4. Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти: Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р // СПС «КонсультантПлюс».
5. Беседина О. И., Зновенко Д. И., Малахова Е. В. Инновационные методы в кадровой политике // Экономика. Менеджмент. Инновации. – 2019. – № 1 (19). – С. 3-10.
6. Васильев А.А. Информационные технологии в управлении // Перспективы науки и образования. – 2015. – № 4 (16). – С. 76-82.
7. Куликова Е. С., Пустовит А. А. Применение цифровых технологий при реализации государственной кадровой политики // Умная цифровая экономика. – 2023. – Т. 3. – №1. – С. 38-41.

УДК 336.027:338.23:338.28

© Валентин Васильевич Катов,
кандидат экономических наук,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: kwant55@ mail.ru

V. V. Katov,
PhD in Economics,
Vladimir branch of the RANEPA,
Vladimir

УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫМИ РЕСУРСАМИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ПРОГРАММ) НА ОСНОВЕ СИСТЕМНОГО ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ БЮДЖЕТОВ ВСЕХ УРОВНЕЙ И ДОХОДОВ СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИКИ РФ

Management of financial resources for implementation of national projects (programs) based on systemic share participation of budgets of all levels and income of economic entities of the Russian Federation

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы управления финансовыми ресурсами по обеспечению реализации национальных проектов. Планы разработки национальных проектов подразумевали создание управляемой системы по значительному, ощутимому, если не сказать прорывному, масштабному, качественному изменению во всех сферах общества. Механизм бюджетного финансирования национальных проектов увязан с интеграцией их в государственные программы. Национальные проекты в значительной степени способствуют достижению национальных целей, являясь последовательными решениями государства в данном вопросе. Принцип совместного финансирования национальных проектов расширяет возможности государства по экономическому выравниванию регионов, стимулированию инвестиционной активности и возрастанию роли стратегического планирования.

Abstract. The article discusses issues of managing financial resources to ensure the implementation of national projects. Plans for the development of national projects implied the creation of a managed system for significant, tangible, if not breakthrough, large-scale, qualitative changes in all spheres of society. The mechanism of budget financing of national projects is linked to their integration into government programs. National projects significantly contribute to the achievement of national goals, being consistent decisions of the state in this matter. The principle of joint financing of national projects expands the state's ability to economically align regions, stimulate investment activity and increase the role of strategic planning.

Ключевые слова: национальные проекты, национальные цели, бюджетный федерализм, государственные расходы.

Keywords: national projects, national goals, fiscal federalism, government spending.

Статья 7 Конституции Российской Федерации закрепляет за государством статус социально ориентированного субъекта общественных отношений, тем самым государство на конституционном уровне принимает на себя обязательства по обеспечению высокого уровня качества жизни населения. Воплощение в жизнь данной задачи подразумевает как материальную сторону, так и в большей степени важную социокультурную составляющую общественного развития. Преобразование, переформатирование как политических, так и экономических институтов лишь частично сможет обеспечить практическое воплощение столь амбициозных целей. По нашему мнению, главной задачей по становлению социально ориентированного государства является перезагрузка, перерождение массового сознания. Идеология разработки национальных проектов подразумевала создание управ-

ляемой системы по значительному, ощутимому, если не сказать прорывному, масштабному, качественному изменению во всех сферах общества. Национальные проекты следует считать одним из наиболее эффективных инструментов реализации программных задач социально-экономического развития сфер общественной жизни, непосредственно оказывающих влияние на качество жизни. Для более полного понимания категории «национальный проект», выделим следующее:

- это проект федерального уровня;

- соответствует приоритетным направлениям внутренней политики государства;

- получение значимых результатов в социально-экономическом и научно-техническом развитии страны, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе;

- привлечение финансовых ресурсов всех уровней власти, бюджетных и внебюджетных источников, финансов субъектов экономической деятельности.

Остановимся на финансовой составляющей в реализации национальных проектов, в том числе проведем анализ понятий: «государственные расходы»; «расходы бюджета»; «внебюджетные источники». Категорию «государственные расходы» большинство исследователей относит к некоторой обобщенной финансовой составляющей, характеризующей источники расходов не только бюджетного характера, но и внутренние ресурсы всех государственных и муниципальных образований, т.е. централизованные и децентрализованные денежные фонды, текущие расходы указанных организаций. В общем виде государственные расходы включают в себя расходы на государственное управление, социально-экономическое и культурное развитие, сохранение обороноспособности страны, обеспечение расширенного воспроизводства и иные цели общегосударственного характера, с использованием не только бюджетных средств.

К категории «расходы бюджета» относятся лишь расходы бюджетов всех уровней: федерального, регионального, муниципального, что говорит о более широком понятии «государственные расходы», нежели «расходы бюджета». Поэтому механизм бюджетного финансирования национальных проектов увязан с интеграцией их в государственные программы. В этом случае бюджетная классификация расходов на реализацию национальных проектов имеет статью расходов на уровне основных государственных программ РФ с соответствующими кодами целевой статьи расходов государственных программ. Каждый национальный проект имеет уникальное буквенное обозначение определенных структурных элементов государственных программ, что позволяет осуществлять эффективных контроль использования средств бюджета.

Категория «внебюджетные расходы», в первую очередь, подразумевает вид расходов, не связанный напрямую с консолидированными бюджетными расходами, как сводом бюджетов всех уровней. Так называемые «иные источники финансирования» включают в себя средства государственных компаний, внебюджетные фонды, все виды средств негосударственных компаний (собственные и заемные).

Правовые обоснования корректировки финансирования национальных проектов достаточно обширны. Так, п. 9 ст. 130 Бюджетного кодекса РФ позволяет проводить определенные корректировки распределения и предоставления межбюджетных трансфертов бюджетам субъектов РФ по согласованию с Государственной Думой, Федеральный закон от 28.11.2018 года № 457-ФЗ дает возможность перераспределять бюджетные ассигнования как между отдельными национальными проектами, так и между реализующими их регионами, внося изменения в сводную бюджетную роспись федерального бюджета (на 2019-2021 гг.), в том числе применяя и механизм уменьшения бюджетных ассигнований. В то же время при планировании дополнительных расходов установлено положение, что 3/4 должно направляться на решение вопросов социальной политики (здравоохранение, образование и т.д.). Систематизируя практику законодательства по реализации национальных проектов, выделим основные законодательные положения:

- прямые расходные обязательства федерального бюджета (до 80 % средств);

- ст. 132 БК РФ, ст. 129 БК РФ – межбюджетные трансферты в виде субсидий из феде-

рального бюджета бюджетам субъектов РФ и внебюджетным фондам;

- ст. 133 БК РФ – межбюджетные трансферты в виде субвенций бюджетам субъектам РФ;

- ст. 132.1 БК РФ – иные межбюджетные трансферты бюджетам субъектов РФ;

- ст. 78 БК РФ – субсидии юридическим, физическим лицам, индивидуальным предпринимателям (за исключением учреждений государственного и муниципального статуса);

- ст. 79 БК РФ – бюджетные инвестиции в объекты государственной и муниципальной собственности [6].

Следует отметить, что национальные проекты в значительной степени способствуют достижению национальных целей, но не являются единственными решениями государства в данном вопросе. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 июля 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», разработанным в соответствии с Указом Единым планом Правительства Российской Федерации от 7 мая 2019 года № 4043п исполнение решений предусматривается за счет реализации государственных программ, наиболее значительные выделены в национальные проекты.

Финансирование всех тринадцати национальных проектов обеспечивается, в первую очередь, за счет федерального бюджета. Структура источников финансирования не в полной мере соответствует установленным принципам разграничения полномочий между бюджетами всех уровней. Так, национальный проект «Международная кооперация и экспорт» финансируется полностью за счет федерального бюджета, преобладание средств федерального бюджета предусмотрено в следующих национальных проектах: «Демография»; «Здравоохранение»; «Наука»; «Цифровая экономика». Ряд национальных проектов, по нашему мнению, непосредственно решающих локальные задачи социально-экономического развития конкретных территорий, в гораздо большей степени должны иметь основную финансовую составляющую региональных и местных бюджетов, нежели федерального бюджета. Это и вопросы ЖКХ, развитие предпринимательства, жилищное строительство, формирование окружающей среды, занятость и т.д. В таком финансовом обеспечении, опять же по нашему мнению, региональные и местные власти более рачительно и ответственно в части развития территорий обязаны обеспечить расходование средств. Финансовые ресурсы в данном случае «свои», а не «присланные» сверху.

Плановый объем финансирования всех национальных проектов на период 2019-2024 годов предусмотрен в размере 25716 млрд. рублей. Распределение указанных средств, в общем плане, можно поделить на две части: 25 % средств направляется на решение вопросов модернизации и расширения магистральной инфраструктуры; 75 % – на обеспечение остальных двенадцати проектов. Приоритетными направлениями из указанных 12 проектов обозначены следующие: демография – 12,2 % от общей цифры расходов на национальные проекты; экология – 15,7 %; безопасность дорожного движения – 18,6 %; здравоохранение – 6,7 %; цифровизация – 6,3 %. В целом же получается, что на шесть национальных проектов выделяется 84,1 % общего объема плановых средств на все национальные проекты.

Федеральное финансирование национальных проектов достаточно высоко централизовано. Общий объем федеральных средств составляет 51,2 %, что в разрезе федерального бюджета и внебюджетных средств составляет 73,1 %, доля участия бюджетов регионов в реализации национальных проектов не превышает 30 %, что указывает на централизованное финансирование программ. В то же время следует отметить, что проводится ежегодная корректировка расходов с учетом социально-экономического положения в стране, в отдельных регионах, внешних вызовов, вынужденное решение о проведении СВО. Примерное же соотношение расходов всех видов и уровней финансовых ресурсов сохраняется.

По данным Министерства финансов РФ, плановые показатели расходов имеют тенденцию к ежегодному увеличению. Так, в

2020 году предусмотрено выделение средств на 19,2 % больше, чем в 2019 году; в 2021 году на 15 % больше, чем в 2020 году; в 2023 году на 40 % больше, чем 2019 году. Для дотационных территорий предусмотрен предельный уровень софинансирования, обеспечивающий стабильное исполнение бюджетных обязательств по региону: на 2019 -2021 годы – 95 % финансирования в таких случаях обеспечивается за счет федерального бюджета.

Межбюджетные трансферты как вариант децентрализованного планирования составляют скромную цифру – 17 % в общем объеме бюджетного финансирования национальных проектов, из них почти полностью (16,7 %) составляют межбюджетные трансферты федерального уровня бюджетам субъектов РФ. Основная доля расходов по межбюджетным трансфертам предусмотрена на финансирование пяти национальных проектов, непосредственно влияющих на качество жизни: демография, экология, образование, жилье и городская среда, безопасные и качественные автомобильные дороги. Основой стратегии распределения межбюджетных трансфертов, по нашему мнению, должно быть соблюдение баланса, при котором нет ситуации в избыточности предоставленных средств, что однозначно порождает иждивенчество и инертность региональных властей, и недостаточности выделяемых средств, что не позволит выполнить принятые обязательства. Отсюда следует, что децентрализованное финансирование национальных проектов имеет двухуровневую систему: Федерация передает регионам 98,3 % межбюджетных трансфертов – первый уровень; региональный бюджет направляет в муниципальные бюджеты 1,7 % межбюджетных трансфертов. В общем виде централизованные и децентрализованные ресурсы находятся в соотношении 83 % и 17 %.

Участие хозяйствующих субъектов всех форм собственности в финансировании национальных проектов в основном выражается в передаче межбюджетных трансфертов федерального и регионального уровней в их целевое использование. В данном случае своевременность получаемых средств в большей степени зависит от качества межбюджетных отношений в целом по РФ. В реформировании процессов софинансирования национальных проектов и бюджетного федерализма наметилась тенденция в финансовой поддержке по экономическому выравниванию субъектов РФ, в то же время сокращение дотационных механизмов и рост доли субсидий и субвенций направлены, по нашему мнению, на стимулирование самостоятельности, экономической и инновационной активности регионов.

Вариант использования внебюджетных источников финансирования национальных проектов не противоречит правовым нормам и действующему финансовому законодательству. В первую очередь к таким источникам следует отнести привлечение заемных средств, кредитные линии на период реализации проекта, кредиты, в том числе и коммерческие, финансирование проектов с возвратом финансовых средств через проценты от доходов после ввода в эксплуатацию проекта (проектное финансирование), лизинг оборудования и иных форм привлечения финансовых ресурсов.

В заключение остановимся на следующих моментах:

- принцип софинансирования национальных проектов расширяет возможности государства по экономическому выравниванию регионов, стимулированию инвестиционной активности и возрастания роли стратегического планирования;

- степень ответственности на региональном и местном уровнях в реализации проектов, экономическая самостоятельность находятся в прямой зависимости от формирования системы в соотношении централизованных и нецентрализованных форм бюджетного финансирования. Излишняя централизация лишь усиливает риски несоответствия поставленных целей реальным потребностям регионов;

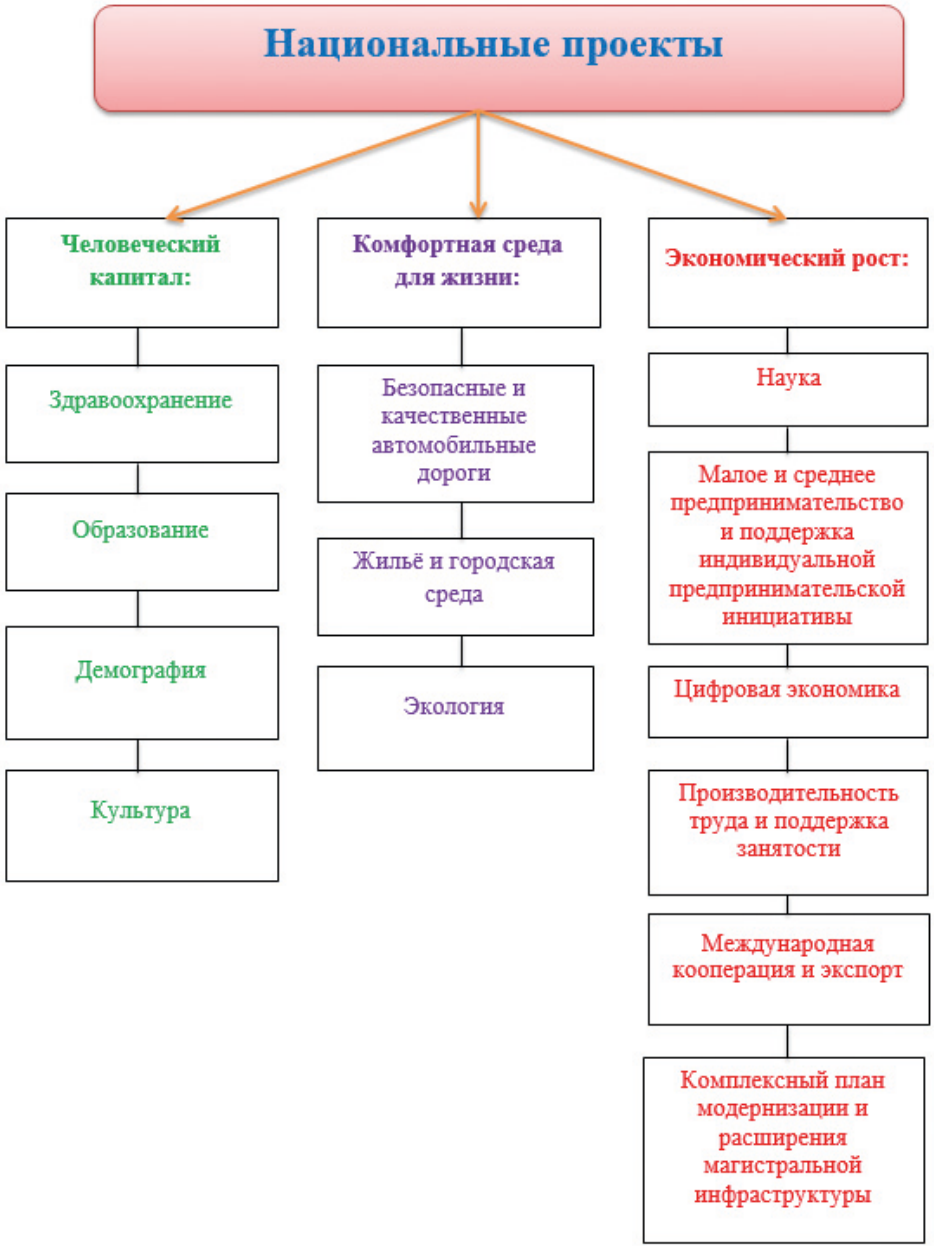
- более эффективное решение развития территорий, по нашему мнению, возможно при использовании в дальнейшем положительных возможностей децентрализации бюджетного финансирования конкретных, принятых к исполнению проектов, в основе которых следует гораздо шире применять

возможности межбюджетных отношений в сфере межбюджетного перераспределения и межбюджетных трансфертов. Региональные проекты и программы в случае решения общегосударственных направлений подлежат полному централизованному финансированию, централизованной координации деятельности по исполнению проекта;

- внебюджетное финансирование национальных проектов с привлечением собственных и заемных государственных и коммерческих организаций и структур зависит во многом от использования различных вариантов внебюджетного финансирования, в том числе и реализации различного рода корпоративных проектов на условиях внебюджетного финансирования, привлечения средств у действующих финансовых институтов. Внебюджетное финансирование национальных проектов во многом зависит от вовлеченности в данный процесс органов исполнительной власти регионов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Национальные проекты/программы на 2019-2024 годы

Примечание – Составлено автором по [1].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Перспективные направления социально-экономического развития России до 2030 года

Примечание – Составлено автором по [2].

Список литературы

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: https://base.garant.ru/71937200.
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012.
3. Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288: ред. от 21.12.2023: вместе с Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151.
4. Силуанов А. Г. Национальные проекты – это приоритет финансирования. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37125-natsionalnye_proekty_eto_prioritet_finansirovaniya.
5. Национальные проекты: ожидания, результаты, перспективы. URL: https://raexpert.ru/researches/national_project_2020.
6. Финансирование национальных проектов. URL: https://icss.ru/ekonomicheskaya-politika/strategicheskoe-planirovanie/kopiya-vneshnyaya-torgovlya-v-2018-godu-i-natsionalnye-proekty.
7. Ажлуни А. М., Шарыгина О. Л. Национальные проекты России и их реализация // Вестник аграрной науки. – 2019. – № 6. – С. 72-76.
8. Бедняков А. С., Миэринь Л. А. Национальные проекты России: проблемы и решения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 4. – С. 20-25.

9. Бозиева И. А. Финансирование инноваций: национальные проекты и необходимость новых инструментов // Финансы и кредит. – 2019. – Т. 25. – № 5. – С. 1043-1060.
10. Болтинова О. В. Расходы федерального бюджета на создание установок класса «мегасайенс» в национальных проектах Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 5. – С. 42-47.
11. Бухвальд Е. М. Национальные проекты в системе стратегического планирования в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. – 2019. – № 2. – С. 50-54.
12. Бобков В. Н. Теоретико-методологические подходы к разрешению противоречий национальных целей и национальных проектов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 217. – № 3. – С. 77-99.
13. Гришин В. И., Устюжанина Е. В. Производительность труда: общенациональная проблема и национальный проект // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 12. – С. 2204-2222.
14. Дементьева А. и др. Первые итоги: что дал экономике стартовый год реализации нацпроектов. URL: https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/odin-iz-sesti-cto-dal-ekonomike-rossii-pervyj-god-realizacii-nacproektov.
15. Запорожан А. Я. К вопросу о реализации национальных проектов // Управленческое консультирование. – 2019. – № 5. – С. 18-23.
16. Зозуля А. В. и др. Современные проблемы реализации приоритетных национальных проектов // Вестник евразийской науки. – 2019. – № 1. – С. 15-21.
17. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Национальные проекты России: региональное измерение // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2019. – № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-proekty-rossii-regionalnoe-izmerenie.
18. Куделич М. И. Система нормативных требований к оценке эффективности национальных проектов: актуальные проблемы // Финансовый журнал. – 2019. – № 4. – С. 36-49.
19. Лопатин В. А. и др. Инструменты внебюджетного финансирования национальных проектов // Экономика. Налоги. Право. – 2020. – № 13. – С. 50-58.
20. Матненко А. С. Приоритетные национальные проекты как метод и форма бюджетной деятельности государства. URL: https://wiselawyer-ru.turbopages.org/wiselawyer.ru/s/poleznoe/21484-prioritetnye-nacionalnye-proekty-metod-forma-byudzhetnoj-deyatelnosti.
21. Школьник И. С. Реализация национальных проектов в области инфо коммуникаций на примере внедрения 4G стандарта в Южной Корее // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 9. – С. 186-193.

УДК 338.2

© Юрий Николаевич Лапыгин
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры менеджмента,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: lapugin_yn@ranepa.ru

Lapygin Yu. N.
doctor of economics, professor, professor
of the management department,
Vladimir branch of the RANEPA,
Vladimir

© Денис Юрьевич Лапыгин
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: lapugin_dy@ranepa.ru

Lapygin D. Yu.
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Management,
Vladimir branch of the RANEPA,
Vladimir

СТРАТЕГИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Strategy under conditions of uncertainty

Аннотация. В условиях стремительных изменений факторов внешней и внутренней среды организации возрастает неопределенность в принятии стратегически значимых решений. Однако разработка стратегии даже в такой ситуации дает конкурентное преимущество ее разработчикам. При этом возникает потребность в разработке стратегически значимых решений по реализации построенной стратегии. Показана целесообразность выполнения анализа факторов внешней и внутренней среды не только на этапе формулирования целей развития организации, но и после разработки стратегии для выработки решений, снижающих неопределенность по ее реализации.

Annotation. In conditions of rapid changes in factors of the external and internal environment of the organization, uncertainty in making strategically significant decisions increases. However, developing a strategy even in such a situation gives a competitive advantage to its developers. At the same time, there is a need to develop strategically significant decisions to implement the developed strategy. The feasibility of performing an analysis of external and internal environmental factors is shown not only at the stage of formulating the organization's development goals, but also after developing a strategy to develop solutions that reduce uncertainty in its implementation.

Ключевые слова: неопределенность, экосистема, алгоритм, стратегия развития, факторы, инструменты.

Keywords: uncertainty, ecosystem, algorithm, development strategy, factors, tools.

Сочетание механизмов стратегического и оперативного управления [22], рыночной самоорганизации и директивных сценариев, а также стабильности и непредсказуемости событий характерно для кризисных ситуаций. В этом плане оригинальная стратегия, дающая конкурентное преимущество, требует корректировок, поскольку действующая стратегия, как правило, основана на решениях, выработанных на базе результатов анализа сложившихся тенденций и текущей ситуации, а турбулентные изменения внешней и внутренней среды таковы, что после разработки стратегии необходимы новый анализ и новые решения.

Кроме того, кризис создает не только новые угрозы, но и открывает неведомые ранее возможности [34], позволяющие переосмыслить деятельность [28], как рекомендует стратегическая школа «Дизайна» [19], выделенная Генри Минцбергом, или адаптироваться к неожиданным переменам [1]. При

этом предлагаются и оперативные мероприятия по снижению расходов, и поиск новых поставщиков всех видов ресурсов [2] и т.д.

Первоочередную задачу выхода из кризиса исследователи видят в установлении факторов, вызвавших кризис [23], и последующей разработке решений по корректировке целей развития [29]. Выход из кризисной ситуации (будь то COVID-19 или специальная военная операция) требует креативных решений, поэтому важна квалификация лиц, принимающих решения, и оригинальные инструменты анализа факторов и построения стратегии развития социально-экономической системы.

Динамичные изменения современных факторов внешнего окружения, ограничивающих возможности долгосрочного прогнозирования и формирующих изменения правил поведения социально-экономических систем [3], понуждают активизировать способность социально-экономических систем к адаптации для достижения целей в краткосрочной перспективе. Причем неопределенность, с которой сталкиваются и организации, и работники, как отмечают исследователи, все больше становится «непрерывной неопределенностью» [20].

Под неопределенностью в данном случае исследователи понимают неполноту и низкую достоверность или отсутствие необходимой информации [4], а также неточность информации, необходимой для принятия управленческих решений [25].

Что же касается стратегически значимых управленческих решений, то в ситуации неопределенности специалисты рекомендуют, так сказать, «двигаться наощупь» [31, с. 11], нежели ориентироваться на дальнюю перспективу. Но даже в условиях турбулентности внешней среды отказ от стратегического планирования иные эксперты рассматривают как грубую управленческую ошибку [36].

В поддержку последнего тезиса выступают и специалисты, анализирующие проблемы стратегического развития региональных и муниципальных образований в условиях санкций [10], на том основании, что на такие социально-экономические системы в меньшей степени оказывают влияние кризисные ситуации, отражающиеся на финансово-хозяйственной деятельности бизнес-структур.

Специалистами предлагается вероятностный подход, при котором в основе принятия стратегически значимых решений находится вероятность изменения внешней среды социально-экономической системы, оформленная в виде сценария развития событий и построения альтернативных стратегий в рамках обозначенного прогноза [9]. Однако и построение сценариев, скажем, на базе технологий Форсайта [6], и разработка альтернативных вариантов стратегий требуют значительных затрат всех видов ресурсов и времени и не дают гарантий эффективности реализации принимаемых решений.

Поэтому в качестве альтернативы рассматриваются подходы к принятию стратегических решений, в основе которых находится стремление адаптироваться к изменениям внешней среды [33]. При этом приводится два вида адаптации: активная и пассивная [21]. В первом случае речь идет о стремлении самоорганизоваться (изменить внутреннюю среду организации) или обеспечить самонастройку, чтобы снизить потери ресурсов. Активная же адаптация предусматривает как изменение самой внешней среды (если это возможно) или переориентацию в деятельности организации. В последнем случае проявляется толерантность к неопределенности, которая «связана с открытостью новому опыту, стремлением к новизне, сложности, неопределенности» [8, с. 662].

Таким образом, толерантность к неопределенности представляется своеобразным ресурсом активной деятельности в период наступления неопределенности [13] и способствует «продуктивному принятию решений» [38]. Такое позитивное отношение к неопределенности направлено на выявление новых возможностей в сложившейся кризисной ситуации и построение на этой основе новой перспективы развития.

При негативном отношении к неопределенности речь идет о стремлении опереться на прошлый опыт в решении новых проблем, поэтому исследователи рассма-

тривают подобную ситуацию как «стагнационный характер устойчивости» [8, с. 662]. Иные исследователи относят такой подход к неопределенности к «стратегии использования», мотивируя тем, что в таком случае идет обычный выбор решений из числа известных лицу, принимающему решения. В противоположность отмеченному подходу выделяется «стратегия исследования» [32, с. 101], ориентированная на поиск новых возможностей как таковых и поиск возможностей, формируемых новыми угрозами.

Но в общем виде, как правило, предполагается принятие стратегически значимых решений по результатам анализа факторов внешней и внутренней среды организации [33]. В то же время в условиях нехватки информации исследователи предлагают выстраивать гипотезы [32, с. 93], снижая тем самым уровень неопределенности, или включать «эмоциональную креативность» [38, с. 145], обеспечивая преодоление имеющейся неопределенности. В этом плане высказываются предложения о применении методов групповой работы [30], которые позволяют, реализовав синергические эффекты совместных рассуждений стейкхолдеров, выйти на стратегически верные решения.

Невозможность полной компенсации недостающей информации методами прогнозирования и Форсайта побуждает разработчиков стратегии сосредоточить внимание на результатах анализа факторов внешней и внутренней среды организации для последующего формирования стратегически значимых решений.

Направленность решений проявляется в том, что необходимо определить первопричины возникновения кризиса и на этой основе формировать решения по их ликвидации [23, с. 105]. С таким подходом можно согласиться в том плане, что стратегически значимые решения должны быть направлены на разрешение наиболее значимых проблем, к которым относятся первопричины их появления. Но ошибочным, с нашей точки зрения, выступает алгоритм, в котором вначале формулируются стратегии и только затем выполняется анализ ресурсов и позиции организации на рынке, по результатам которого осуществляется выбор стратегии. Тем более что в рассматриваемом алгоритме цели развития организации формируются на базе «выбранных стратегий» [28]. Корректнее вначале определить цели, направленные на решение проблем, и только затем формировать стратегию как модель достижения целей.

По мнению специалистов, отсутствие универсальных алгоритмов и системы инструментов [5] по реализации таких алгоритмов в разработке стратегий проявляется в том, что на практике в документах стратегического планирования и сами стратегии, и отражающие их стратегически значимые цели носят размытый характер [16], что в свою очередь создает сложности с установлением приоритетов в реализации стратегий [14].

Рассматривая методические подходы к построению стратегии, авторы отмечают различные алгоритмы родоначальников подходов к стратегическому управлению: и выполнение анализа, на базе результатов которого определяются цели развития; и противоположные процедуры, когда вначале формулируются цели развития, а затем выполняется анализ ситуации под углом зрения этих целей [24]. В другом исследовании речь идет о необходимости анализа существующих трендов [37], анализе (идентификации) сложившейся стратегии организации [7] или компаративном анализе стратегий социально-экономических систем [14].

Методические подходы, основанные на стратегических моделях и стратегических матрицах, по-прежнему находятся в поле зрения исследователей [12], дополняются конкурентным анализом [35] и даже моделями по оценке стоимости активов организаций в поиске критериев для выбора оптимальных стратегий [11].

В поисках инструментов построения стратегии ключевым выступает вопрос о выделении и анализе стратегически важных факторов [7] и поиске универсальных среди них. С другой стороны, выдвигается тезис о том, что для каждой конкретной социально-экономической системы и в конкретных условиях «существует свой уникальный набор факто-

ров» [24, с. 160], а поэтому необходимо выделять все возможные факторы [17] и анализировать их влияние на перспективное развитие организации. В отдельных случаях, например, в условиях антикризисного управления, к числу основных факторов причисляют [23, с. 105] конкурентные преимущества, ресурсный потенциал организации, маркетинговые и тому подобные решения или предлагают в процессе анализа использовать инструменты факторного анализа [5].

Но в условиях неопределенности в настоящее время все больше на первый план выходят инструменты искусственного интеллекта на базе цифровых технологий [25]. Тем более что набирающая оборот тенденция по формированию экосистем, делает стратегии «многовекторными» и «многоагентными» [18], что усложняет алгоритмы выделения факторов стратегического развития и проведения стратегического анализа в целом, не говоря уже о процедурах построения стратегий развития экосистем, подсистемами которых выступают организации сетевых структур.

Среди алгоритмов разработки стратегии развития организаций выделяется процедура, основанная на учете четырех блоков факторов: блок типовых стратегий; факторы, определяющие процедуры анализа действующей стратегии, по результатам которого вырабатываются рекомендации по корректировке стратегии; блок факторов внешней и внутренней среды организации, среди которых выделяются наиболее значимые, на базе которых строятся стратегически значимые решения в части развития организации; и блок факторов целевого толка, позволяющие на базе технологии Форсайта сформулировать видение и миссию, а затем декомпозировать их до уровня стратегических целей [15].

При этом не всегда системно выполняется анализ факторов внешней и внутренней среды, априори выделяя одни факторы в качестве наиболее значимых и игнорируя другие, что ведет к потере части значимой информации, усугубляя и без того имеющуюся неопределенность в принятии решений. Причем анализу подвергается чаще всего только вторичная информация, характеризующая прошлое, и не уделяется должного внимания сбору и обработке первичной информации путем различных методов опроса экспертов.

Если предположить, что в результате SWOT-анализа удалось выделить стратегически значимые проблемы, то появляется возможность перейти от формулировок проблем к формулировкам стратегически значимых целей, поскольку проблема и цель связаны между собой как две стороны одной и той же монеты: проблемы – это то, что есть в организации, но не удовлетворяет лиц, принимающих решения, а цель – образ не существующего, но желаемого той же самой организации. Совокупность же сформулированных целей после их структурирования позволяет выйти на формулировку стратегии как модели достижения главной стратегической цели.

Иной вариант формулирования стратегии по результатам анализа факторов внешней и внутренней среды организации основан на построении морфологической матрицы, включающей сочетание факторов внешней и внутренней среды и как следствие формулирование решений, направленных на реализацию возможностей в опоре на потенциал организации, а также на решение проблем за счет использования возможностей или преодоления угроз в опоре на потенциал организации. Структурирование решений и последующий переход от решений к целям, на которые направлены решения, позволяет сформулировать стратегию из ключевых слов главных целей, полученных путем их структурирования.

Но возможен вариант, при котором после формулирования стратегии на последующем этапе ее реализации возникает потребность в проведении дополнительного SWOT-анализа, теперь уже связанного в большей степени с выявлением проблем, сдерживающим достижение поставленных целей с точки зрения внутренней среды самой организации. Тогда решение обозначенных проблем может привести к корректировке разработанной ранее стратегии.

Кроме того, SWOT-анализ можно рассматривать как предварительную оценку факторов внешней и внутренней среды, необходимую в информационном плане для прове-

дения Форсайт-сессии по формулированию стратегии развития организации. В этом случае, после формулирования стратегии полезно выполнить традиционный SWOT-анализ, дабы выявить сильные и слабые стороны организации, а также возможности и угрозы в части реализации разработанной стратегии (в части достижения разработанных экспертами целей в процессе Форсайт-сессии).

В целом схема разработки стратегии с учетом высказанных предложений выглядит так, как это представлено на рисунке 1.

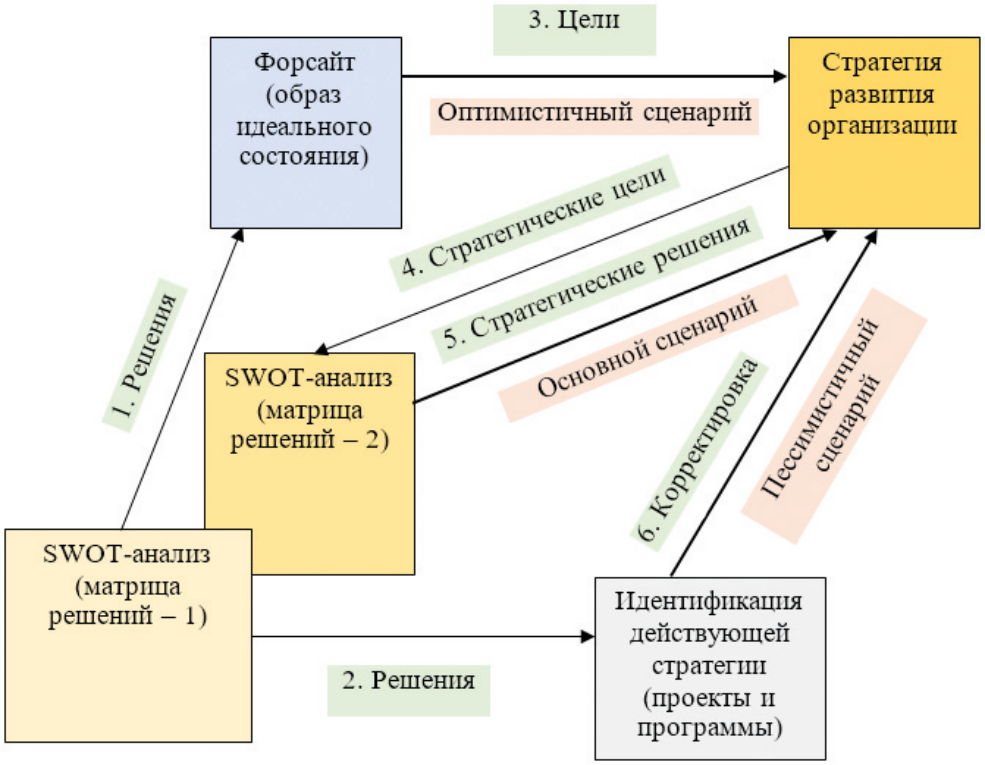

Рис. 1. Схема построения стратегии

Таким образом, в условиях динамичных перемен и возрастания неопределенности происходит сокращение временного лага планирования стратегических перспектив. В этом случае необходимо учитывать, что поскольку изменения должны носить стратегический характер, постольку и решения на базе результатов анализа текущей ситуации факторов внешней и внутренней среды должны быть стратегически значимыми.

При формировании плана реализации разработанной стратегии следует выполнить анализ действующей стратегии, чтобы оценить процедуры перехода от текущего состояния организации к изменениям, обусловленным новыми целями стратегического развития.

Алгоритм разработки стратегии может включать неоднократное обращение к процедурам выполнения анализа факторов внешней и внутренней среды для определения наиболее значимых характеристик ситуации, которые могут оказать стратегически значимые воздействия на организацию в перспективе, а те в свою очередь повлекут за собой корректировку целей и самой стратегии.

В случае экосистемного подхода к рассмотрению перспектив развития организации возникают новые проблемы не только в части формулирования стратегии развития организации, но и в отношении согласования такой стратегии с перспективами развития самой экосистемы в целом.

Список литературы

1. Воловик М. Е. Особенности реализации стратегии развития на предприятии в условиях кризиса (на примере туристической компании) // Наукосфера. – 2020. – № 12-2. – С. 268-274.

2. Волосов Е. Н. Российские авиакомпании в условиях пандемии и экономического кризиса: стратегии выживания // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2020. – № 4 (42). – С. 36-43.
3. Глебов Г. Е., Лапыгин Ю. Н. Перспективы формирования образовательной экосистемы // Управленческое консультирование. – 2024. – № 2. – С. 148-159. – DOI 10.22394/1726-1139-2024-2-148-159.
4. Глубоков М. В., Скубрий Е. В. Определение демпинговой стратегии ценообразования поставщиков продукции для государственных нужд в условиях неопределенности // Modern Economy Success. – 2021. – № 1. – С. 11-17.
5. Доменко Ю. Ю. Инструменты стратегического планирования социально-экономического развития региона // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. – Т. 5. – № 12. – С. 63-69. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2021.12.05.011.
6. Драганюк А. О. Эволюция Форсайта: от прогнозирования и планирования к Форсайту // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 6-1. – С. 36-41. – EDN: GUTROT.
7. Евсеев А. С., Морозова Н. В., Васильева И. А. Аспекты стратегического развития экономики региона // Oeconomia et Jus. – 2022. – № 4. – С. 28-34.
8. Злобина М. В., Краснорядцева О. М. Толерантность к неопределенности как компонента стратегий жизнеосуществления // СибСкрипт. – 2023. – Т. 25. – № 5. – С. 655-664. – DOI 10.21603/sibscript-2023-25-5-655-664.
9. Зубайров И. Г. Алгоритм выбора эффективной стратегии развития сложной системы в условиях неопределенности // Перспективы науки. – 2021. – № 6 (141). – С. 43-46.
10. Ислакаева Г. Р., Юшкова М. К. Проблемы стратегического развития региона в условиях санкций // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2022. – № 5 (167). – С. 101-106.
11. Иценков О. О., Убоженко Е. В., Ткаченко А. О. Подготовка и анализ данных для принятия управленческих решений для критериального выбора оптимальных стратегий или активов // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2021. – № 1 (86). – С. 81-87.
12. Караева Ф. Е., Дзуганова М. А. Инструменты стратегического анализа для разработки стратегии организации // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова. – 2020. – № 1 (27). – С. 123-127.
13. Кондрашихина О. А. Толерантность к неопределенности как предиктор стратегии адаптации в условиях пандемии COVID-19 студентов-психологов // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». – 2021. – Т. 20. – № 1 (47). – С. 7-13. – DOI 10.20310/1810-231X- 2021-20-1(47)-7-13.
14. Крыжановская О. А. Стратегические приоритеты развития регионов: компаративный анализ стратегий цифровой трансформации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2022. – Т. 12. – № 5. – С. 120-131. – DOI 10.21869/2223-1552- 2022-12-5-120-131.
15. Лапыгин Ю. Н., Лапыгин Д. Ю. Стратегический менеджмент: бакалавриат и магистратура. – М. : Эксмо, 2010. – 432 с. – ISBN 978-5-699-35358-3.
16. Любина А. В. Демаркация категорий целеполагания в контексте стратегического планирования устойчивого развития регионов России // Региональная экономика. Юг России. – 2022. – Т. 10. – № 1. – С. 48-56. – DOI 10.15688/re.volsu.2022.1.5/
17. Маркин М. И. Применение нечеткого SWOT-анализа при разработке маркетинговой стратегии компании // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 12 (161). – С. 834-837. – EDN: FKUFFB.

18. Маркова В. Д., Кузнецова С. А. Стратегии развития экосистем: анализ российского опыта // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2021. – Т. 12. – № 3. – С. 242-251.
19. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий / пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. – СПб. : Питер, 2000. – 336 с.
20. Мокеева Т. В. Обучение через ошибки в антикризисном управлении как стратегия малых потерь в условиях непрерывной неопределенности // Вестник университета. – 2021. – № 12. – С. 10-17.
21. Мызникова М. А. Формирование подхода к классификации адаптивных стратегий социально-экономических систем в условиях неопределенности // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2021. – № 2. – С. 135-142.
22. Мясникович М., Глазьев С. Методологические подходы к разработке стратегии развития ЕАЭС в условиях мирового кризиса // Наука и инновации. – 2020. – № 7 (209). – С. 4-15.
23. Оборин М. С. Особенности разработки маркетинговой стратегии предприятий сферы услуг в условиях кризиса // Сервис в России и за рубежом. – 2021. – Т. 15. – № 5 (97). – С. 96-107.
24. Панфилова А. С. Анализ методологических подходов к формированию стратегии развития предприятия // Форум молодых ученых. – 2021. – № 2 (54). – С. 127-130.
25. Погорельцев А. С., Герасимюк А. Д. Формирование стратегии развития предприятия в условиях риска и неопределённости // Вестник факультета управления СПбГЭУ. – 2023. – Вып. 16. – С. 73-77. – EDN: RMGDZM.
26. Пономарева В. А., Бугаева Т. Н. Факторы развития социально-экономической системы региона // Инновационные научные исследования. – 2022. – № 1-3(15). – С. 155-162. URL: https://ip-journal.ru/.
27. Попов В. С., Первухин Н. Н. Сравнительный анализ существующих моделей разработки стратегии развития организации // Научный электронный журнал «Меридиан». – 2020. – № 14 (48). – С. 117-119.
28. Попова Е. В. Стратегия изменений бизнеса в условиях кризиса // Modern Science. – 2021. – № 4-1. – С. 146-149.
29. Путятина Л. М., Арсеньева Н. В. Методические аспекты разработки стратегии машиностроительных предприятий при выходе из кризиса // Вестник университета. – 2021. – № 3. – С. 59-65.
30. Роднянский Д. В., Палей Т. Ф. Коллективные стратегии как инструмент гармонизации интересов ключевых отраслевых стейкхолдеров (на примере нефтяных компаний) // Социальные и экономические системы. – 2023. – № 2-1 (41). – С. 262-275.
31. Розин М. Успех без стратегии: Технологии гибкого менеджмента. – М. : Альпина Паблишер, 2011. – 332 с.
32. Сайфулина К. Э., Козунова Г. Л., Медведев В. А., Рытикова А. М., Чернышев Б. В. Принятие решения в условиях неопределенности: стратегии исследования и использования // Современная зарубежная психология. – 2020. – Том 9. – № 2. – С. 93-106. – DOI 10.17759/jmfp.2020090208.
33. Саленко Д. К., Коваленко А. Н. Процесс разработки стратегии развития предприятия в условиях неопределенности внешней среды // Экономика. Менеджмент. Инновации. – 2020. – № 3 (27). – С. 43-52.
34. Тебекин А. В., Митропольская-Родионова Н. В., Хорева А. В. Комплексный анализ перспектив применения положений школы предпринимательства Й. Шумпетера при разработке стратегий преодоления глобального экономического кризиса 2020-х годов // Транспортное дело России. – 2021. – № 5. – С. 3-10.
35. Тувина И. С. Методология и инструментарий конкурентного анализа при разработке маркетинговой стратегии предприятия // Устойчивое развитие науки и образования. – 2020. – № 5 (44). – С. 126-131.

36. Хлутков А. Д., Межевич Н. М. Санкт-Петербург: к вопросу о стратегии развития муниципалитетов в условиях экономической и политической неопределенности // Управленческое консультирование. – 2023. – № 10 (178). – С. 9-18. – DOI 10.22394/1726-1139-2023-10-9-18.
37. Шедько Ю. Н., Бабаян Л. К. Комплементарность парадигм управления, используемых при разработке стратегии социально-экономического развития региона // Экономика. Налоги. Право. – 2023. – № 16 (4). – С. 106-113. – DOI 10.26794/1999-849x-2023-16-4-106-113.
38. Шестова М. А. Связи эмоциональной сферы и толерантности к неопределенности с продуктивными стратегиями принятия решений // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 145-156. – DOI 10.17673/vsgtu-pps.2021.3.10.

УДК 004

© Иван Вадимович Листратов
студент юридического факультета,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: listratoff25@yandex.ru

Ivan Vadimovich Listratov
law student,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Дарья Вячеславовна Спиридонова
студент факультета управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: SpiridonovaDashyl@mail.ru

Daria Vyacheslavovna Spiridonova
student of the Faculty of Management,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

УРОВЕНЬ ЦИФРОВОГО ДОВЕРИЯ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Level of digital trust among young people: results of an empirical study

Аннотация. В статье на основе данных социологического опроса анализируется уровень цифрового доверия студенческой молодежи. Одной из главных проблем переноса общественных отношений в сеть «Интернет» является сохранность персональных данных. Степень доверия цифровым сервисам зависит от качества их работы и активности использования этих сервисов респондентами. Наибольшие опасения вызывают новые формы электронного взаимодействия. Непонятность внедрения искусственного интеллекта формирует определенную угрозу для реализации социально-трудовой мобильности молодежи, сбор биометрических данных также вызывает определенную настороженность.

Annotation. The article analyzes the level of digital trust among students based on the data of a sociological survey. One of the main problems of transferring public relations to the Internet is the safety of personal data. The degree of trust in digital services depends on the quality of their work and the active use of these services by respondents. The greatest concerns are caused by new forms of electronic interaction. The incomprehensibility of the introduction of artificial intelligence poses a certain threat to the realization of social and labor mobility of young people, the collection of biometric data also causes a certain wariness.

Ключевые слова: цифровое доверие, социологический опрос, студенты высших учебных заведений, цифровые платформы и сервисы, биометрические данные.

Keywords: digital trust, sociological survey, students of higher educational institutions, digital platforms and services, biometric data.

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта молодым ученым во Владимирской области (Распоряжение Правительства Владимирской области № 237-р от 19.04.2024 г.).

Перенос значительной части общественных отношений в онлайн-пространство, появление большого количества электронных сервисов делают необходимым для большинства граждан встраивание взаимоотношений с органами власти, работодателями, учреждениями социальной сферы в цифровую среду. Там же осуществляется большая часть межличностного общения с коллегами, друзьями, родственниками, однокурсниками и одноклассниками. В этот процесс сейчас включено практически все население, но наиболее активно эти форматы взаимодействия использует самая молодая часть.

Такое широкое включение общественной жизни в онлайн ставит на повестку дня

вопрос о степени цифрового доверия различным электронным сервисам и платформам. Границы частной жизни человека в этой ситуации оказываются под большим вопросом, впервые масштабно все мировое сообщество столкнулось с этой проблемой в период пандемии. Для оценки уровня цифрового доверия молодежи в 2024 году был проведен социологический опрос студентов высших учебных заведений. Результаты опроса свидетельствуют, что даже среди студенчества существуют определенные опасения по нарушению границ их частной жизни в онлайн-среде, таких оказалось 37,9 процента. Практически такой же процент не видит для себя никаких опасений, чуть более четверти затрудняются ответить на этот вопрос.

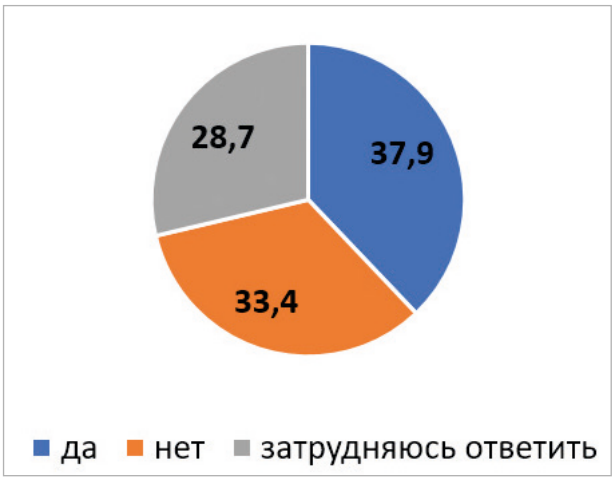

Рис. 1. Чувствуете ли Вы, что Ваша частная жизнь может быть нарушена в онлайн-среде?

Чаще всего молодые люди в интернете сталкиваются со взломом социальных сетей и мессенджеров, онлайн-мошенничеством. На третьем месте оказывается утечка персональных данных. 20 процентов респондентов сталкиваются с хакерскими атаками. Каждый десятый респондент сталкивается со взломом почтового ящика, фишингом или кибербуллингом. Совсем не сталкиваются ни с какими угрозами в интернете 22,9 процента респондентов.

Рис. 2. С какими угрозами Вы сталкивались в интернете (возможен множественный вариант ответа)?

Одним из главных опасений современного общества является утечка персональных данных. 57,2 процента студентов пугает эта перспектива. Только четверть не видят для себя никаких опасений в этом вопросе. Значимость защиты персональных данных в цифровой среде значительно повышается. Безусловно, не способствует формированию доверия к сохранности этих персональных данных периодические факты передачи их третьим лицам. С данными ситуациями сталкиваются практически все граждане, что приводит к нарастанию массового недоверия. 26,6 процента респондентов сталкивались с фактом передачи своих персональных данных, еще 18,9 процента, возможно, сталкивалась, но не обращали на это внимание.

Если респонденты сталкивались с ситуацией передачи персональных данных, то в большинстве случаев они даже не могут предположить, кто эти персональные данные передавал. Чаще всего среди конкретных каналов передачи информации указывают интернет-магазины, на втором месте оказываются финансовые организации и ближайшее окружение (родители, супруги, дети, родственники, друзья). Реже всего студенты называют работодателей и коллег по работе, в данном случае этот канал является менее распространенным в силу возрастных особенностей, большая часть студенчества еще не имеет постоянного места работы.

Дискуссионным вопросом в последние годы является сдача биометрических данных. Возможность их использования вызывает огромное количество вопросов у общественности, больше всего население обеспокоено возможными манипуляциями, которые могут сопровождать этот процесс. Надо отметить, что положительно к сдаче биометрических данных даже среди студенчества относится только 15 процентов. Остальная часть респондентов либо выражает опасения, либо сомневается. Достаточно гибкими являются группы, которые относятся к этому явлению, скорее, положительно или, скорее, отрицательно. Накопление определенного опыта использования биометрических данных может видоизменять мнение представителей этих групп. Как всякое новое явление на начальных этапах его использования, оно вызывает общественное недоверие и порицание. В дальнейшем массовая позиция граждан будет зависеть от результативности внедрения на практике.

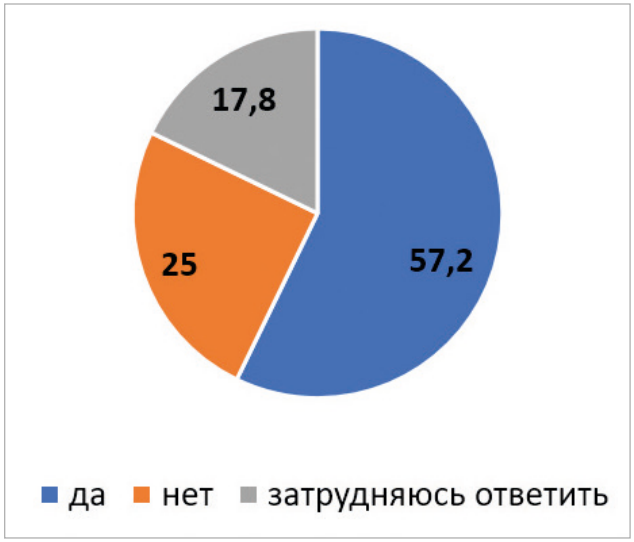

Рис. 3. Пользуясь интернетом, Вы опасаетесь, что Ваши личные данные могут быть доступны другим лицам?

В настоящий момент времени определенная степень недоверия существует применительно к биометрическим данным, как ко всякому неизвестному явлению, только четверть респондентов точно имеет опыт их сдачи. Каждый пятый студент не уверен, сдавал он их или нет, это, скорее всего, является подтверждением того, что молодые люди не знают, что такое биометрические данные и как они сдаются. Более половины ответивших точно могут сказать, что они их не сдавали.

Рис. 4. Кто мог передавать Ваши персональные данные?

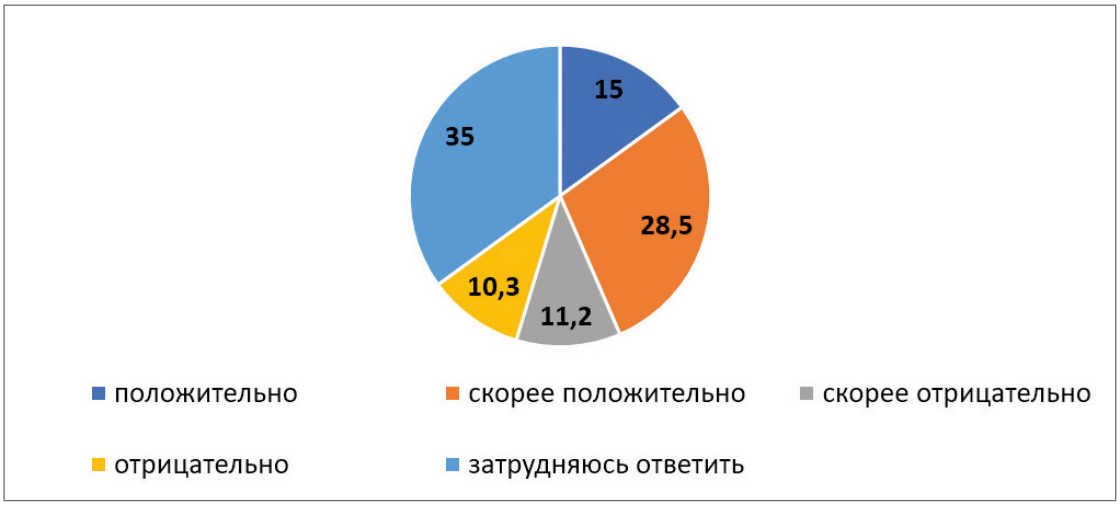

Рис. 5. Как Вы относитесь к сдаче биометрических данных?

Один из главных вопросов: зачем нужны эти биометрические данные? Несмотря на негативное отношение к сдаче самих биометрических данных, их значение оценивается студентами достаточно высоко. Среди ответов доминирует конструктивный подход: позволяют идентифицировать человека, представляют собой дополнительную степень защиты, оказывают помощь в борьбе с правонарушениями. Существуют и негативные оценки: вторжение в личную жизнь, усиление контроля за гражданами, возможность передачи персональных данных третьим лицам. Отрицательные характеристики биометрических данных явно не являются доминирующими. Исходя из этого можно сделать вывод, что к самим биометрическим данным у студенческой молодежи существует, скорее, положительное отношение, они согласны, что есть позитивный эффект для обеспечения правопорядка в обществе. Но все это только до того момента, пока это не касается их персонально, степень личной готовности к сдаче биометрических данных находится еще на достаточно низком уровне. Здесь уже появляется фактор недоверия к сохранности этих данных, возможность использования третьими лицами и т.д.

Рис. 6. Значение биометрических данных

Другим новшеством, которое вызывает определенное недоверие в обществе, является внедрение искусственного интеллекта. До конца сейчас невозможно осознать, насколько масштабно будет присутствовать искусственный интеллект в жизнедеятельности общества, но уже сейчас он активно внедряется в очень многих сферах. Виден от него определенный позитивный эффект, он существенным образом сокращает количество времени на выполнение определенных функций, минимизирует влияние человеческого фактора на принятие важных управленческих решений. Есть и определенные опасения, ко-

торые, в первую очередь, сфокусированы на возможности выполнения трудовой функции. Профессиональная реализация является важнейшей составляющей в жизни человека, которая представляет собой не только интеллектуальную потребность в самореализации, но и гарантирует финансово-экономическую стабильность индивиду. Именно внедрение искусственного интеллекта в трудовой сфере и вызывает наибольшие опасения у респондентов. Они ощущают реальную угрозу финансовому обеспечению своей частной жизни при условии, что их труд будет автоматизирован искусственным интеллектом. Ситуация может варьироваться в зависимости от специальности, но каждый третий чувствует обеспокоенность в этом вопросе.

Рис. 7. Влияние искусственного интеллекта на частную жизнь человека

Активность использования цифровых сервисов напрямую зависит от степени доверия к ним со стороны населения. Больше всего молодежь доверяет «Госуслугам», МФЦ, сервисам налоговой, ГИБДД. На втором месте оказываются интернет-магазины, в которых осуществляются покупки товаров и услуг. На третьем месте общение в социальных сетях и мессенджерах. Необходимо отметить, что по уровню доверия у студентов сайты образовательных организаций существенно проигрывают интернет-магазинам. Личные кабинеты финансовых организаций и сервисы по бронированию отелей и билетов пользуются еще меньшей степенью доверия. Самую высокую степень недоверия молодые люди проявляют к сайтам знакомств. Если говорить об официальных сервисах, то степень доверия к ним в большинстве случаев коррелируется с частотой использования, информативностью и функциональностью самих сайтов. В большинстве случаев сайты образовательных организаций не представляют интерес для студентов, так как содержат очень много формализованных разделов, которые неактуальны для обучающихся. Вся новостная лента размещается, и обычно с опережением по времени, в социальных сетях. Так как сайт используют достаточно редко, то и доверие к нему существенно снижается.

Рис. 8. Доверие государственным и коммерческим цифровым сервисам

Поступательно в жизнь всего населения входят все новые и новые цифровые сервисы. Степень доверия к этим новым каналам получения информации, услуг и товаров определяется различными факторами. Самым важным критерием при выборе цифрового сервиса является его прозрачность и понятность в использовании. Далее идут конфиденциальность и безопасность сведений, удобство, скорость и стоимость получения работы, стабильность работы сервиса. Чуть меньшее значение в этом вопросе имеет опыт близких и авторитетных людей. Только треть респондентов указала в качестве важного фактора возможность получения обратной связи и консультации по услуге или товару. Последнее, скорее, связано с отсутствием необходимости в большинстве случаев в этих консультациях.

Рис. 9. Факторы, влияющие на готовность респондентов использовать цифровой сервис

Недоверие к цифровым сервисам связано с возможностью утечки данных, организации слежки и контроля за людьми. Это две самые существенные составляющие. На третьем месте оказываются частые сбои в работе систем. Среди менее значимых факторов можно выделить отсутствие личного общения, персонифицированного подхода, невозможность выполнения сложных задач.

Рис. 10. Причины недоверия к цифровым сервисам

Существуют и объективные преимущества получения услуг через государственные сервисы. Самым главным и значимым плюсом для быстрого темпа жизни современного человека является экономия во времени. На втором месте оказывается возможность получения услуги в любое время и в любом месте. Менее ощутимой для молодежи является возможность участия в контроле за получением государственных услуг, повышение качества предоставляемых услуг, сокращение финансовых затрат.

Рис. 11. Преимущества получения услуг через государственные сервисы

Проведенное исследование выявило ряд проблемных моментов в формировании цифрового доверия у молодежи. Даже в этой возрастной группе существуют определенные опасения по поводу сохранности персональных данных, достоверности содержащейся информации и качества предоставляемых услуг и товаров цифровыми сервисами. Степень цифрового доверия напрямую зависит как от общего уровня цифровой грамотности, так и от частоты использования определенных цифровых сервисов. Нельзя сказать, что электронные платформы, которые редко используются, вызывают существенное недоверие, скорее, к ним просто отсутствует интерес по причине возможности получения этих услуг другими способами или на аналогичных платформах. Наибольшие опасения вызывают только появляющиеся цифровые новшества, которые еще не вошли в массовый оборот. В настоящий момент к этой категории можно отнести внедрение искусственного интеллекта и биометрические данные. Вне зависимости от используемого сервиса молодые люди переживают за сохранность своих персональных данных в сети «Интернет».

Список литературы

1. Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2023. – № 1 (173). – С. 157-179.
2. Тункевичус Э. О., Ребязина В. А. Многомерная модель формирования цифрового доверия пользователей цифровых сервисов: результаты эмпирического исследования // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2023. – № 4. – С. 165-200.
3. Тутов Л. А., Филимонов И. В. Трансформация доверия в цифровой экономике // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 6. – С. 8-10.

УДК 349.2

© Дарья Вячеславовна Спиридонова
студент факультета управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: SpiridonovaDashyl@mail.ru

Daria Vyacheslavovna Spiridonova
student of the Faculty of Management,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Иван Вадимович Листратов
студент юридического факультета,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: listratoff25@yandex.ru

Ivan Vadimovich Listratov
law student,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРАВ ГРАЖДАН НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ[1]

Analysis of the main violations of citizens' rights to private life during employment activities

Аннотация. В статье на основе данных социологического опроса анализируются основные нарушения прав граждан на частную жизнь при реализации трудовой деятельности. В большинстве своем они лежат в плоскости несоблюдения границ рабочего и нерабочего времени, противоправной передачи личных данных. Имеет значение не только наличие этих нарушений, но и отношение самих работников к этой ситуации. Во многом это определяется личностью самого работника, конкретными обстоятельствами и степенью нарушения прав граждан на частную жизнь.

Annotation. Based on the data of a sociological survey, the article analyzes the main violations of citizens' rights to privacy in the implementation of work activities. For the most part, they lie in the plane of non-compliance with the boundaries of working and non-working hours, illegal transfer of personal data. It is not only the presence of these violations that matters, but also the attitude of the employees themselves to this situation. This is largely determined by the personality of the employee himself, the specific circumstances and the degree of violation of citizens' rights to privacy.

Ключевые слова: частная жизнь, трудовая деятельность, персональные данные, нарушение прав граждан, рабочее время.

Keywords: private life, work activity, personal data, violation of citizens' rights, working hours.

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта молодым ученым во Владимирской области (Распоряжение Правительства Владимирской области №237-р от 19.04.2024 г.).

Трудовая деятельность является одной из важнейших составляющих в жизнедеятельности экономически активной части населения. Подавляющая часть граждан, находящихся в трудоспособном возрасте, а часто и за его пределами, вынуждены осуществлять социально-трудовую мобильность. В результате реализации трудовой деятельности формируется целый пласт общественных отношений. Сами форматы реализации социально-трудовой мобильности претерпели существенные изменения в последнее время. Распространяется не только гибридный и удаленный вариант занятости, но и меняются каналы взаимодействия между работниками и работодателями, работниками и клиентами, подчиненными и руководящим составом. Трансформация организационной составляющей трудовой деятельности приводит к стиранию границ между публичной и частной жизнью человека. Сталкивается с нарушением права на защиту частной жизни при реали-

зации трудовых функций и работающая часть студенчества.

В 2024 году был проведен социологический опрос студентов высших учебных заведений города Владимира, целью которого было выявление основных нарушений неприкосновенности частной жизни граждан в процессе реализации трудовых функций. Значительная часть студенчества параллельно с обучением активно включается в рабочий режим. Эта занятость может носить как постоянный, так и хаотичный характер. Выполняя трудовые функции, молодые люди сталкиваются в том числе и с нарушениями границ частной жизни. Работодатель имеет расширенный доступ к персональным данным работника. Так как в цифровом обществе владение персональными данными приобретает все большую значимость, то с каждого работника необходимо получить разрешение на обработку и передачу персональных данных. К формату заявлений о согласии на обработку персональных данных юридические лица в большей степени уже привыкли, но и здесь еще нет стопроцентного показателя. Сложнее обстоит ситуация с передачей персональных данных, только четверть респондентов указывают на то, что они такого рода заявление подписывали. Каждый третий указывает, что он ничего не подписывал, 12,2 процента точно не помнят. Необходимо отметить, что данные по этому показателю имеют достаточно высокий процент погрешности, так как для большинства эти заявления кажутся несущественными формальностями и они не запоминают сам факт их заполнения.

Рис. 1. Документы, подписываемые респондентами при приеме на работу

Если респонденты к самому согласию на обработку и передачу персональных данных относятся достаточно индифферентно, то, сталкиваясь с подобными нарушениями своих прав на частную жизнь, занимают достаточно негативную позицию. С самим фактом передачи персональных данных сталкивалась 32,9 процента респондентов.

Отношение к этому вопросу может зависеть от многих факторов: конкретной ситуации, личности самого работника, того, кому были переданы персональные данные. Каждый второй молодой человек в этом вопросе занимает нейтральную позицию. Видит положительный момент в этом только каждый десятый, эта часть находит данный вариант

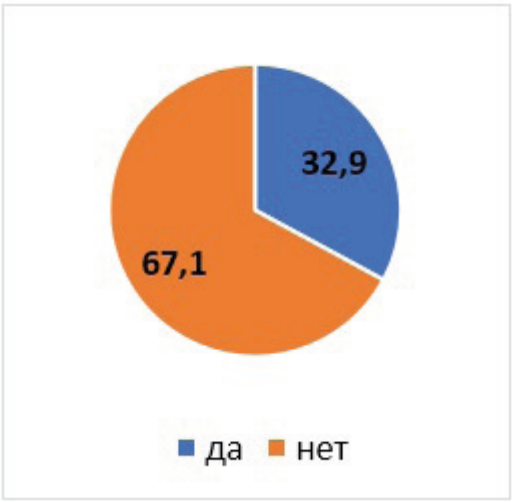

Рис. 2. Встречались ли респонденты с ситуацией передачи персональных данных во время решения рабочих вопросов

приемлемым, так как это способствует более быстрому решению вопросов. Довольно существенно представлена та часть, которая имеет крайне негативное отношение к передаче персональных данных, таких 38 процентов.

Рис. 3. Отношение респондентов к ситуации, когда их персональные данные во время решения рабочих вопросов были переданы третьим лицам

Современная занятость предполагает как гибкие форматы занятости, так и нормированный рабочий день. Гибкие форматы занятости могут быть выстроены очень вариативно, часто они вообще не имеют четко определенных временных отрезков для работы. При четко определенном графике работы предполагается, что выполнение трудовых функций осуществляется именно в этот промежуток времени и все задания и поручения строго поступают, например, с 9 до 18 часов. Ускорение темпов жизни и принятия управленческих решений приводят к тому, что нормированный рабочий день уже давно перестал быть гарантией периодического выполнения трудовых функций за пределами этого рабочего времени. В рамках одной организации могут существовать работники с нормированным и гибким графиком, что тоже приводит к размыванию границ рабочего времени для всех работников. 37 процентов респондентов указывает на то, что могут получать поручения и в свое свободное время.

Постепенно размытыми становятся промежутки рабочего времени не только в рабочие дни, но уже это транслируется на выходные и праздники, отпускной период. Чаще всего трудовые поручения респонденты выполняют в выходные дни, это касается практически каждого второго ответившего. Чуть реже трудовую функцию осуществляют в праздничные дни, самым незатронутым периодом оказывается отпуск. Скорее всего, это связано с тем, что в период отпуска работника кто-то заменяет его или территориальное нахождение не позволяет выполнить трудовые функции на должном уровне.

Выполнение трудовых функций в нерабочее время воспринимается респондентами по-разному. Отношение к этому вопросу зависит от огромного количества факторов: семейного положения, психологических особенностей личности, значимости рабочего места для респондента и т.д. Позиция респондентов в этом вопросе разбилась на два практически равных лагеря. Половина из них занимает в разной степени, но негативное отношение: либо резко отрицательное, либо негативное, но с пониманием производственной необходимости. Вторая половина

Рис. 4. Отношение респондентов к выполнению трудовых функций в нерабочее время

респондентов видит в таком раскладе положительный момент, который ассоциируется у них с увеличением уровня оплаты труда либо с удобством выполнения в таком режиме рабочих функций.

Ряд трудовых мест в настоящее время предполагает такую интенсивную работу и сложность обеспечения полного замещения работника, находящегося в отпуске, что работникам приходится жертвовать даже своим отпускным периодом. Даже если они уходят в отпуск, то по производственной необходимости отказываются от далеких поездок и предпочитают оставаться в зоне территориальной досягаемости. Это, безусловно, ограничивает частную жизнь человека. Нужно отметить, что сам факт отказа от путешествий по рабочей необходимости является достаточно распространенным явлением среди молодежи, на это указывают 42,1 процента ответивших.

Отношение респондентов к этой производственной необходимости аналогично выполнению работы в выходные, праздники, по вечерам. Положительные и негативные оценки разделились практически пополам. С одной стороны, отпуск – это единственная возможность для большинства работающего населения для совершения дальних поездок. С другой стороны, учитывая достаточно не-

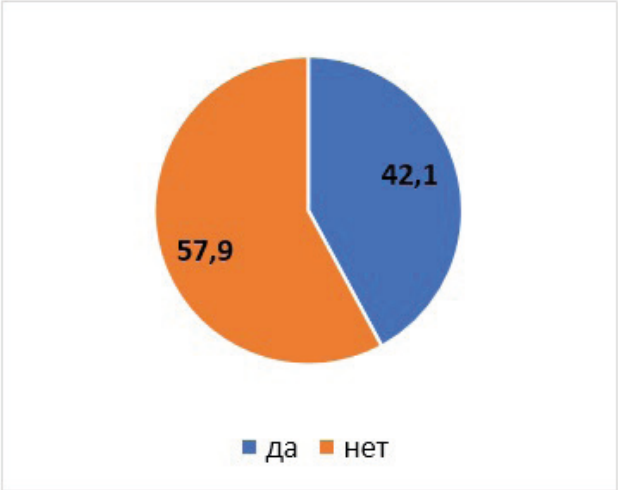

Рис. 5. Бывают ли ситуации, когда нужно отказаться от дальних поездок из-за рабочей необходимости

высокие показатели туристической мобильности наших граждан, даже отсутствие производственной необходимости не может гарантировать для них путешествия в отпускной период. Результаты многолетних исследований показывают, что подавляющая часть жителей Владимирской области проводит отпуск в квартире или на собственной даче. Необходимость периодического выполнения трудовых функций не выглядит так шокирующе для них, особенно если эта дополнительная работа приводит к росту финансово-экономического благополучия.

Рис. 6. Как респонденты относятся к отказу от дальних поездок из-за рабочей необходимости

Основные нарушения прав граждан на реализацию частной жизни при трудовой деятельности лежат в плоскости несоблюдения границ рабочего и нерабочего времени, противоправной передачи личных данных. Проведенное исследование фиксирует достаточно частое смещение на нерабочее время решения производственных задач. Сторонники и противники этой ситуации поделились практически поровну. Кто-то к этому относится крайне

негативно, представлена нейтральная позиция, положительные оценки в основном связаны с возможностью таким образом увеличить свою заработную плату. Поэтому существует достаточно большой процент респондентов, которые готовы пожертвовать своим отпуском, выходными и праздничными днями для выполнения трудовых функций. Вызывает определенную настороженность передача персональных данных третьим лицам работодателями. Это тоже очень сложная проблема, так как в отдельных ситуациях для этого существует производственная необходимость, но работник должен официально подписать согласие. На практике, конечно, возникает очень много вопросов: кому передаются эти данные, какие именно данные.

Список литературы

1. Авдеев Д. А. Влияние цифровизации на состояние правовой защищенности частной жизни // Государственная власть и местное самоуправление. – 2023. – № 11. – С. 25-28.
2. Фелющенко Л. И. Неприкосновенность частной жизни при обработке персональных данных работников // Право и образование. – 2024. – № 3. – С. 67-74.
3. Шуралёва С. В. Право на неприкосновенность частной жизни в трудовом правоотношении: в поисках компромисса // Трудовое и социальное право. – 2023. – № 1(45). – С. 65-69.

УДК 378.048.2

© Зоя Викторовна Туманова
кандидат экономических наук, начальник отдела аспирантуры, доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: tumanova_z@vlad.ranepa.ru

Tumanova Zoya Victorovna
Candidate of economic sciences,
Head of Postgraduate Studies Department,
Associate Professor of the Department of State and municipal administration,
Vladimir branch of the RANEPA, Vladimir

© Глеб Евгеньевич Глебов
аспирант, преподаватель кафедры менеджмента
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: glebov_g@vlad.ranepa.ru

Gleb Evgenievich Glebov
Graduate student, Lecturer at the Department of Management,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

ДИНАМИКА ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В АСПИРАНТУРЕ ФИЛИАЛА

Dynamics of training of scientific and pedagogical personnel in graduate school of the branch

Аннотация. В настоящее время подготовка научно-педагогических кадров претерпевает значительные изменения. Результаты анализа динамики показателей дают представление о наиболее значимых сильных и слабых сторонах подготовки аспирантов, что позволяет выработать рекомендации по повышению результативности аспирантуры. Предложено активизировать участие аспирантов в проведении научно-исследовательских работ, выполняемых на профильных кафедрах, а также вовлекать аспирантов в публикационную деятельность и участие в научно-практических конференциях.

Annotation. Currently, the training of scientific and pedagogical personnel is undergoing significant changes. The results of the analysis of the dynamics of indicators provide an idea of the most significant strengths and weaknesses of postgraduate training, which makes it possible to develop recommendations for increasing the effectiveness of postgraduate studies. It is proposed to intensify the participation of graduate students in research work carried out at specialized departments, as well as to involve graduate students in publication activities and participation in scientific and practical conferences.

Ключевые слова: тенденции, показатели, проблемы, потенциал аспирантуры, половозрастной состав.

Keywords: trends, indicators, problems, graduate school potential, gender and age composition.

Формирование кадрового потенциала системы высшего образования на современных этапах развития общества и науки имеет свою определенную специфику. Главным образом это связано с прохождением закрепленных в соответствующих регламентах этапов, оказывающих влияние на длительность процесса подготовки специалистов. От эффективности функционирования аспирантуры как обязательного звена в рамках подготовки кадров профессорско-преподавательского состава во многом зависит стабильность высшего образования на соответствующей территории. В условиях отсутствия распределения кадров и достаточно низкой мобильности населения в Российской Федерации от того, как работает система аспи-

рантуры и докторантуры, зависит не только воспроизводство кадрового состава высших учебных заведений, но и возможность обучения студентов по многим направлениям подготовки в перспективе [1, с. 7].

Сравнение мировых значений по выпуску аспирантов за отдельный период времени отражает факт существенного различия показателей между державами. Так, по данным главного научного сотрудника Центра экономики непрерывного образования ИПЭИ РАНХиГС доктора экономических наук, профессора Федотова А. В., Россия в 2020 году уступила США по абсолютному показателю выпуска аспирантов в 5 раз, при условии лишь двукратной разницы в общей численности населения (см. рис. 1).

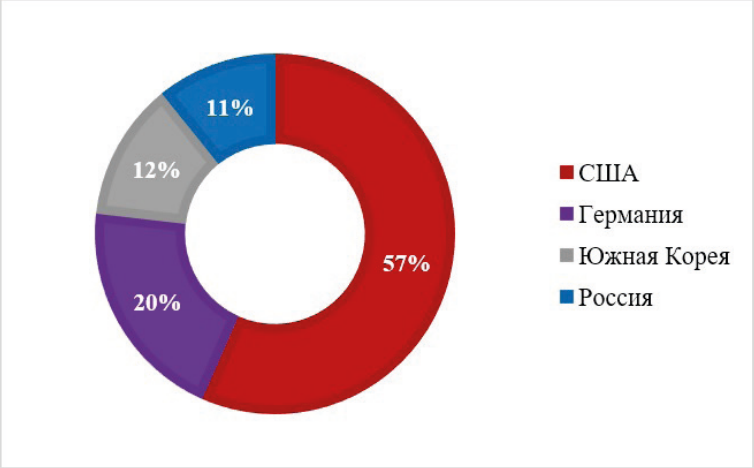

Рис. 1. Доля России в структуре подготовки научно-педагогических кадров развитых стран [5]

За последние два десятилетия в области функционирования системы аспирантуры в России можно выделить несколько тенденций (рис. 2):

– наблюдается скачкообразное изменение численности аспирантов: количество в 117 714 человек в 2000 году сократилось до 84 265 человек в 2019 году, при этом резко увеличивалось в 2005 (142 899 человек) и в 2010 (157 437 человек) годах;

– подобный тренд отмечается и в рамках показателя «Прием в аспирантуру», где число поступающих претерпевает изменения в те же годы, что и были отмечены ранее;

– выпуск из аспирантуры не соотносится со значениями приема ни в один из периодов измерений, за исключением 2016 года, в рамках которого разница между показателями составила всего 429 человек (тем не менее в последние годы различие данных показателей неуклонно увеличивается, достигнув максимума в 2022 году - прием превысил выпуск в 3 раза);

– выпуск с защитой диссертации претерпевал уменьшение с 2005 по 2020 год, сократившись до 12 % (по сравнению с 2005 годом), в последние годы вырос до 18 %.

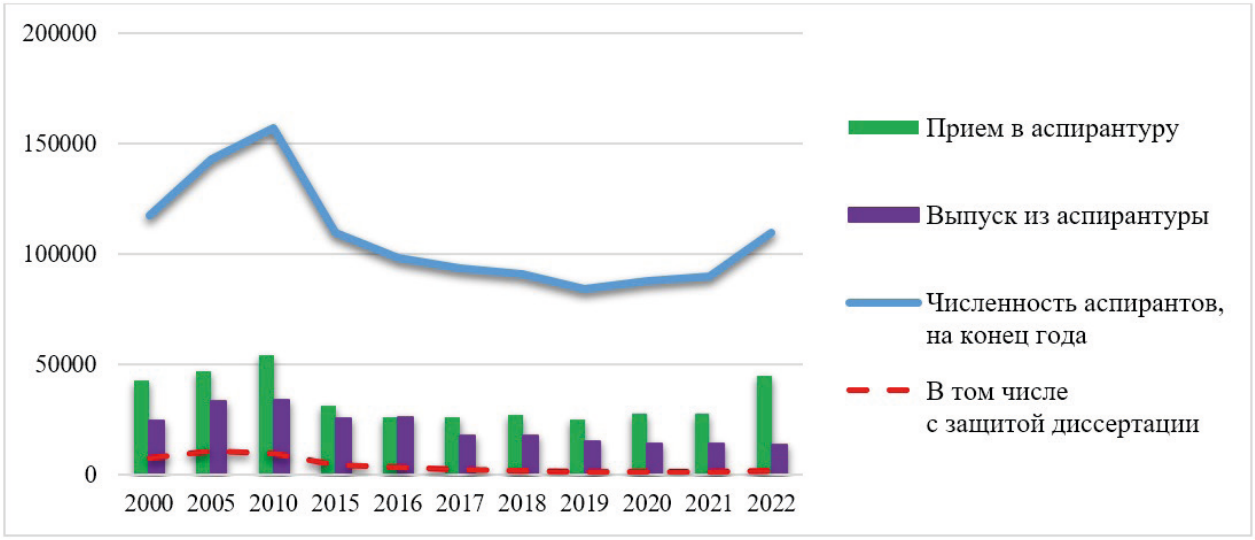

Рис. 2. Динамика численности, приема и выпуска аспирантов России [2]

Подобные перемены могут быть объяснены воздействием внутренних и внешних факторов, оказавших влияние на систему подготовки кадров высшей школы: трансформация ценностно-трудовых установок в обществе, сокращение диссертационных советов, недостаточный уровень информированности студенчества о возможностях реализации в научно-педагогической деятельности и другие. Но сопоставим общероссийские и локальные показатели, описывающие положение аспирантуры на уровне образовательной среды вуза.

Исследование тенденций и трансформации показателей реализации аспирантских программ во Владимирском филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (далее – РАНХиГС), действующем в сфере подготовки специалистов социально-экономической сферы, необходимо начинать с рассмотрения числа обучающегося контингента, приема и выпуска (рис. 3).

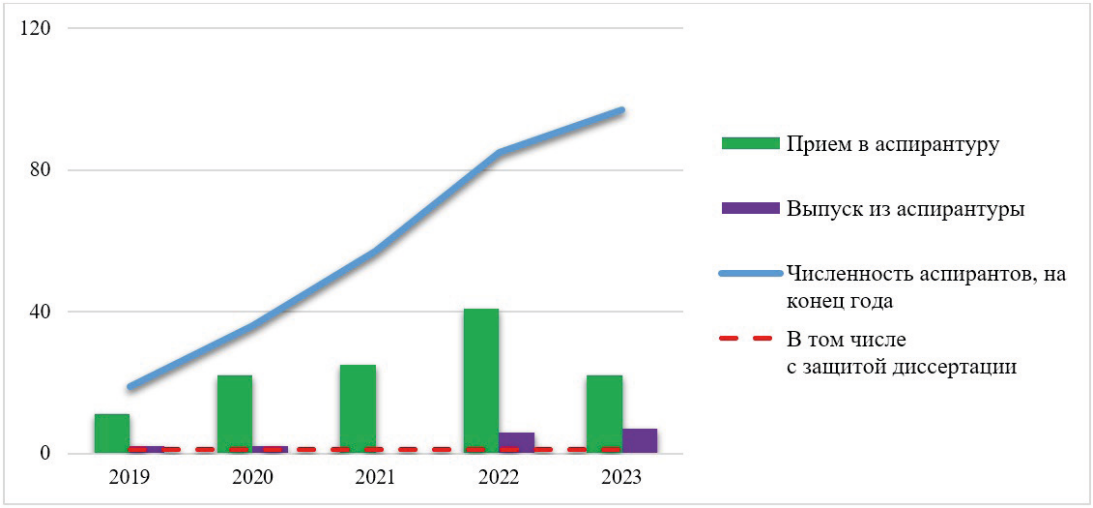

Рис. 3. Показатели численности, приема и выпуска аспирантов Владимирского филиала РАНХиГС [6]

Аналитика изменения выбранных показателей за последние пять лет демонстрируют схожий характер с федеральными тенденциями. Начиная с 2019 года прием в систему подготовки кадров высшей квалификации неуклонно рос, достигнув максимального значения в 2022 году.

Сопоставление значений приема и выпуска ограничено временными рамками: реализация программ аспирантуры во Владимирском филиале РАНХиГС осуществляется лишь 10 лет. Тем не менее число выпускников, защитивших диссертационное исследование стабильно невысокое (не более одного человека в год). Подобное значение не полностью соответствует требованиям в области омоложения института научно-педагогических кадров.

Поступление в аспирантуру предусматривает определенный набор знаний, умений и навыков, необходимых для последующей реализации научно-исследовательского потенциала аспиранта. Такой набор компетенций формируется в процессе обучения будущего аспиранта в системе высшего образования на уровне специалитета или магистратуры. Важно в данном процессе сохранять преемственность, то есть продолжить получать профильное образование. Защита выпускной квалификационной работы магистра или специалиста, например, по техническим дисциплинам не обеспечивает требуемый объем компетенций для аспирантуры по экономическому профилю и наоборот. Однако на практике профильное образование присутствует не более чем у половины аспирантов (см. табл. 1). Представленные ниже значения демонстрируют положительную динамику в этом направлении. Процент абитуриентов, продолжающих обучение и желающих построить собственную образовательную траекторию становления в науке по экономическому профилю, выбранному еще на уровне специалитета и магистратуры, вырос почти в два раза (1,85) по сравнению с 2019 годом.

Таблица 1

Доля поступивших аспирантов с профильным образованием

	2019	2020	2021	2022	2023
Контингент поступивших, чел.	11	22	25	41	22
Количество аспирантов с профильным образованием, чел.	3	9	12	14	11
Доля с профильным образованием, %	27	41	48	34	50

Решение об освоении программы подготовки научно-педагогических кадров может быть принято в любом возрасте. В правовом поле не установлены границы по данному критерию. Требования определяются государственными стандартами и соответствующим уровнем предыдущего образования. В связи с этим рассмотрение половозрастной структуры контингента обучающихся также является полезным с позиций определения объективных и субъективных сторон мотивации и возможностей абитуриентов (см. табл. 2). Например, с точки зрения субъективных характеристик лиц, поступающих в аспирантуру, исследователями отмечаются такие неформальные оценки, как результаты собеседования, в результате которого выявляются компетенции в сфере саморазвития и самообразования [3, 4].

Таблица 2

Половозрастная структура абитуриентов аспирантуры, %

	2019	2020	2021	2022	2023
Возраст, по группам					
23-29 лет	46	45	36	66	59
30-39 лет	27	45	40	32	32
Более 40 лет	27	10	24	2	9
Пол					
Женский	0	23	28	7	9
Мужской	100	77	72	93	91

Увеличение числа абитуриентов от 23 до 29 лет и практически двукратное превосходство данной возрастной группы в последние годы над другими также могут быть соотнесены с общероссийскими показателями. Согласно данным статистического сборника «Индикаторы образования: 2023», подготовленному Институтом статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», процент аспирантов на конец года в указанном возрастном диапазоне в 2020 году составлял 71 %, в 2021-м – 70 %. Средняя группа от 30 до 39 лет в среднем ровна 21 % по стране, в филиале – 32 %. Число тех, кто поступает в аспирантуру в возрасте более 40 лет, полностью соответствует федеральным значениям (9 %).

В настоящее время сформировался общий тренд относительно полового признака контингента приема обучающихся в филиал Президентской академии. Отмечается значительное превалирование мужчин по сравнению с женщинами. Если в 2020 году это соотношение было равно 77 % к 23 % (общероссийский показатель – 56 % к 44 %), то в 2023 году доля аспирантов мужского пола составила 91 %.

Важным, с точки зрения развития научного потенциала аспирантов, является их участие в научно-практических конференциях с целью публичной защиты результатов

собственного исследования и дальнейшей публикации статей в научных изданиях. К настоящему времени наблюдается стагнация данного критерия среди обучающихся в аспирантуре Владимирского филиала: диапазон от 30 % до 40 % в охвате всего контингента аспирантов ежегодно (с 2019 по 2023 год). Данный факт демонстрирует наличие определенных проблем в реализации (апробации) результатов исследований аспирантов, среди которых преобладают проблемы субъективного характера.

Таким образом, положительная динамика некоторых абсолютных и относительных показателей и характеристик контингента программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в России и в конкретном учебном заведении (Владимирском филиале РАНХиГС) показывает возможность дальнейшего роста контингента аспирантов. Тем не менее существуют серьезные опасения, связанные с низкими показателями участия аспирантов в научно-практических конференциях и научно-исследовательских работах вуза, что не позволяет повысить результативность научных исследований молодых ученых, увеличить количество защит диссертационных работ и обеспечить рост научно-исследовательского потенциала региона и страны.

Список литературы

1. Глебов Г. Е. Состояние кадрового потенциала системы высшего образования Владимирской области / Г. Е. Глебов // Ученые записки. – 2023. – № 3 (47). – С. 6-9. – EDN CZBXTR.
2. Индикаторы образования: 2023: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2023. – 432 с. – ISBN 978-5-7598-2746-7.
3. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Шатилов А. Б., Парма Р. В. Параметры и векторы развития педагогической аспирантуры в России и в мире: результаты глобального исследования ведущих университетов // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31. – № 1. – С. 24-41. – DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-1-24-41.
4. Жучкова С. В. Как устроен прием в аспирантуру в российских вузах? // Университетское управление: практика и анализ. – 2022. – Т. 26. – № 2. – С. 92-104. – DOI 10.15826/umpa.2022.02.015.
5. Обеспеченность высшей школы кадрами высшей квалификации: состояние, тенденции, проблемы, задачи вузов: экспертный семинар. URL: https://ipei.ranepa.ru/images/И.В.Каракчиева-06.10.2023.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
6. Стратегическое развитие в условиях неопределенности: Межрегиональная XXI научно-практическая конференция 17 ноября 2023 г. URL: https://vlad.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=917790&ysclid=ls6eibgkpl365737566&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 03.02.2024).

УДК 331.1

© София Андреевна Фадеева
магистрант факультета экономики,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: sofia.fadeeva.01@mail.ru

Sofia Andreevna Fadeeva
Master's student
at the Faculty of Economics,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Дарья Ильинична Кошкина
кандидат экономических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой финансов
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: koshkina-di@ranepa.ru

Daria Ilyinichna Koshkina
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Acting Head
of the Department of Finance
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В ОРГАНИЗАЦИИ

Application of digital technologies in the field of human resource management in the company

Аннотация. В современном мире цифровые процессы играют решающую роль в развитии конкурентоспособности и стимулировании инноваций компаний. При этом ключевым активом остаётся человек. В данной статье проанализирован опыт успешных компаний, который может быть полезен для осуществления собственных цифровых трансформаций.

Abstract. In the modern world, digital processes play a decisive role in developing competitiveness and stimulating company innovation. The key asset remains the person. This article analyzes the experience of successful companies, which can be useful for implementing their own digital transformations.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, управление человеческими ресурсами.

Keywords: digitalization, digital technologies, human resource management.

Цифровые технологии играют ключевую роль в управлении человеческими ресурсами (HR) крупных компаний. Стартапы, специализирующиеся на автоматизации поиска и отбора персонала с применением искусственного интеллекта и технологий машинного обучения, становятся все более популярными на рынке HR-tech [3]. Они открывают новые перспективы и возможности.

Российский рынок HR-tech включает комплексные системы управления человеческими ресурсами, инструменты для автоматизации подбора, оценки и развития персонала, а также услуги по внедрению и поддержке этих решений. По оценке TAdviser, прирост показателя с 2017 г. составляет минимум 8 % [2]. В 2022 г. по отношению с 2021 г. рынок вырос на 10 % и достиг объема 29,2 млрд. рублей. По итогам 2023 г. HR-tech увеличился на 3 млрд. руб. Прогнозируется, что рынок продолжит расти (рисунок 1).

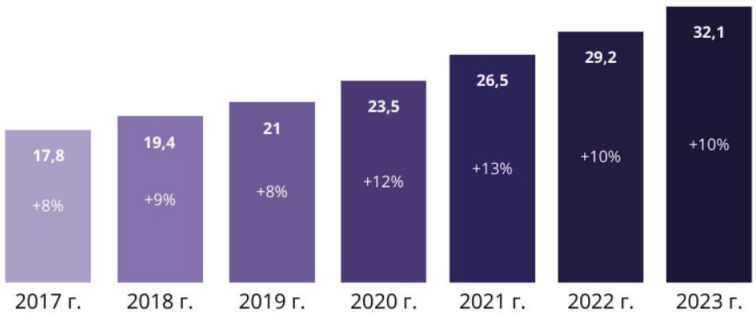

Рис. 1. Объем рынка HR-tech в России в 2017-2023 гг. (млрд. руб.) [2]

С развитием технологического прогресса цифровая трансформация становится неотъемлемой частью HR в организациях. Современные HR-тенденции включают гибкую занятость, автоматизацию процессов, диджитализацию, онлайн-бизнес, трансформацию, персонализацию и ориентацию на кадры.

Если ранее объектом цифровизации были процессы, то на данный момент трендом выступает аналитика вокруг человека и построение цифрового профиля.

Исследования как отечественных, так и зарубежных организаций демонстрируют, что рост производительности труда можно обеспечить за счёт грамотного управления человеческими ресурсами, уделяя особое внимание заботе о сотрудниках. Важнейшую роль здесь играет кадровый менеджмент, который разрабатывает стратегию, концепции и технологии управления персоналом, формирует кадровую политику и регулирует процессы принятия решений по вопросам, касающимся сотрудников.

Концепция управления человеческими ресурсами должна ориентироваться на рациональное и эффективное руководство персоналом с активным применением цифровых технологий. Цифровизация HR предполагает повышение прибыли на 22 %, увеличение продуктивности на 21 %, снижение количества прогулов на 37 % и уменьшение текучести кадров на 25 % [4].

Основная идея состоит в том, чтобы затраты на сотрудника оправдывались результатами его работы. Важно достичь баланса между затратами на персонал и полученными результатами, чтобы обеспечить положительную отдачу. Цифровые технологии в HR позволяют автоматизировать процессы, улучшить управление данными о сотрудниках, предсказывать поведение персонала с помощью аналитики и снизить риски ухода сотрудников.

Эффективная концепция цифрового HR должна также включать в себя меры по развитию сотрудников, поддержанию высокого уровня мотивации и созданию условий для эффективной работы команды. Все это способствует достижению более высокой прибыли и продуктивности при снижении затрат и текучести кадров.

Динамичные изменения и конкуренция требуют инновационных подходов к управлению. Цифровизация и автоматизация рутинных задач способствует улучшению найма, обучения, развития и управления сотрудниками для достижения стратегических целей предприятия. Областью применения диджитализации могут быть как внутренние, так и внешние процессы (рисунок 2).

Рис. 2. Digital HR-процессы в компании

Digital-технологии заключаются в оптимизации трудозатрат, повышении гибкости, управлении изменениями и проектами, повышении вовлеченности персонала в бизнес-стратегию компании. Они способствуют повышению эффективности деятельности HR-департамента и всей компании.

Применение алгоритмов искусственного интеллекта осуществляется в сфере оптимизации рутинных процессов, например, для анализа резюме или подбора лучших кандидатов. Это позволяет снизить временные и ресурсные затраты.

Цифровая трансформация в сфере УЧР становится ключевым этапом эволюции, значительно повышая эффективность и скорость процессов найма, удержания и развития сотрудников. Рассмотрим передовые практики, применяемые в успешных компаниях. Изучение опыта организаций, активно внедряющих цифровые технологии в HR, предоставляет широкий спектр практических примеров и инновационных подходов.

В компаниях Apple, Google, Amazon, Nike, Disney, McDonald's применяется модель PISA, включающая 4 направления.

1. Производительность (измерение и постоянное повышение производительности).

2. Инновации (стимулирование сотрудников).

3. Скорость (быстрое обучение для развития компании).

4. Адаптивность (непрерывная адаптация и быстрая масшабируемость).

Она позволяет им успешно адаптироваться к быстрым изменениям в бизнес-среде.

Пример успешной цифровой трансформации в HR имеет KFC, который активно внедряет автоматизацию и цифровизацию процессов, включая массовый онлайн-рекрутинг и автоматизированную систему оформления трудоустройства. Управление производительностью труда происходит с применением геймификации.

Сбербанк, ведущий банк в Центральной и Восточной Европе, внедряет передовые образовательные проекты, ориентируясь на принцип «учиться в любом месте, в любое время и на любом устройстве». В его структуру входят корпоративный университет и виртуальная школа, где благодаря цифровым технологиям доля электронного обучения возросла до 90 % [6].

В современных компаниях происходит «уберизация» в управлении персоналом, где компании, наподобие Uber, цифровизируют и автоматизируют процессы найма, управления качеством работы, обучения и карьерного развития, обеспечивая цифровую, автоматизированную и онлайновую среду.

Современные HR-платформы, такие как TalentTech, ставят сотрудника в центр внимания, максимально автоматизируя HR-процессы и улучшая управление персоналом. В базе данных хранятся сведения о сотрудниках, включая их опыт, навыки, интересы, психологические особенности и профессиональные предпочтения. Это знание помогает сотрудникам понять, для каких задач они подходят, какие компетенции нужно развивать и от каких задач лучше воздержаться. Преимущества HCM-платформы для бизнеса включают оптимизацию коммуникаций, передачу знаний и опыта, способствуя достижению бизнес-целей.

Росатом автоматизировал процессы планирования карьеры и преемственности, что решило задачи по приему выпускников и обеспечило наличие преемников на руководящие должности. Для каждой позиции создан резерв из трех кандидатов с разной готовностью. Сроки поиска кандидатов на высшие должности на 100 предприятиях сократились с двух недель до 5-30 минут в зависимости от сложности запроса.

Компании, такие как Unilever, Nestlé, Adidas и Сбербанк, внедряют цифровые технологии, включая SAP, HR, Talent Management и CRM-системы, для автоматизации управления персоналом, обучения и повышения эффективности [6]. Они также используют социальные сети, онлайн-игры и искусственный интеллект для инновационного подхода к подбору кадров.

Сотрудники могут удаленно получать информацию о программах обучения, посещать виртуальные классы и отслеживать прогресс через единую систему. Для упрощения навигации в большом объёме данных компании всё чаще применяют искусственный интеллект. Алгоритмы анализируют текущие

и предыдущие позиции сотрудников, их интересы и уже пройденные модули, чтобы рекомендовать необходимые курсы для разных категорий персонала.

Вопреки преимуществам цифрового обучения, таким как индивидуальный темп и доступность, возникают проблемы, такие как отсутствие живой коммуникации, неуверенность и отвлечение внимания, которые требуют внимательного рассмотрения при переходе к цифровому формату.

В рамках исследования отмечены результаты опроса компаний, занимающихся HR, проведенного HeadHunter. Было опрошено 310 представителей организаций (рисунок 3).

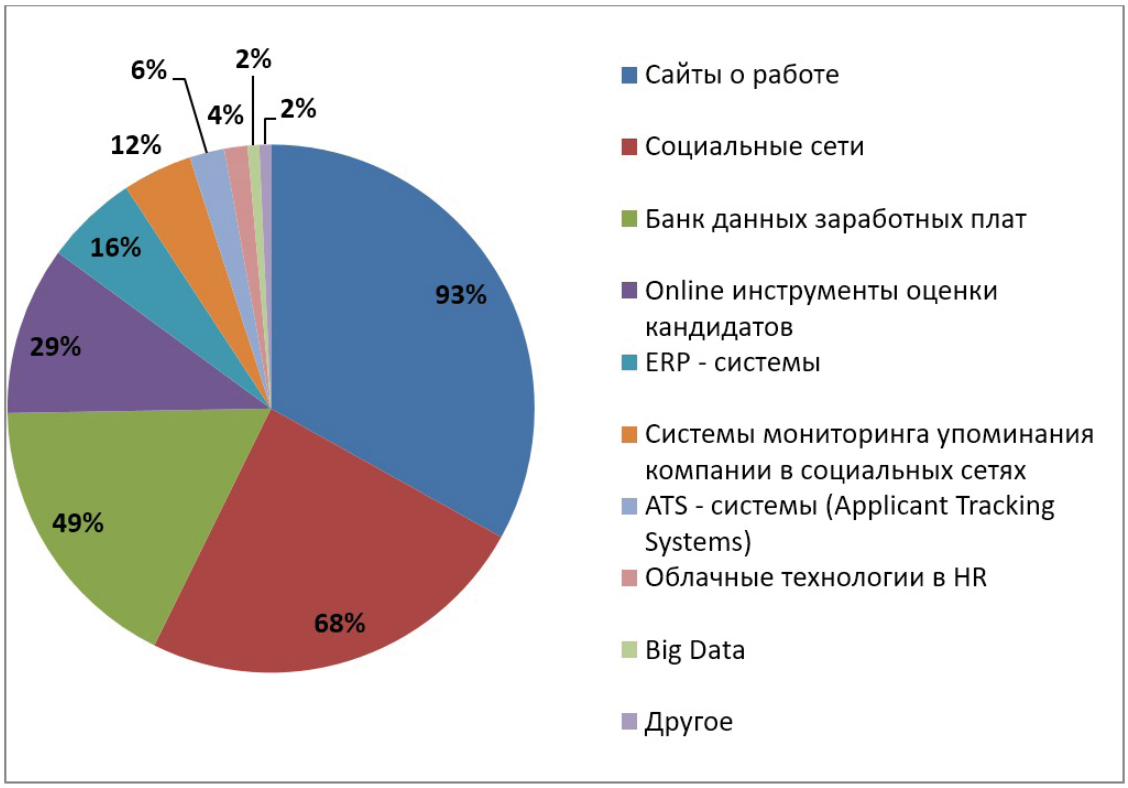

Рис. 3. Структура использования Digital-инструментов в сфере HR [5]

Структура использования цифровых инструментов в HR показывает широкое распространение базовых технологий, таких как сайты для поиска кандидатов (93 %) и социальные сети для привлечения талантов (68 %), в то время как более сложные технологии, такие как облачные решения (4 %) и Big Data (2 %), используются менее активно. Это может указывать на потенциал для дальнейшего роста и развития цифровых инструментов в сфере управления человеческими ресурсами.

Успешный опыт крупных компаний свидетельствует о значительных преимуществах цифровой трансформации в HR. Реализация современных цифровых технологий в УЧР позволяет компаниям существенно оптимизировать процессы, улучшить взаимодействие с персоналом и принимать обоснованные решения на основе данных.

Опыт успешного внедрения цифровых технологий в сфере управления человеческими ресурсами подчеркивает важность учета опыта других компаний при осуществлении собственных цифровых трансформаций. Наблюдение за стратегиями крупных игроков, таких как Apple, Google, Amazon, и успешных финансовых учреждений вроде Сбербанка позволяет выявлять лучшие практики и успешные подходы в сфере управления персоналом.

Список литературы

1. INDUSTRIE 4.0 – умное производство будущего. – Государственная Hi Tech Стратегия, Германия, 2020.
2. Российский рынок HR-tech // Tadviser: офиц. сайт URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_HR-tech#.D0.9E.D1.86.D0.B5.D0.BD.D0.BA.D0.B8_.D1.80.D1.8B.D0.BD.D0.BA.D0.B0 (дата обращения: 14.05.2024).
3. Берсин Дж. Искусственный интеллект в HR. URL: https://www.talentmanagement.com.ua/5202-iskusstvennyj-intellekt-v-hr/ (дата обращения: 10.05.2024).
4. Макурина А. А., Кувалдина Е. А. HR и цифровая трансформация: технологии в управлении персоналом / А. А. Макурина, Е. А. Кувалдина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 1-1 (83). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hr-i-tsifrovaya-transformatsiya-tehnologii-v-upravlenii-personalom (дата обращения: 12.05.2024).
5. Как автоматизирован рекрутмент в российских компаниях // ООО «Хэдхантер»: офиц. сайт. URL: https://hh.ru/article/26288 (дата обращения: 12.05.2024).
6. Бродовская Е. В. Цифровая среда ведущих университетов мира и РФ: результаты сравнительного анализа данных сайтов. – М. : Финансовый университет при Правительстве РФ, 2020.

УДК 338.48

© Константин Витальевич Хартанович
доктор экономических наук,
профессор кафедры экономики
Владимирский филиал РАНХиГС

Konstantin Vitalievich Khartanovich
Doctor of Economics, Professor
of the Department of Economics
Vladimir branch of RANEPA

© Людмила Петровна Васильева
кандидат экономических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры финансов
и управления банковской деятельностью
в ВС, Военный университет
имени князя Александра Невского
Министерства обороны РФ,
г. Москва

Lyudmila Petrovna Vasilyeva
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
senior lecturer at the Department of Finance
and Banking Management in the Armed
Forces, Military University named after Prince
Alexander Nevsky, Ministry of Defense
of the Russian Federation,
Moscow

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Socio-economic and environmental responsibility of corporate governance

Аннотация. Ответственное отношение к сохранению окружающей среды должно стать основным принципом деятельности крупных корпораций. Именно сохранение среды обитания человека позволит с уверенностью смотреть в будущее людского сообщества. В своих позициях авторы показывают позитивные тенденции экологической деятельности отечественных корпораций. Ведущие промышленные лидеры стремятся оберегать родную природу. Особо нужно подчеркнуть, что важнейшую роль в отстаивании природных богатств страны играют добывающие отрасли экономики. На них ложится большая доля ответственности за поддержание жизнеспособности общества. В предложенном материале очень кратко рассматривается производственно-экологическая деятельность некоторых ведущих корпораций по сбережению наших природных ценностей. Разумеется, что в одной статье невозможно показать многообразие данной тематики. Но подчеркнуть ее актуальность просто необходимо.

Abstract. Responsible attitude to the preservation of the environment should become the main principle of the activities of large corporations. Namely, that the preservation of the human environment will allow us to look with confidence into the future of the human community. In their positions, the authors show positive trends in the environmental activities of domestic corporations. Leading industrial leaders strive to preserve their native nature. It should be emphasized that the extractive sectors of the economy play a crucial role in defending the country's natural resources. They bear a large share of responsibility for maintaining the viability of society. The proposed material very briefly examines the production and environmental activities of some leading corporations to preserve our natural values. Of course, it is impossible to show the diversity of this topic in one article. But, it is simply necessary to emphasize its relevance.

Ключевые слова: корпорация, корпоративная экологическая ответственность, охрана окружающей среды, экологическая безопасность.

Keywords: corporation, corporate environmental responsibility, environmental protection, environmental safety.

Будущее человечества связано с переходом производства на новый цифровой технологический уровень. Естественно, все новое вызывает множество вопросов и ряд сомнений в будущем. Безусловно, путь нелегкий. Есть свои позитивные и негативные моменты.

Эффективность производства имеет свою обратную сторону. Она касается экологической безопасности. Эко – наш дом, среда обитания, которая называется планетой Земля.

Конечно, замечательно, что россиянам досталась такая благодатная природная кладовая. Но не расслабляет ли она нашу экономику?

Однозначного ответа не существует. С одной стороны, можно положиться на несметные природные ценности и ничего не делать в плане производства. Жить в большинстве своем за счет полезных ископаемых. А с другой – объективно нельзя упускать технологический прогресс и остаться на обочине мировой экономики.

Технологический цифровой рывок надо осуществлять с учетом экологической безопасности. Для этого важно постоянно мониторить экологические индикаторы.

Экологические индикаторы – это измеряемые данные об экологическом эффекте последствий корпоративной деятельности. В теории и в реальной жизни нет единого понимания количества и качества экологических индикаторов. Существует множество разнообразных методик их выделения и оценки.

Более-менее какое-то единство взглядов существует по семи основным позициям.

1. Выброс в атмосферу углекислых веществ.

2. Загрязнение питьевой и производственной воды, а также всех природных водных ресурсов.

3. Бытовые и производственные отходы. Их хранение на полигонах и утилизация.

4. Энергетические экологические индикаторы (природный газ, нефть, уголь, альтернативные источники энергии).

5. Бытовое и корпоративное воздействие на среду обитания и экосистему в целом, включая многообразие флоры, фауны, всего живого на планете.

6. Степень криминального результата производственной деятельности корпораций (выбросы вредных веществ в воздух, воду, на землю и в нее).

7. Экологичность всей цепи логистических построений корпорации, включая поток ресурсов и продвижение готового экономического продукта.

Помимо социально-экологической ответственности, взятой на себя компаниями, необходим жесткий государственный контроль за всеми указанными процессами в деятельности крупных корпораций. Сочетание внутренней экологической морали и внешнего государственно экологического надзора – оптимальный путь обеспечения экологической безопасности общества.

Необходима четкая государственная экологическая политика. Под ней понимается деятельность федеральных, региональных и муниципальных властей по решению задач природопользования и охраны окружающей среды [1, с. 24].

Любая политика есть система мероприятий в той или иной сфере человеческой жизнедеятельности. В частности, в сфере обеспечения экологической безопасности.

Экологическая политика включает общее видение проблем (экологическая концепция), выдвижение стратегических и тактических целей и предложение к решению конкретных задач по их достижению, составление экологических планов, контроль над процессом реализации намеченных мероприятий.

Основная цель государственной экологической политики – обеспечение надежной экологической безопасности граждан страны, всех ее территорий. Сохранение всего биологического разнообразия жизни.

В конечном итоге необходимо содействовать устойчивому экологически чистому социально-экономическому прогрессу российского социума. Эта цель может быть достигнута только консолидированными усилиями бизнеса, власти и всего общества.

Однако еще ни одному государству на сто процентов не удавалось обеспечить полную экологическую безопасность своих граждан. Здесь множество субъективных и объективных причин.

Из объективных причин выделим, прежде всего, природно-географические условия конкретных территорий. Они порой не позволяют использовать экологически чистые технологии производства экономического продукта, необходимого для нормального функционирования социально-экономических систем.

Так, например, в условиях Владимирского региона нет возможностей использовать традиционные (гидро-, атомные) и альтернативные (ветер, солнце, геотермальные, приливные и т.д.) источники энергии. К тому же бедная природно-ресурсная база (пролемы запасов воды на земле и под землей) сокращает производственные и добывающие возможности экономики региона.

Приходится брать энергию у других регионов. Впрочем, как и еще многие природные ресурсы, необходимые для производственной деятельности.

К субъективным причинам, сдерживающим полную экологическую безопасность, можно отнести проблемы с кадрами как в корпорациях, так и в органах государственно-муниципального управления. Субъективизм в проведении экологической политики, а порой недостаточный профессионализм частных и государственных управленческих кадров приводит, в некоторых случаях, к некомпетентному экологическому менеджменту и маркетингу в плане контроля за состоянием окружающей среды [1, с. 61-75].

Проблема кадрового менеджмента в экологии стоит довольно актуальной. Необходимо активизировать всю образовательную совокупность подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, занимающих должности по профилю менеджмента природопользования и охраны окружающей среды [2].

Важно связать теорию и практику работы с кадрами экологического менеджмента с учетом конкретного регионального статусного положения. Необходимо работать с кадрами, памятуя о множестве факторов экологической безопасности – политических, социально-экономических, природно-географических, морально-нравственных, демографических, половозрастных и так далее [3].

В рамках данного материала не ставилась задача охватить все море экологических проблем разнообразных регионов нашей страны. Акцент сделаем на деятельности межрегиональных крупных корпораций по обеспечению экологической безопасности.

Корпорации различных производственных направлений стремятся осознанно и под воздействием административного кадрового регулирования применять экологически чистые технологии производства. По крайней мере, минимизировать вредные для окружающей среды последствия своей работы.

Крупные корпорации чрезвычайно сложны по структуре внутренних управленческих отношений. Они представляют собой разновидность организации крупного рыночного предпринимательства, организационно базирующегося на долевой собственности. Спецификой корпоративных отношений является разграничение функциональных ролей менеджмента и собственников корпорации [4].

В отечественной научной литературе авторы обращались к выявлению особенностей становления российского корпоративного управления [5]. А также проводилось сравнение зарубежного и отечественного опыта анализа деятельности корпораций по обеспечению экологической безопасности [6, 7].

В результате научных исследований функционирования крупных корпораций было выработано следующее объемное определение корпораций. Корпорация – система менеджмента организации, основанная на построении баланса интересов собственников и менеджмента организации, с учетом мнений всех заинтересованных лиц – поставщиков, партнеров, потребителей, всех работников корпорации, государственных и общественных организаций [8, с. 25].

ПАО «Сибур» – крупная российская нефтехимическая корпорация рассматривает экологическую безопасность как главную миссию компании. Минимизация негативного воздействия на окружающую среду – основной приоритет ее деятельности. Сохранение здоровья и жизни людей, сбережение природы для будущих поколений [9].

ПАО «Росатом» стремится придать экологическую базу ядерным технологиям, которые уменьшают вредное воздействие на среду обитания всего живого. Корпорация занимает лидирующие мировые позиции в своем сегменте по уровню экологической безопасности [10].

ПАО «Газпром» делает большие вложения в сохранение окружающего мира. Эти усилия выстроены по всей производственной цепочке – от добычи и переработки и доставки конечному потребителю [11].

АО «РусГидро» представляет собой гидроэнергетическую корпорацию. Помимо традиционно энергетики активно развивает, где возможно, альтернативные источники энергии. Постоянно стремится как можно надежнее обеспечивать экономическую безопасность в своей отрасли [12].

Все солидные крупные корпорации стремятся усилить свою социально-экономическую ответственность за счет реального проведения системных экологических мероприятий. Их ответственная экологическая политика является прочной основой уверенности в сохранении экологически чистой среды обитания для будущих поколений российских граждан и всего человечества.

Список литературы

1. Муравых А. И. Основы экологического управления. – М. : Изд-во РАГС, 2006.
2. Хартанович К. В. и др. Теория кадрового менеджмента государственных и муниципальных организациях. – М. : РУСЙНС, 2022. – 250 с.
3. Дмитриев Ю., Хартанович К., Мамедов С. Кадровый менеджмент в системе регионального и муниципального управления. – Владимир : Собор, 2022. – 308 с.
4. Большая российская энциклопедия: офиц. сайт. URL: https://bigenc.ru/.
5. Радыгин А. Д. и др. Особенности формирования национальной модели корпоративного управления. – М., 2003.
6. Кондратьев В. Б. Корпоративное управление. – М., 2003.
7. Формирование корпоративного сектора экономики: зарубежный опыт и российская практика. – М. : Магистр, 2009. – 395 с.
8. Леванова Л. Н. Корпоративное управление. – Саратов : Наука, 2012. – 240 с.
9. ООО «Сибур»: офиц. сайт. URL: www.sibur.ru.
10. Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»: офиц. сайт. URL: Rosatom.ru.
11. ПАО «Газпром нефть»: офиц. сайт. URL: www.gazprom-neft.ru.
12. ПАО «РусГидро»: офиц. сайт. URL: rusgidro.ru.

УДК 005.95

© Светлана Владимировна Юдакова
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры менеджмента,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: yudakova-sv@ranepa.ru

Svetlana Vladimirovna Yudakova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Management Department,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

СТРУКТУРА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

Competitiveness structure university teacher

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению конкурентоспособности преподавателя вуза, повышение которой является важным фактором развития конкурентных преимуществ образовательной организации; раскрыто понятие конкурентоспособности в психолого-педагогическом и управленческом аспектах, представлены и описаны структурные элементы конкурентоспособности преподавателя вуза, основы их формирования и области проявления.

Abstract. The article is devoted to the consideration of competitiveness of university teacher, the increase of which is an important factor in the development of competitive advantages of an educational organization; the concept of competitiveness in psychological, pedagogical and managerial aspects is revealed, the structural elements of competitiveness of university teacher, the basis of their formation and areas of manifestation are presented and described.

Ключевые слова: конкуренция, конкурентоспособность, конкурентоспособность педагога, конкурентоспособность преподавателя вуза, структура конкурентоспособности преподавателя вуза, направленность, компетентность, психологическая гибкость.

Keywords: competition, competitiveness, competitiveness of a teacher, competitiveness of a university teacher, structure of competitiveness of a university teacher, orientation, competence, psychological flexibility.

В современных условиях глобализации, реализации интеграционных процессов, охватывающих все сферы мировой экономики, актуализируются разные факторы влияния на российский рынок труда. К таким факторам относятся конкурентные преимущества человеческих ресурсов. В этом смысле они являются важным инструментом социально-экономического развития. Отечественная система образования призвана ориентироваться на удовлетворение потребности общества и государства в конкурентоспособных личностях. В связи с этим предъявляются соответствующие требования к качеству человеческих ресурсов, осуществляющих образовательную деятельность. В частности, речь идет о конкурентоспособности преподавателя вуза. Конкурентоспособность преподавателя вуза проявляется при решении профессионально-педагогических задач и личностной самореализации в профессии.

Употребление термина «конкурентоспособность» относительно деятельности и личности преподавателя вуза вызывает много споров. Однако реальность такова, что понятие конкурентоспособности начинает активно использоваться в управленческой образовательной практике. Постараемся разобраться с ним детально.

Базовым понятием, связанным с конкурентоспособностью, является конкуренция. Конкуренция – соперничество, борьба за достижение наивысших выгод и преимуществ [17].

В конфликтологии конкуренция рассматривается как одна из форм взаимодействия между людьми [6].

Конкуренция прочно закрепилась в теории и практике экономики. Экономическая конкуренция – конкуренция между производителями товаров и услуг, связанная с борьбой за рынки сбыта, за выгодные условия продажи или покупки с целью получения более высоких доходов, прибыли и других выгод [15].

Опираясь на базовое понятие, можно заключить, что конкуренция относится ко многим видам деятельности, в которых достижение преимуществ дает личности определенную выгоду, причем не обязательно материальную. Конкурентоспособность – способность прогнозировать, изменяться, использовать все возможности для достижения преимущества; способность быть более привлекательным по сравнению с другими людьми благодаря своим характеристикам и качествам [21]. Так, конкурентоспособность работников организации обеспечивают их личностно-профессиональные качества, которые обнаруживаются в умении эффективно действовать и взаимодействовать в условиях острой конкуренции, достигая преимуществ.

Примерами конкуренции в сфере образования являются конкурсный отбор в учебные заведения, профессиональная адаптация, построение карьеры, аттестация, расстановка кадров, педагогические и профессиональные конкурсы, проекты, любые действия по достижению личностно-профессионального или группового преимущества и др., что отражается в рейтингах педагогических работников, подразделений и образовательных организаций. Кроме того, в настоящее время отсутствует система распределения выпускников. Выпускнику вуза не гарантируется место работы, поэтому он самостоятельно занимается трудоустройством, на что влияет наличие вакансий, уровень заработной платы и др. в разных организациях. Важно отметить, что выпускник, имея диплом о высшем образовании, должен соответствовать требованиям работодателя в данный период, обладать конкурентными преимуществами перед теми, кто имеет такую же квалификацию. В этом смысле высшее образование можно рассматривать как важный фактор формирования конкурентного потенциала личности. Преподаватель вуза оказывает непосредственное влияние на данный процесс, создавая соответствующие условия. Однако формирование у студентов конкурентного потенциала невозможно без развития у субъектов образовательного процесса собственных конкурентных преимуществ. Таким образом, можно утверждать о том, что современный преподаватель вуза трудится в конкурентной среде.

Проблема конкурентоспособности преподавателя вуза все большее внимание привлекает исследователей, хотя изучена недостаточно глубоко.

Уже рассмотрены в психолого-педагогическом аспекте вопросы конкурентоспособности личности [2, 25]. Так, под конкурентоспособностью личности понимаются:

- динамическая открытая система, развивающаяся на основе личностной программы самоопределения и саморазвития, дающая возможность выпускнику вуза результативно приспособиться в мире труда [8, 9];
- стремление и способность к высокому качеству и эффективности своей деятельности, а также к лидерству в условиях состязательности, соперничества и напряженной борьбы со своими конкурентами [2];
- комплексная способность, которая обеспечивает непрерывность конструктивных преобразований личности в изменяющихся условиях и условиях неопределенности, дает возможность личности развиваться, изменяться, преобразовываться, быть социально и профессионально востребованной, успешной и имеет в своей основе гуманистическую направленность [14].

В педагогических исследованиях раскрыты понятия конкурентоспособности субъектов образовательного процесса:

- конкурентоспособность персонала высшего учебного заведения как комплексная характеристика, отражающая степень развития научно-педагогического потенциала профессорско-преподавательского состава, определяющая его способность к осуществлению научно-педагогической деятельности и обеспечивающая качество образовательной услуги, соответствующее установленным стандартам образования, запросам потребителей и целям вуза [10];

- конкурентоспособность научно-педагогических работников как способность преподавателей к корпоративным достижениям в труде, которые представляют собой вклад в реализацию организационных целей вуза наиболее эффективным способом [24];

- конкурентоспособность педагога как динамическое, системное, многоуровневое образование, включающее мотивационно-ценностный, эмоционально-волевой, нравственно-эстетический, информационно-содержательный, деятельностно-практический компоненты [2];

- конкурентоспособность будущего учителя как стратегическое качество личности, позволяющее ей быть востребованной среди других в условиях конкуренции; «выгодным отличием» личности является высокий уровень самостоятельности и гибкости мышления, педагогической рефлексии, стрессоустойчивости и потребности в успешной деятельности [16].

По Л. М. Митиной конкурентоспособность педагога является характеристикой личности, интегрирующей ее направленность, компетентность и психологическую (эмоциональную, поведенческую и интеллектуальную) гибкость, обусловленные высоким уровнем самосознания. С мнением автора согласны многие исследователи данной проблемы в области педагогики. Сделаем попытку представить каждый из обозначенных аспектов в структуре конкурентоспособности преподавателя вуза (рисунок 1).

Рис. 1. Структура конкурентоспособности преподавателя вуза

Направленность личности во всех концепциях имеет ведущее значение [1, 4, 11, 13, 22, 23]. Направленность как интегральная характеристика конкурентоспособности в любой сфере профессиональной деятельности представляет собой систему эмоционально-ценностных отношений, которая задает иерархию доминирующих мотивов личности и побуждает личность к их утверждению в деятельности и общении.

Направленность преподавателя проявляется в совокупности мотивов, формирующих мотивационную сферу его труда, личностном и профессиональном саморазвитии.

А. К. Маркова [12] выделила группу мотивов профессиональной деятельности. К ним относятся:

- мотивы понимания предназначения профессии;
- собственно мотивы профессиональной деятельности (ориентированные на процесс, ориентированные на результат);
- мотивы профессионального общения;
- мотивы престижа профессии в обществе;
- мотивы социального сотрудничества в профессии;
- мотивы проявления личности в про-

фессии (мотивы развития и самореализации, мотивы развития индивидуальности, мотивы доминирования).

В целом мотивация преподавателя вуза представляет собой отношение тех благ и вознаграждений, которые он получает по результатам своего труда к сумме благ и вознаграждений, которые он хотел бы получать. В этом проявляется удовлетворенность преподавателя своим трудом, всем спектром выполняемых им видов деятельности: педагогической; научно-исследовательской; экспертной; организационной.

Компетентность как свойство конкурентоспособного преподавателя вуза проявляется во владении компетенциями, отражающими современные требования (спрос) общества и государства, рынка труда, субъектов образовательного процесса к его личности и деятельности, ценность которых определяется реальной готовностью к качественному выполнению трудовых функций.

Так, компетенции, которые раскрывают конкурентоспособность преподавателя вуза, выделены А. Р. Баяновой и В. Г. Закировой [3]. К ним относятся:

self-компетенции: знания, умения, навыки, способности в сфере саморазвития в ходе профессионально-трудовой деятельности (самосознание, самореализация, самоуправление, саморазвитие, саморефлексия);

soft-компетенции: знания, умения, навыки в сфере взаимодействия с участниками образовательных отношений (коммуникативность, лидерство, цифровая грамотность, командная работа);

hard-компетенции: знания, умения, навыки педагогической деятельности (предметные, дидактические, исследовательские).

Заметим, что процесс овладения обозначенными компетенциями зависит от квалификации и научного потенциала преподавателя вуза и его готовности к инновационной деятельности. Характеристикой квалификации является наличие ученой степени и ученого звания, а характеристикой научного потенциала – индекс Хирша, который дает сведения о количестве цитирований научных трудов автора. Инновационная деятельность преподавателя вуза проявляется в систематическом обновлении методического материала, в постоянном поиске и внедрении в учебный процесс новых образовательных технологий и др.

Психологическая гибкость рассматривается в интеллектуальном, поведенческом и эмоциональном аспектах.

Понятие интеллектуальной гибкости недостаточно изучено, все больше описывается гибкость мышления. В психологии глубоко раскрыто понятие «интеллект» [1, 5, 19]. Исследователи проблемы формирования интеллектуальной гибкости личности подчеркивают две важные характеристики ее поведения: устойчивость и динамичность. Причем речь идет о свойствах поведения одной и той же личности. Отметим, что гибкость мышления является составной частью интеллектуальной гибкости.

Поведенческий аспект психологической гибкости отражает способность личности определять собственные методы решения проблем или выбирать новые оригинальные методы, соблюдая моральные основы собственной жизнедеятельности.

Эмоциональная гибкость раскрывается в эмоциональной устойчивости личности, ведущей успешно конкретную деятельность в ситуациях, которые вызывают переживания и негативные эмоции. Отмечается, что в социальной адаптации конкурентоспособной личности значительную роль играют положительные эмоции [7, 16, 18, 20]. Конкурентоспособная личность сама способна вызывать положительные эмоции, выбирать такие методы и приемы саморегуляции в поведении, которые способствуют сохранению и укреплению психического и физического здоровья.

Таким образом, конкурентоспособность преподавателя вуза является комплексной характеристикой личности, которая проявляется в педагогической, научно-исследовательской, экспертной, организационной видах деятельности, личностной самореализации в профессии. Интеграция направленности, компетентности и психологической гибкости, развиваемых преподавателем вуза на основе высокого уровня самосознания, обеспечит тот личностный и профессиональный потенциал, который даст возможности эффективного достижения целей образовательной организации, в которой он трудится.

Список литературы

1. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания. – М., 1996.
2. Андреев В. И. Конкурентология. Учебный курс для творческого саморазвития конкурентоспособности. – Казань : Центр инновационных технологий, 2013 – 468 с.
3. Баянова А. Р., Закирова В. Г. Диагностический инструментарий оценки конкурентоспособности преподавателей высшей школы / А. Р. Баянова, В. Г. Закирова // Образование личности. – 2020. – № 3-4. – С. 12-20.
4. Божович Л. И. Проблемы формирования личности / под ред. Д. И. Фельдштейна. – М. : Институт практической психологии; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995.
5. Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. – М. : Мысль, 1970.
6. Зеленков М. Ю. Социальная конфликтология. – М. : Юридический институт МИИТа, 2011. – 272 с.
7. Кон И. С. Социологическая психология. – М., 1999.
8. Лаврентьев С. Ю. Развитие конкурентоспособности будущего специалиста: соотношение личностного и профессионального // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 3-1. – С. 157-161. URL: http://top-technologies.ru/ru/article/view?id=35711.
9. Лаврентьев С. Ю., Крылов Д. А. Формирование конкурентоспособности будущего специалиста в процессе профессиональной подготовки в вузе / С. Ю, Лаврентьев, Д. А. Крылов // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. – С. 1-5.
10. Лазарев В. Н., Пирогова Е. В. Управление конкурентоспособностью персонала высшего учебного заведения. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – 204 с.
11. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.
12. Маркова А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте: пособие для учителя. – М., 1983.
13. Маслоу А. Психология бытия. – М., 1997.
14. Митина Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности. – М. – Воронеж, 2002. – 400 с.
15. Мокроносов А. Г., Маврина И. Н. Конкуренция и конкурентоспособность: учебное пособие. – Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2014. – 194 с. – ISBN 978-5-7996-1098-2.
16. Мудрик А. В. Социализация человека. – М. : Academia, 2004. – 300 с.
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М. : Советская энциклопедия, 1970.
18. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. – М. : Политиздат, 1982. – 255 с.
19. Пиаже Ж. Психология интеллекта / пер. А. М. Пятигорский. – СПб., 2003.
20. Реан А. А. Психология личности: социализация, поведение, общение. – М. – СПб., 2004.
21. Резник С. Д., Сочилова А. А. Основы личной конкурентоспособности / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. С. Д. Резника. – М. : ИНФРА- М, 2010. – 251 с.
22. Роджерс К. Р., Тиллих П. Диалог К. Роджерса и П. Тиллиха // Консультативная психология и психотерапия. – 1994. – Том 3. – № 2.
23. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. – М., 1957.
24. Сотникова С. И. Новый контур оценки конкурентоспособности научно-педагогических работников: независимая оценка квалификации / С. И. Сотникова // Университетское управление: практика и анализ. – 2018. – Т. 22. – С. 113-126.
25. Чернилевский Д. В. Дидактические технологии в высшей школе: учеб. пособие для вузов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 437 с.
26. Чупрова О. Ф. Формирование конкурентоспособности личности будущего учителя в процессе экспертно-аналитической деятельности: дис. … канд. пед. наук. – Иркутск, 2004. – 207 с.

УДК 005.95

© Светлана Владимировна Юдакова
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры менеджмента,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: yudakova-sv@ranepa.ru

Svetlana Vladimirovna Yudakova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
of the Management Department,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Игорь Николаевич Сдобнов
студент факультета управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: igor.sdobnov.86@mail.ru

Sdobnov Igor Nikolaevich
student of the Faculty of Management,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

СИСТЕМА МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Personnel motivation system as a means of organization development

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы построения и внедрения системы мотивации персонала в деятельность современных организаций, приведен терминологический аппарат, на основе которого раскрывается видение процесса мотивации, а также представлена модель построения и внедрения системы мотивации сотрудников.

Abstract. The article is devoted to the research of the problem of building and implementation of the personnel motivation system in the activity of modern organizations, the terminological apparatus is given, on the basis of which the vision of the motivation process is disclosed, and also the model of building and implementation of the employee motivation system is presented.

Ключевые слова: потребности, мотив, мотивация, мотивация трудовой деятельности, мотивация персонала, принципы формирования системы мотивации, этапы построения и внедрения системы мотивации, модель системы мотивации сотрудников.

Keywords: needs, motive, motivation, motivation of labor activity, motivation of personnel, principles of formation of motivation system, stages of construction and implementation of motivation system, model of employee motivation system.

Путь к эффективному управлению персоналом связан с пониманием мотивации его труда. Знание того, что побуждает сотрудника к эффективной трудовой деятельности, что лежит в основе его действий на рабочем месте, является основой разработки системы стимулирования работника с целью повышения его работоспособности, качества выполняемой работы и как следствие успеха организации в целом.

В современных социально-экономических условиях не вызывает сомнения тот факт, что самым важным ресурсом любой организации являются ее сотрудники. Однако руководители испытывают трудности в управлении этим ресурсом [2]. Задача менеджеров состоит в том, чтобы максимально эффективно использовать потенциал персонала. Однако эффект возможен только в том случае, если работники заинтересованы в результатах своего труда. Именно поэтому система мотивации и стимулирования труда должна находить отклик у работников компании, побуждать их к более эффективному выполнению своих функциональных обязанностей. Таким образом, главной задачей трудовой мотивации является получение максимальной отдачи при использовании человеческих ресурсов, что

позволяет повысить общую результативность деятельности организации.

Развитие рыночных отношений в нашей стране побуждает руководителей организаций обновлять и корректировать существующую систему мотивации персонала. Действующих мотивационных механизмов становится недостаточно для обеспечения полной удовлетворенности сотрудников своим трудом. Поиск новых методов мотивации трудовой деятельности необходимо начинать с анализа накопленного опыта решения данной проблемы.

Развитие теории мотивации трудовой деятельности осуществлялось на основе разных подходов:

- стимулирование производительности труда (Ф. Тейлор);
- психотехнический подход (В. Штерн, Г. Мюнстерберг);
- поведенческий подход (Л. Халл, Дж. Уатсон и Р. Райнер);
- когнитивный подход (Л. Фестингер);
- гуманистический подход (М. Фоллет, Э. Мэйо, Ч. Барнард);
- содержательные теории мотивации (А. Маслоу, Ф. Герцберг, Д. МакКлелланд);
- процессуальные теории мотивации (В. Врум, Г. Кауфман).

Вопросы мотивации труда в системе управления персоналом организации отражены в трудах многих отечественных ученых: Д. А. Аширова, О. С. Виханского, Б. Н. Генкина, Н. С. Зоткиной, А. А. Литвинюка, Т. Н. Лобановой, А. Я. Кибанова, Е. А. Митрофановой, М. В. Ловчевой и др.

Практические аспекты мотивации персонала на основе выявленной взаимосвязи между экономическими показателями и производительностью труда разработаны А. Ф. Денисовым, А. П. Зуевой, Т. И. Ушановой, Е. А. Челышевой, Ю. Г. Игнатовым и др.

Научные идеи отечественных и зарубежных ученых послужили методологической основой исследования проблемы построения и развития системы мотивации труда. В этой связи сделаны обобщения, определен соответствующий терминологический аппарат, раскрыты понятие, принципы и этапы формирования системы мотивации, а также модель данного процесса.

Термины «мотив» и «мотивация» относятся к характеристикам внутреннего состояния и установок личности. Мотив – это психологическая причина, определяющая выбор действий и поступков личности; личностная необходимость, личностный смысл действия. Мотивация – динамический процесс формирования мотива.

Мотивация трудовой деятельности – это стремление работника удовлетворить свои потребности в определенных благах посредством труда, направленного на достижение целей организации [1].

Трудовая деятельность работников побуждается потребностями, являющимися для них жизненной необходимостью. Речь идет о мотиве труда. Удовлетворение потребностей работников осуществляется путем предоставления соответствующих благ с минимальными моральными и материальными издержками.

Мотив труда формируется поэтапно:

- работник осознает свои потребности, удовлетворить которые можно только в процессе и результате трудовой деятельности;
- работник представляет, какие блага (вознаграждения) он может получить за свой труд;
- работник мысленно представляет процесс, посредством которого будут удовлетворены его потребности; оценивает затраты на получение ожидаемых благ, устанавливает цену своего труда;
- работник осуществляет трудовую деятельность, получает вознаграждение, удовлетворяет потребности.

Система мотивации персонала понимается как совокупность внешних и внутренних движущих сил, которые побуждают сотрудников организации реализовывать деятельность, направленную на достижение поставленных целей, с затратой определенных усилий, старания, настойчивости и добросовестности.

Ключевые принципы и этапы формирования системы мотивации персонала представлены на рисунках 1 и 2.

Рис. 1. Принципы формирования системы мотивации персонала

Следует отметить, что эффективность системы мотивации персонала будет достигнута при выполнении следующих условий:

1) наличие у руководителей высокой компетентности в сфере управления человеческими ресурсами;

2) полная удовлетворенность первичных потребностей работников;

3) ориентация на вторичные потребности работников;

4) готовность организации нести затраты на применение разных методов мотивации: материальных и нематериальных.

Рис. 2. Этапы формирования системы мотивации персонала

Построение системы мотивации – достаточно сложный и трудоемкий процесс, который требует учета большого количества факторов как со стороны персонала, так и со стороны организации в целом.

Так, диагностика существующих мотивационных профилей работников, подразделений, организации в целом связана с изучением степени удовлетворенности актуальных потребностей сотрудников. В практике управленческой деятельности применяются разные методы исследования потребностей работников. Один из них – методика «Потребности и мотивация работников организации» [3].

В основу методики взята иерархическая структура потребностей человека по А. Маслоу, диагностика которых дает возможность выявить уровни удовлетворенности сотрудников по следующим шкалам:

1) материальное положение;
2) стабильность, безопасность;
3) межличностные связи;
4) престиж, уважение;
5) самовыражение.

В результате строится профиль потребностей. Пример такого профиля представлен на рисунке 3.

Отметим, что зона 1 – зона полной удовлетворенности потребности, зона 2 – частичной удовлетворенности, зона 3 – неудовлетворенности.

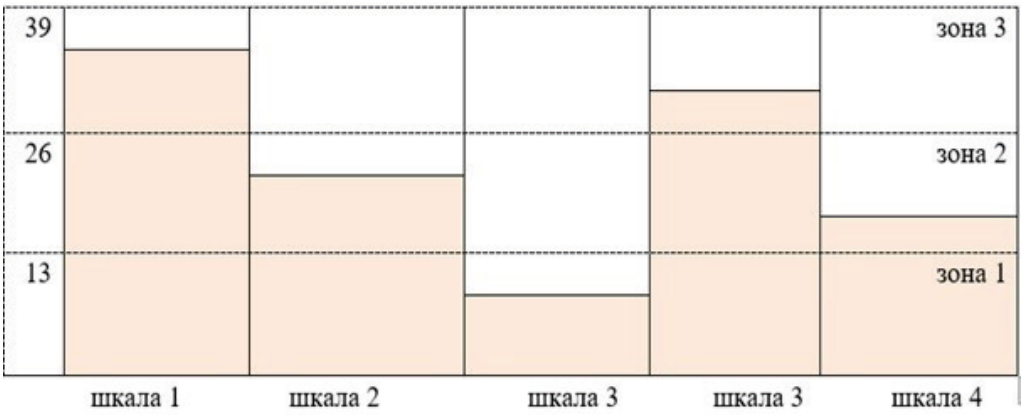

Рис. 3. Пример профиля потребностей

Модель построения и внедрения системы мотивации персонала можно представить в виде кольца последовательных действий (рисунок 4), позволит постоянно корректировать систему мотивации под цели организации, а также выявлять и затем устранять ее слабые стороны.

Рис. 4. Модель построения и внедрения системы мотивации

Поведение личности обычно направляется наиболее сильной, т.е. наиболее неудовлетворенной в данный момент потребностью. Чем насущнее потребность в определенном благе, чем сильнее желание его обрести, тем большую активность проявляет работник. В этой связи, для повышения уровня мотивации работников нужно предлагать то вознаграждение, которое соответствует их актуальным (наиболее неудовлетворенным) на данный момент потребностям.

Модель мотивации персонала предлагается ориентировать на уровни и содержание потребностей А. Маслоу, описанные выше. Совокупность различных инструментов, используемых для ее внедрения, позволяет охватить все уровни потребностей известной пирамиды (рисунок 5).

Рис. 5. Инструменты мотивации труда в соответствии с потребностями работников (по А. Маслоу)

Таким образом, понимание основ побуждения сотрудников к эффективной трудовой деятельности в соответствии с целями организации открывает перед руководителями возможность обогатить свой управленческий потенциал. Основным направлением развития менеджмента выделяется построение и реализация эффективной системы мотивации сотрудников, направленной на полное удовлетворение потребностей персонала и как следствие достижение успеха организации в целом.

Список литературы

1. Кибанов А. Я., Баткаяева И. А., Митрофанова Е. А., Ловчева М. В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 524 с.
2. Клипкова А. И. Исследование мотивационного процесса в аспектах формирования креативного потенциала работников предприятия / А. И. Клипкова // Европейские перспективы. – 2020. – № 2. – С. 192-196.
3. Крюков С. В. Организационное поведение: теория и практика. – Ростов н/Д. : Феникс, 2006. – 272 с.
4. Орлова Ю. С., Пестунов М. А. Современные методы стимулирования мотивации труда персонала с учетом опыта зарубежных стран и современных тенденций цифровизации экономики / Ю. С. Орлова, М. А. Пестунов // Экономика и социум. – 2023. – № 3-1 (106). – С. 630-644.
5. Попова А. А. Механизм повышения эффективности мотивации персонала как фундамент функционального современного менеджера / А. А. Попова // Экономика и государство: эффективное управление и взаимодействие: сборник статей / под ред. Т. М. Степанян. – М. : ООО «МАКС Пресс», 2019. – С. 241-246.

ЭКОНОМИКА

УДК 657.6:657.1

© Алексей Вячеславович Иванов
кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов
Владимирского филиала РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: iav@bk.ru

Alexey Vyacheslavovich Ivanov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
of the Department of Finance,
Vladimir branch of the RANEPA,
Vladimir

© Галина Андреевна Василькова
студент факультета экономики
Владимирского филиала РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: vasilkovaga@gmail.com

Galina Andreevna Vasilkova
Student of the Faculty of Economics,
Vladimir branch of the RANEPA,
Vladimir

АВТОМАТИЗАЦИЯ УЧЕТА КАК ВИД АУДИТОРСКИХ УСЛУГ

Accounting automation as a type of audit services

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса автоматизации учета предприятий реального сектора экономики как вида аудиторских услуг. Авторы рассматривают использование автоматизированных программ на основе опыта корпораций «Большой четвёрки», а также их применение на практике российскими аудиторскими компаниями. В статье исследуются преимущества и проблемы, характерные для процессов автоматизации учета. На основании выявленных ключевых вопросов предлагаются решения, позволяющие аудиторам модернизировать процесс автоматизации учета для своих клиентов.

Abstract. The article is devoted to the study of the issue of automation of accounting for enterprises in the real sector of the economy as a type of audit services. The authors consider the use of automated programs based on the experience of the Big Four corporations, as well as their application in practice by Russian audit companies. The article examines the advantages and problems characteristic of accounting automation processes. Based on the identified key issues, solutions are proposed that allow auditors to modernize the accounting automation process for their clients.

Ключевые слова: автоматизация учета, цифровизация учета, аудиторские услуги, прочие аудиторские услуги, аудиторские организации, аудиторская деятельность.

Keywords: automation of accounting, auditing services, auditing organizations, auditing activities.

В настоящее время в условиях роста объемов современных технологий компании все чаще внедряют элементы цифровизации в свои рабочие процессы. Автоматизация учета является приоритетным фактором развития современного бизнеса и управления предприятием. Она позволяет значительно упростить процессы как бухгалтерского, так и управленческого учета, повысить их эффективность, а также снизить затраты на их осуществление. Обеспечение коммуникаций как между субъектами экономики, так и предприятий с государственными органами все больше переходит на «цифровые рельсы», поэтому изучение вопросов автоматизации процессов информационного обмена является важной и актуальной задачей.

Автоматизация учета – процесс внедрения программного обеспечения, предназначенного для упрощения и цифровизации процессов сбора, обработки, хранения и предоставления информации о фактах хозяйственной жизни предприятия. Автоматизация существенно сокращает время выполнения повседневных задач, повышает точность и

полноту учета, а также сокращает возможность возникновения ошибок.

На сегодняшний день востребованные компании заинтересованы в том, чтобы внедрять процесс автоматизации с целью повышения качества экономической и управленческой информации.

Как отмечают исследователи, «более 74 % компаний в России активно занимаются проектами по автоматизации бизнес-процессов. При этом в 2022 году у российских компаний существенно изменился взгляд на программные инструменты. Например, раньше менее 10 % доверяло open source решениям. Сейчас уровень доверия вырос более чем в два раза. Еще больше выросло доверие к готовым программным инструментам российских вендоров – на 290 % к уровню 2020 года» [2]. В качестве примеров успешного применения автоматизации учета можно привести ряд крупных российских компаний, которые активно используют информационные технологии для оптимизации своих бизнес-процессов: «Яндекс», «Сбербанк», «МТС» и другие.

Внедрение специализированных аудиторских программ имеет своей целью как сокращение трудовых затрат персонала, занятого учетными работами, так и обеспечение достаточной степени уверенности в получении адекватной экономической информации. Эти цели во многом релевантны предназначению такого вида деятельности, как аудит. Аудиторские услуги также играют важную роль в обеспечении качества и достоверности информации, предоставляемой как внешним, так и внутренним пользователям. В составе аудиторских компаний, а также в качестве индивидуальных аудиторов работают наиболее квалифицированные специалисты, способные обращаться с достаточно сложным программным обеспечением, которое в современных условиях поставляет бухгалтерскую и управленческую информацию всем видам пользователей. Представляется логичным, что такие специалисты должны иметь возможность помогать другим с установкой и освоением учетных и аналитических компьютерных инструментов, осуществляя комплексную автоматизацию информационных процессов.

В Федеральном законе № 307 «Об аудиторской деятельности» дается подробный перечень услуг, которыми могут заниматься аудиторы. Согласно этому списку, аудиторские организации и индивидуальные аудиторы могут оказывать прочие связанные с аудиторской деятельностью услуги, среди которых выделена автоматизация бухгалтерского учета и внедрение информационных технологий.

В области автоматизации учета выделяют следующие виды аудиторских услуг.

1. Аудит информационной безопасности.

2. Техническое обслуживание и поддержка программного обеспечения.

3. Анализ и оптимизация бизнес-процессов.

4. Обучение сотрудников работе с программным обеспечением.

5. Консультирование по вопросам выбора программного обеспечения и его интеграции с другими системами.

6. Разработка и внедрение систем учета на базе современных технологий.

Аудиторские компании могут участвовать в процессе автоматизации учета у своих клиентов на различных уровнях и разными способами. Если малые аудиторские компании могут стать, например, дилерами стандартных бухгалтерских пакетов, то крупнейшие аудиторские корпорации формируют собственные электронные платформы, обеспечивающие потребности всех типов клиентов.

Лидеры аудиторского рынка, компании «Большой четверки» активно разрабатывают различные универсальные процессы автоматизации учета. Так, например, EY (Ernst & Young) – международная аудит-консалтинговая корпорация – предлагает для своих клиентов ряд разработанных платформ и программ для автоматизации учета. К ним относятся:

- платформа EY People Experience Platform: глобальный инструмент анализа трудовых ресурсов, который предоставляет полезную информацию, позволяющую руководителям увидеть, как опыт сотрудников влияет на эффективность бизнеса;

- EY Atlas – это облачная платформа и исследовательский инструмент, раз-

мещающий материалы по бухгалтерскому учету и аудиту;

- EY Mobility Pathway – это масштабируемое интегрированное решение, обеспечивающее жизненный цикл мобильных специалистов на единой комплексной платформе;

- решение EY Global для электронного выставления налоговых счетов основано на облаке и помогает налогоплательщикам генерировать и обрабатывать транзакции в электронном формате для налоговых органов, и т.д. [2].

Технологический опыт, платформы и продукты EY сочетаются со знаниями отрасли, обеспечивая дифференцированные решения, которые помогают решать сложные бизнес-задачи и обеспечивать долгосрочную отдачу.

Аудиторско-консалтинговая корпорация PricewaterhouseCoopers автоматизирует учет, не столько преобразовывая его для решения каждой новой задачи, сколько создавая правильную основу для постоянной модернизации, инноваций и переосмысления бизнес-моделей. PwC автоматизирует учет за счет создания надлежащей инфраструктуры с использованием целого набора трансформационных технологий:

- Business strategy – использование ноу-хау, технологий и масштаба для эффективного использования самых сильных сторон компании;

- Fit for growth – проверенная модель повышения производительности, которая помогает компаниям более стратегически управлять своими затратами, позволяя им одновременно сокращать издержки и становиться сильнее;

- Operations transformation – это пакет услуг PwC по повышению эффективности цифровых операций и анализу их эффективности обеспечивает сквозную визуализацию от бизнес-планирования, цифровой трансформации и разработки продукции до управления цепочками поставок, закупок и «умного производства»;

- Finance transformation – использование цифровых инноваций, включая искусственный интеллект (ИИ), облачные технологии и передовую аналитику, для автоматизации обработки транзакций и еще большей концентрации на анализе [3].

Используя передовой опыт и готовые цифровые активы, аудиторская корпорация KPMG Powered Enterprise предлагает индивидуальные решения для достижения лучших результатов во всех бизнес-функциях, ключевых отраслях и основных технологических платформах. Для автоматизации учета KPMG работает на основе функций компании, адаптируется к требованиям определенной отрасли, использует различные технологии [4].

Таким образом, международные аудиторские компании «Большой четверки» лидируют в области развития услуг по автоматизации учета, постоянно обновляя собственные разработки, электронные платформы, внедряя программы и технологии, обеспечивающие цифровизацию бизнес-процессов.

В России аудиторские компании в силу целого ряда причин не смогли стать лидерами разработки программного обеспечения для учетно-отчетной деятельности. Тем не менее при автоматизации учета в России аудиторы активно внедряют целый комплекс различных технологий, набор которых варьируется в зависимости от потребностей и особенностей компаний-клиентов. Как отмечают исследователи, «в России сохраняется высокий уровень использования в качестве инструмента цифрового управления процессами предприятия программы Excel от Microsoft (52 %), при этом 62 % компаний используют для управления бизнес-процессами электронную почту и только 17 % применяют специальные цифровые решения» [1]. Среди этих решений обычно выделяются следующие.

1. Электронные бухгалтерские системы (1С; СБИС, «Мой склад» и другие).

2. ERP-системы (SAP, «Галактика», «Парус» и др.).

3. CRM-системы (Salesforce, TotalCRM, BPMSoft и др.).

4. Системы электронного документооборота.

Выбор конкретной программы зависит от направления и особенности компании, бюджета на автоматизацию и др. Аудиторские организации, индивидуальные аудито-

ры могут помочь компаниям определить наиболее подходящие программные решения.

В России существуют аудиторские компании, автоматизация учета является для которых приоритетным направлением. Они могут оказывать полный комплекс услуг в этой области: разрабатывать проектные решения, методологические документы, разрабатывать и дорабатывать программы по требованию клиента, переносить данные и т.д. Стоимость комплексной автоматизации рассчитывается персонально для каждого клиента и зависит от индивидуальных предпочтений и сложности работ. Так, в аудиторской компании «Аудит-Эскорт» стоимость такой программы может начинаться от 2800 рублей [5]. Эта компания автоматизирует процесс с минимальными изменениями типовых программ, таких как «1С:УПП 8», «1С:Бухгалтерия 8», «1С: ЗУП 8» и др. Специалисты компании обеспечивают методологию учёта и управления, правильно организовывают структуру справочников и регламентов учета и учат сотрудников клиента максимально использовать типовой функционал программ. Таким образом, оказывать услугу автоматизации учета могут аудиторские компании, имеющие не только большой опыт в данной сфере, но те, кто является партнером по обслуживанию программ «1С», а также имеющие квалифицированных специалистов в сфере проектирования и автоматизации учета.

Сотрудничество с аудиторскими организациями, индивидуальными аудиторами включает в себя несколько основных этапов:

- диагностика процессов: на данном этапе происходит сбор всей необходимой информации о текущем состоянии предприятия;
- формирование стратегии: выделяются главные цели и первостепенные задачи компании;
- согласование системы с учетом особенности предприятия: формирование плана автоматизации;
- запуск системы: реализация программного обеспечения;
- оценка эффективности: отслеживаются показатели в соответствии с установленными критериями.

Рассмотреть автоматизацию учета можно на примере кейса аудиторско-консалтинговой компании «КСК ГРУПП». Клиент данной компании имел стандартные проблемы: документы долго согласовывались, терялись, пропускались заявки контрагентов, отсутствовал налаженный учет сырья и выпускаемой продукции. Аудиторско-консалтинговая компания предложила автоматизировать учет с помощью «Первой Формы» – системы управления, которая предназначена для автоматизации бизнес-процессов, стоимость данного проекта составила 6 млн.руб. Это позволило компании вести учет сырья и выпускаемой продукции – благодаря этому сократились издержки. Также стало ясно, где необходимо ускорить процесс согласования документов или перераспределить полномочия между сотрудниками. Таким образом, стало возможным отследить результаты автоматизации учета. Внедрение «Первой Формы» увеличило продажи на 10 % за год. Благодаря этому выручка клиента выросла на 500 млн. руб., а прибыль на 100 млн. руб. [6].

Помимо преимуществ автоматизация учета имеет ряд проблем, связанных с особенностями российской экономики и законодательства. Для установленных в России норм и требований к форме и содержанию финансовой и налоговой отчетности необходимы дополнительные настройки в системе автоматизации учета и обучение сотрудников, которые будут ее использовать. Соответственно возможно возникновение такой проблемы, как отличие внешних (нормативно установленных) и внутренних процедур и правил в компании, а также определенное непонимание регламентов со стороны сотрудников.

В условиях цифровизации многие средние и крупные российские компании ставят перед собой такую важную задачу, как актуализация учета валютных операций. Возникает вопрос разработки определенных настроек автоматизированной системы для корректного денежного учета, поскольку многие предприятия в условиях усложнения глобальных цепочек поставок так или иначе сталкиваются с расчетами в долларах и юа-

нях, отчего им необходимо внедрять в учетных системах определенные дополнительные алгоритмы.

В российском законодательстве выделяют специфические особенности учета, связанные с налогообложением. Так, в России существует налог на добавленную стоимость, который необходимо учитывать при каждой операции реализации товаров, работ, услуг, а также при получении и выплате авансов. Следовательно, для устранения налоговых рисков необходима специализированная программа автоматизации учета для расчета НДС. Кроме того, переход на уплату налогов в виде разовых переводов на единый налоговый счет и регулярная отправка налоговых уведомлений до сих пор вызывают проблемы при закрытии бухгалтерских счетов для распределения выплаченных сумм.

Специалисты аудиторских компаний, внедряющих современные системы автоматизированного учета своим клиентам, выделяют, кроме того, следующие сопутствующие этому процессу угрозы.

1. Нехватка квалифицированных работников, способных консультировать клиентов в вопросах внедрения автоматизированного учёта.

2. Непрерывное обновление программного обеспечения – риск обусловлен тем, что процесс автоматизации прогрессирует и требует адаптации, что может повлечь за собой большие затраты на обучение сотрудников аудиторских компаний и их клиентов.

3. Нарушение механизмов интеграции автоматизированного учета с программами, используемыми внутри компаний.

4. Риск утечки конфиденциальной информации.

С целью решить вышеперечисленные проблемы аудиторским компаниям следует повышать компетентность своих сотрудников в области автоматизации, например, обучать новым технологиям, проводить различные курсы повышения квалификации, обращая внимание на нововведения в законодательстве, стандартах аудита и т.д.

Руководство аудиторской компании должно сотрудничать с поставщиками специализированного бухгалтерского и управленческого программного обеспечения для достижения современного и защищенного автоматизированного учета у своих клиентов. Крупным аудиторским компаниям стоит задуматься о создании собственных платформ и программ, которые позволят оказывать качественные услуги автоматизации учета, взяв за основу разработки, возможно, цифровую идеологию корпораций «Большой четвёрки».

При формировании платформ, направленных на автоматизацию учета, необходимо сосредоточиться на политике безопасности данных, разрабатывая и внедряя строгие правила конфиденциальности сбора и передачи информации. Это позволит аудиторским компаниям решить проблемы, с которыми они могут столкнуться, внедряя технологии, а также оказывать высококачественные услуги в данной области.

Опытные специалисты, работающие в аудиторских компаниях, при помощи современных цифровых инструментов способствуют обеспечению своих клиентов полной и достоверной информации, повышая эффективность ее использования, а также улучшая процесс управления. Внедрение современных технологических решений предоставляет возможность компаниям эффективно использовать свои ресурсы, восстанавливать контроль над процессами, а также повышать качество работы.

Автоматизация учета как вид аудиторских услуг обладает большим потенциалом за счет как упрощения решения повседневных задач, так и создания стратегий развития. Делегируя задачи автоматизированным программам, можно снизить трудозатраты и обрести уверенность в достоверности информации. Общий тренд на цифровизацию интеллектуальных профессий уже не остановить. Как отмечалось нами ранее, «аудиторы становятся скорее финансовыми IT-аналитиками, привязанными к мощным системам обработки информации, а это уже несколько другая профессия» [7].

Таким образом, автоматизация учета является востребованным и перспективным направлением аудиторских услуг, которое

позволяет компаниям повысить эффективность и точность рабочих процессов. Аудиторские организации, индивидуальные аудиторы могут не только помочь свои клиентам внедрить специализированное программное обеспечение, но и провести анализ текущих процессов, выявить потенциальные экономические риски и определить способы их устранения. В условиях стремительно меняющегося политико-экономического ландшафта этот вид аудиторской деятельности оказывает весомое влияние на экономическое развитие как отдельных предприятий, так и всей страны в целом.

Список литературы

1. Более 74% компаний в России активно занимается проектами по автоматизации бизнес-процессов // ID Expert: офиц. сайт. URL: https://www.idexpert.ru/news/Bolee-74--kompaniy-v-Rossii-aktivno-zanimaetsya-proektami-po-avtomatizatsii-biznes-protsessov/ (дата обращения: 01.05.2024).
2. Technology platforms and products // EY-Global: офиц. сайт. URL: https://www.ey.com/en_gl/services/technology/platforms-products (дата обращения: 01.05.2024).
3. Business transformation // PwC: офиц. сайт. URL: https://www.pwc.com/gx/en/services/transformation.html (дата обращения: 01.05.2024).
4. Navigating the transformation of your business functions // KPMG: офиц. сайт. URL: https://kpmg.com/xx/en/home/services/advisory/management-consulting/kpmg-powered-enterprise.html#a2 (дата обращения: 01.05.2024).
5. Комплексные проекты по автоматизации учёта и управления на предприятии // Аудит-Эскорт: офиц. сайт. URL: https://www.audit-escort.ru/services/avtomatizatsiya-1s/ (дата обращения: 01.05.2024).
6. Комплексная автоматизация // КСК ГРУПП: офиц. сайт. URL: https://kskgroup.ru/services/digital/complex-automation/ (дата обращения: 01.05.2024).
7. Иванов А. В. Снижение количества аудиторов как закономерное следствие цифровизации экономики и усиления государственного контроля в России // Сибирская финансовая школа. – 2023. – № 1 (149). – С. 137-143.

УДК 338.48

© Константин Витальевич Хартанович
доктор экономических наук,
профессор кафедры экономики
Владимирский филиал РАНХиГС

Konstantin Vitalievich Khartanovich
Doctor of Economics, Professor
of the Department of Economics
Vladimir branch of RANEPA

ПРЕДВИДЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ Г. В. ГУТМАНА И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Многое реализуется из описанного в трудах Г. В. Гутмана: развитие социальной сферы, усиление экономической безопасности, создание рыночной экономической базы. Рассмотрены основы взглядов Г. В. Гутмана на теорию и реальность процессов трансформации рыночной экономики в Российской Федерации. Все акцентирование на инновационный переворот социально-экономических явлений трансформирующейся экономики 90-х годов прошлого века. Представлены особо актуальные положения научных изысканий ученого.

Abstract. Many things are realized in the works of V. Gutman: non-production sphere, economic security, economic activity. The foundations of G.V. Gutman's views on the theory and reality of the processes of transformation of the market economy in the Russian Federation are considered. All the emphasis on the innovative revolution of the socio-economic phenomena of the transforming economy of the 90s of the last century. Especially relevant scientific research of the scientist is provided.

Ключевые слова: рыночная экономика, приватизация, кооперация, экономическая безопасность, непроизводственная сфера.

Keywords: economy, privatization, cooperation, economic safety, nonindustrial sphere.

Три последних десятилетия пережиты россиянами с большими экономическими и социальными проблемами. Противоречиво давался поиск путей и методов перехода от социалистической модели общественного устройства к капиталистической формации, в основе которой находится рынок.

Основная проблема заключалась в отсутствии теории и практики построения механизмов трансформации одного (социалистического с общественной государственной собственностью) строя в другой (капиталистический с господством частной собственности на средства производства). Такой трансформации общественных отношений еще не было в истории человечества.

Другой важной проблемой был неизвестный способ формирования капиталистического (предпринимательского) класса. Он был разными способами ликвидирован в России после революции 1917 года.

Весь советский период предпринимательская деятельность объявлялась вне закона, нелегитимной. В уголовном кодексе даже была статья, карающая за такую деятельность.

Однако мелкий бизнес ушел в тень. То, на что не давала разрешения советская государственная экономика, но на что был спрос, ушло в «тень».

Граждане негласно обменивались дефицитом, изделиями собственного производства, сельхозпродукцией, привозимыми различными путями импортными товарами. Существовало понятие «фарцовка», то есть перепродажа чего-либо, что было официально недоступно.

Еще немаловажная проблема. Смена формаций – это не только экономико-политический процесс. Это также смена идеологии, общественного сознания, экономического и социального образа жизни, устоявшихся представлений о равенстве, братстве, социальной справедливости. Общество долго привыкало к

тому, что появилось расслоение на бедных и богатых, много забытых явлений – нищета, попрошайничество, тунеядство. Появилось такое социальное явление, как бомжи. В связи с массовым банкротством предприятий резко возросло количество безработных. С полок магазинов исчезли многие потребительские товары.

Перед новой властью встала острая задача – наполнить формирующийся потребительский рынок. Был открыт «железный занавес», существовавший с советских времен, и в страну потекли из разных стран продовольственные и непродовольственные экономические товары.

Этот поток зачастую формировался, мягко говоря, не очень качественно.

С одной стороны, низкопробные товары оправдывались низкой покупательной способностью российского населения. Челноки (люди, привозившие в огромных баулах дешевые товары из-за границы) торговали по всей стране.

Снизился государственный контроль за безопасностью ввозимых хозяйственных товаров. Многие из них были опасны для здоровья и даже жизни населения.

Учитывая такую ситуацию, новое поколение чиновников задалось вопросом: что делать? как организовать управление страной в новых демократических социально-экономических условиях?

В учебных заведениях страны стали открываться факультеты государственно-муниципального управления, экономики и менеджмента. Во Владимире в 1992 году начал свою работу филиал Российской академии управления (позднее переименован в Российскую академию государственной службы, а потом в Российскую академию народного хозяйства и государственной службы).

На обучение шли заинтересованные практикующие управленцы, желающие разобраться в теории рыночной экономики. И особенно в практических управленческих решениях в конкретной обстановке на местах.

Естественно, практики трансформации управления экономикой в переходный период не существовало. Теорию стали брать из зарубежных переводных изданий, в основном из американских.

Зародилось представление о «райской жизни» в условиях капиталистического рынка. К тому же «западники» активно вели пропаганду такого образа жизни. Их главная идея – поскорее развалить социалистический строй, разрушить СССР как сверхдержаву и превратить рассыпавшиеся из него государства (бывшие республики) в послушных воле американских и европейских хозяев вассалов.

Они не хотели, чтобы образовались мощные конкуренты на мировом рынке. Добивались покорного существования в качестве сырьевого придатка развитого «цивилизованного» капиталистического мира.

Российские управленцы и теоретики быстро разочаровались в результатах слепого копирования практики западного устройства экономики.

Мировой опыт показывает, что когда бюрократия приходит к тупиковой управленческой ситуации, на передний план выходят теоретики. Однако новым теоретикам не на что было опереться. Приходилось начинать формировать свою специфическую теорию трансформации.

Да, история экономических учений насчитывает много веков. Однако она касалась постепенного выращивания капиталистических отношений.

С другой стороны, оппозиционные теории социализма тоже существуют с давних пор. Первые идеи социалистического справедливого общественного устройства появились еще в древнем рабовладельческом мире (Рим, Греция и др.).

В дальнейшем шло развитие социдей. Апогеем явился марксизм. Попытка применения его теории на практике вылилась в революцию и неудавшееся стремление на протяжении 70 лет (жизнь одного поколения) добиться установления идеальной эффективной по сравнению с рынком социалистической модели экономики.

Учитывая сложившееся положение, политическая элита начала 90-х годов XX века приняла решение трансформационного перехода на рыночный путь развития. Это время потом назвали «лихие 90-е». Трудно давалась переходная эпоха кардинальных перемен.

Сегодня тоже существуют инновационные потребности в трансформационном рывке: переходе на новый технологический уровень – цифровую экономику. Это касается всех

субъектов рыночной экономики – государства, предпринимателей и домашних хозяйств. Везде цифровизация сознания и общественных связей движется семимильными шагами.

На активизацию этого движения неоднократно указывал глава государства В. В. Путин. Он подчеркивал, что в наше время пред обществом стоят новые трансформационные вызовы [1, с. 2].

Новое время, новые вызовы. А начались они еще в 90-е годы. Экономическая теория стремилась найти эффективные способы формационной трансформации как на федеральном уровне, так в региональном аспекте.

Во Владимирской области определенный вклад в этот научный поиск внес Геральд Викторович Гутман (д.э.н., профессор).

Под его руководством экономисты региона заложили основы региональной экономики (регионоведения). Сформировалась школа исследователей в этой составной области экономической теории в целом.

Первоначально был выработан основной понятийный аппарат – «регион», «региональная экономика», «экономика региона» и т.д. [2, с. 45].

Далее необходимо было углубляться в разработку конкретного содержания понятий. Детализировать их сущностные характеристики.

Геральд Викторович активно включился в эту научную работу, которую он совмещал с профессиональной преподавательской деятельностью во Владимирском филиале Академии.

Любая наука, в том числе и экономическая теория, отнимает много сил и энергии. Профессор неоднократно подчеркивал мысль, что экономика требует кропотливого труда. Особенно когда вы являетесь первопроходцами и исследуете формирование сложных экономических процессов и отношений, не изученных ранее [3, с. 100].

В своем научном творчестве Геральд Викторович всегда выделял самые острые и актуальные для того времени объекты и процессы.

На первый план в процессе трансформации экономики он ставил проблему разделения государственной собственности на частную и коллективную (разгосударствление). В стране только началась приватизация собственности в результате ее разгосударствления.

Наработанные им исследовательские материалы, гипотезы и конкретные идеи по перечисленным выше процессам вошли в солидную докторскую диссертацию на тему «Приватизация в социально-экономической структуре общества».

Далее сфера научных интересов по исследованию трансформации экономики активно расширялась:

- кооперация как важнейший процесс становления рыночной экономики, [4];

- домашние хозяйства в процессе трансформации экономики;

- формирование предпринимательства как основного производителя благ в рыночных условиях;

- экономическая безопасность региона и муниципальных образований;

- безопасность среды обитания, безопасность личности и др. [2].

Безопасности личности профессор уделял особое внимание в многочисленных научных статьях. И это было не случайно.

Он исходил из того, что главной целью экономики является обеспечение устойчивого роста благосостояния российских граждан, неуклонное повышение уровня и качества их жизни. Рынок – это средство для достижения цели, а не самоцель.

Геральд Викторович скромно оценивал свой вклад в регионоведение. Его последователи всегда помнят его научные изыскания. Надеемся, что и в дальнейшем исследования нашего уважаемого ученого будут востребованы.

Список литературы

1. Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию РФ // Рос. газ. – 2018. – 1 марта.
2. Гутман Г. В. Избранные сочинения. Том 1. – Владимир : Собор, 2009. – 552 с.
3. Гутман Г. В. Избранные сочинения. Том 5. – Владимир : Собор, 2009. – 240 с.
4. Гутман Г. В. Избранные сочинения. Том 2. – Владимир : Собор, 2009. – 244 с.

ПРАВО

УДК 347.937.4

© Андрей Викторович Баринов
кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: barinov-vlad@inbox.ru

A. V. Barinov
Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Head of the Civil Law Disciplines Department
Vladimir branch of the RANEPA,
Vladimir

© Василиса Сергеевна Петрова
студент юридического факультета,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: vasilisapetrova00@list.ru

V. S. Petrova
Student Faculty of Law,
Vladimir branch of the RANEPA,
Vladimir

К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ОТВОДА СУДЬИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

On the question of the interpretation of the grounds for the recusal of a judge in civil procedures

Аннотация. В статье на основе норм гражданского процессуального законодательства и судебной практики представлено исследование института самоотвода и отвода судьи в гражданском судопроизводстве. Проанализирована история становления данного института, основания его применения. При рассмотрении содержания института отвода судьи выявлены коллизии и пробелы законодательства, пути решения которых видятся авторами в более подробном толковании определений, характеризующих основания для отвода судьи.

Abstract: Based on the norms of civil procedure legislation and judicial practice, the article presents a study of the institution of self-recusal and recusal of a judge in civil proceedings. The analyzed the history of the formation of this institution, the grounds for its application. When considering the content of the institution of recusal of a judge, conflicts and gaps in legislation were identified, the solutions of which are seen by the authors in a more detailed interpretation of the definitions characterizing the grounds for recusal of a judge.

Ключевые слова: отвод судьи в гражданском процессе, самоотвод судьи, гражданское судопроизводство, родственник, заинтересованность.

Keywords: recusal of a judge in civil proceedings, recusal of a judge, civil proceedings, relative, interest.

Судья является ключевой фигурой в судопроизводстве, призванной вершить правосудие, обеспечивая паритет сторон, именно от уровня квалификации и компетентности судей в том числе зависит исход дела. Более того, судьи призваны осуществлять свои функции, руководствуясь совестью, что предполагает отсутствие личной заинтересованности или какой-либо предвзятости судьи и соблюдение им не только правовых, но и морально-этических норм в процессе исполнения своих обязанностей и реализации предоставленных в связи с этим прав.

Гражданское судопроизводство является одним из видов судопроизводства и занимает особое место, обусловленное значимостью результатов работы судебной системы для большого количества граждан и массивностью своей материальной части.

Объективность и беспристрастность судей являются ключевыми факторами спра-

ведливого гражданского процесса, о чем в том числе свидетельствует многовековая история становления института отвода судьи, берущая свое начало с римской формулы in judicio, согласно которой стороны сами выбирали судью из представленного претором списка. В Российской Федерации данный институт получил развитие с принятием царем Алексеем Михайловичем Соборного уложения 1649 г., и законодательным закреплением мотивов и процедуры отвода воевод, выступающих в то время в роли судей [7, с. 88].

Гарантией обеспечения вышеупомянутых принципов в современной Российской Федерации выступают Конституция Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, отражающие фундаментальные принципы судопроизводства. Так, согласно ст. 47 Конституции РФ: «Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом» [1] и ст. 8 ГПК РФ: «При осуществлении правосудия судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» [3]. Кроме того, Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» также уделяет особое внимание соблюдению принципа независимости судей, устанавливает ответственность за его нарушение сами судьями, а также другими участниками процесса и третьими лицами.

Однако беспристрастность судей не всегда может быть обеспечена в силу различных обстоятельств. В качестве таковых могут выступать как непосредственно предмет спора, так и личности участников судопроизводства. Так или иначе, не допускать противоправное влияние на независимость и беспристрастность процесса в первую очередь обязан сам судья. Конкретный перечень обстоятельств, которые предполагают самоотвод судьи, закреплен в ч. 1 ст. 16 ГПК РФ. Так, судья обязан заявить самоотвод в случаях, если он:

1) являлся судебным примирителем по данному делу;

2) является родственником или свойственником кого-либо из лиц, участвующих в деле, либо их представителей;

3) лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела либо имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его объективности и беспристрастности.

Выступая судебным примирителем по данному делу, судья в отставке ведет переговоры со сторонами и иными лицами, участвующими в деле, в том числе переговоры индивидуального характера, в связи с чем обоснованность данного основания отвода предельно ясна.

Гораздо сложнее обстоит дело с фактом родства или свойства с кем-либо из лиц, участвующих в деле, либо их представителями, в том числе потому, что данное обстоятельство не предполагает наличия определенного перечня лиц, к которому применимо понятие «родственник» (за исключением понятия «близкие родственники», которое определено ч. 2 ст. 281 ГПК РФ, и включает в себя родителей, детей, братьев и сестер) и «свойственник», более того, пределы, к которым могут относиться данные понятия, также не обозначены, ввиду чего для недобросовестных адвокатов и лиц, участвующих в деле, создается широкое поле для злоупотребления правом для отвода судьи.

В связи с несовершенством данного аспекта законодательства справедливо стоит вопрос о закреплении перечня лиц, подпадающих под данные определения, а также границы, руководствуясь которыми можно заявлять отвод, руководствуясь данным обстоятельством, на законодательном уровне. На наличие данной бреши в законодательстве многократно указывают многие юристы-правоведы, которые, в свою очередь, предлагают в том числе включить в круг лиц, который охватывается понятием «родственник», не только близких, но и всех остальных родственников (включая усыновленных и усыновителей) аналогично положениям, изложенным применительно к наследованию по закону (гл. 63 ГК) [5, с. 190].

Опираясь на мнение отечественных юристов, мы предлагаем дополнить положение п. 2 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ, устанавливающее основания для отвода судьи, следующим содержанием:

2) является родственником или свойственником кого-либо из лиц, участвующих в деле, либо их представителей;

В качестве родственников понимаются: дети, родители, супруги, внуки и правнуки (в том числе двоюродные), бабушки и дедушки (в том числе двоюродные), прабабушки и прадедушки (в том числе двоюродные), племянники и племянницы (в том числе двоюродные), дяди и тети (в том числе двоюродные), пасынки и падчерицы, отчим и мачеха.

Заключительное основание отвода судьи выражается в личной, прямой или косвенной его заинтересованности в исходе дела, и стоит сказать, что данное основание еще значительнее «развязывает руки» недобросовестным адвокатам и лицам, участвующим в деле, для злоупотребления своим правом на отвод представителя правосудия. Ввиду отсутствия законодательно закрепленного перечня случаев, в которых выражается заинтересованность судей, мы можем опираться лишь на размышления и выводы по данной теме отечественных юристов, которые, в свою очередь, придерживаются различных точек зрения.

Наиболее распространена точка зрения, которой в том числе придерживаются такие авторы как Нечаев С. С., Поскребнев М. Е., Романов А. А. [6, 7, 8], о заинтересованности с прямым улучшением материального положения и получением выгоды в зависимости от исхода дела, однако существуют и другие интерпретации, в том числе: случаи, когда судья сам мог бы стать лицом, участвующим в деле, наличие неприязненных отношений с одной из сторон.

На основе анализа работ отечественных ученых можно сформулировать авторское определение понятия «заинтересованности в исходе дела». Так, под личной, прямой или косвенной его заинтересованностью в исходе дела стоит понимать субъективное отношение судьи к исходу дела ввиду того, что результат дела может оказать влияние на его жизнь, статус, имущественное и иное положение.

Размышляя в контексте обстоятельств для самоотвода и отвода судей в гражданском процессе, Нечаев С. С. также формулирует новшества, которые могут быть закреплены законодателем как основания для отвода судей. В качестве таковых выступает в том числе некомпетентность судьи, что, по нашему мнению, является спорным основанием ввиду оценочной категории данного понятия и существующего порядка назначения дисциплинарных взысканий, закрепленного в Кодексе судейской этики от 19 декабря 2012 г. [4]. Однако авторы данной инициативы обосновывают ее тем, что некомпетентность в значительной степени может сказаться на авторитете судебной системы ввиду случаев допущения судьями проявления низменных черт личности [6, с. 48].

Право на заявление отвода является общим процессуальным правом и принадлежит всем лицам, участвующим в деле. Однако процедурная составляющая предполагает соблюдение ряда требований, согласно которым требования отвода должны быть мотивированными, а само заявление должно быть подано до рассмотрения дела по существу (ч. 2 ст. 19 ГПК РФ). Исключения возможны в случае, если о заинтересованности в исходе дела стало известно непосредственно лицу, заявляющему самоотвод или отвод, в процессе рассмотрения дела.

Стоит также упомянуть, что суть требований о мотивированности отвода также не закреплена законодателем, что порождает обоснованные дискуссии между юристами. Распространено толкование данного понятия как обоснованность, доказанность и подкрепленность фактами, доказательной базой [8, с. 298], однако и данная точка зрения, на наш взгляд, не является исчерпывающей. С нашей точки зрения, под мотивированностью отвода стоит понимать наличие убедительных аргументов и доводов, подтверждающих имеющиеся основания для отвода судьи и невозможность дальнейшего рассмотрения дела конкретным судьей.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сказать, что институт самоотвода и отвода судьи в гражданском процессе является важной составляющей реализации принципа независимости судей, позволяющей обеспечить наиболее качественное и достоверное рассмотрение и разрешение дела, избежать судебных ошибок.

На наш взгляд, закрепить в законодательстве все возможные случаи и обстоятельства для самоотвода и отвода судьи вряд ли возможно, в то же время открытый перечень оснований может привести к злоупотреблению правом со стороны лиц, участвующих в деле.

Таким образом, с целью устранения отдельных пробелов правового регулирования отвода судьи в гражданском процессуальном праве предлагается следующее.

1. Дополнить п. 2 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ, сформулировав определение понятия «родственник», под которым для целей отвода судьи следует понимать: дети, родители, супруги, внуки и правнуки (в том числе двоюродные), бабушки и дедушки (в том числе двоюродные), прабабушки и прадедушки (в том числе двоюродные), племянники и племянницы (в том числе двоюродные), дяди и тети (в том числе двоюродные), пасынки и падчерицы, отчим и мачеха.

2. Установленные в п. 3 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ термины «лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела» следует понимать как субъективное отношение судьи к исходу дела ввиду того, что результат дела может оказать влияние на его жизнь, статус, имущественное и иное положение.

3. Под «мотивированностью отвода или самоотвода судьи» указанного в ч. 2 ст. 19 ГПК РФ следует понимать наличие убедительных аргументов и доводов, подтверждающих имеющиеся основания для отвода судьи и невозможность дальнейшего рассмотрения дела конкретным судьей.

Предложенное толкование определений является наиболее полным и объективным, а также обоснованным с практической точки зрения. Кроме того, законодательное закрепление сформулированных определений в значительной степени сократит загруженность судов, уменьшит время рассмотрения дела, а также исключит возможность недобросовестного отвода судьи, что в свою очередь будет способствовать повышению доверия общества к правосудию и судебной системе в целом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398.
2. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ: ред. от 16.04.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045098 (дата обращения: 05.04.2024).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2022 г. № 138-ФЗ: ред. от 25.12.2023, с изм. 25.01.2024 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828 (дата обращения: 05.04.2024).
4. Кодекс судейской этики от 19.12.2012: утв. VIII Всероссийским съездом судей: ред. от 01.12.2022. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139928/ (дата обращения: 05.04.2024).
5. Асадулаева Д. Х. Институт отвода судьи как процессуальная гарантия принципа независимости судей // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 189-193.
6. Нечаев С. С. Отвод судьи в гражданском процессе как конституционная гарантия защиты прав граждан // Отечественная юриспруденция. – 2022. – № 1 (49). – С. 46-50.
7. Поскребнев М. Е. Институт отвода судьи в гражданском процессе: исторический аспект // Правосудие. – 2021. – № 1. – С. 86-112.
8. Романов А. А. О некоторых дискуссионных вопросах института отвода судьи в гражданском и арбитражном процессе // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2 (206). – С. 297-299.

УДК 341.1/8

© Данил Сергеевич Беляев
студент факультета управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: dbelyaev33@gmail.com

Danil S. Belyaev
Student of Faculty of Management,
Vladimir Branch of RANEPA,
Vladimir

© Наталья Валерьевна Наумова
кандидат педагогических наук, доцент
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: naumova-nv@ranepa.ru

Natalia V. Naumova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КАЧЕСТВЕ ПРАВОПРОДОЛЖАТЕЛЯ СССР В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ООН

The process of formation of the Russian Federation as the continuer of the USSR in the UN Security Council

Аннотация. Статья посвящена политико-правовым аспектам процесса становления России в качестве продолжателя СССР в Совете Безопасности ООН. С этой целью рассмотрены подходы к пониманию правопреемства, континуитета и продолжательства в международном праве, проанализированы многосторонние соглашения периода формирования Содружества Независимых Государств.

Abstract. The article is devoted to the political and legal aspects of the process of Russia's formation as a successor of the USSR in the UN Security Council. To this end, approaches to understanding succession, continuity and continuity in international law are considered, and multilateral agreements of the period of formation of the Commonwealth of Independent States are analyzed.

Ключевые слова: правопродолжательство, правопреемство, континуитет, Совет Безопасности Организации Объединённых Наций, субъект международного права.

Keywords: continuation, succession, continuity, United Nations Security Council, subject of international law.

Организация Объединённых Наций (ООН) была создана странами – участниками антигитлеровской коалиции с целью обеспечения международного мира и безопасности, а также закрепления послевоенного соотношения сил в международной политике. Официально ООН была создана 24 октября 1945 г. с вступлением в силу устава ООН. Согласно уставу, основные функции организации выполняют 6 главных органов: Генеральная Ассамблея (ГА ООН), Совет Безопасности (СБ ООН), Экономический и Социальный Совет, Совет по Опеке, Международный Суд и Секретариат [1]. Основные функции ООН по поддержанию международного мира и безопасности были возложены на Совет Безопасности, в состав которого на данный момент входят 15 государств (до принятия резолюции ГА ООН A/RES/1991 (XVIII) 17 декабря 1963 г. – 11 государств [2]):

- 10 государств, избираемых Генеральной Ассамблеей на двухгодичный срок (до 1963 г. – 6 государств);
- 5 ведущих стран-победительниц во Второй мировой войне: США, СССР, Соединённое Королевство, Франция и Китайская Республика, являющиеся постоянными членами Совета Безопасности и имеющие право

вето в отношении любого проекта содержательной резолюции СБ ООН.

Советский Союз как лидер социалистического блока и одна из сверхдержав являлся инициатором рассмотрения в ООН многих вопросов, касавшихся процессов деколонизации, двустороннего разоружения, межблокового сотрудничества и т.д. Более того, Советский Союз с 1945 г. был представлен в ООН сразу тремя субъектами: СССР, УССР и БССР. С прекращением существования Советского Союза неизбежно возникли вопросы как представительства в ООН новых суверенных государств, так и дальнейшей судьбы освободившегося «кресла» в Совете Безопасности.

На тот момент уже существовал прецедент Китайской Народной Республики. 25 октября 1971 г. по решению ГА ООН право представительства Китая в ООН, в том числе в Совете Безопасности, перешло от Республики Китай (Тайваня) к КНР. При рассмотрении вопросов членства СССР китайский прецедент не сыграл важной роли хотя бы по причине различия в условиях: Республика Китай, в отличие от СССР, не прекратила своего существования как государство.

De jure распад СССР связан с формированием Содружества Независимых Государств (СНГ). Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 г. («Беловежские соглашения») констатировало, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование» [3]. Согласно Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 г., подтвердившей «Беловежские соглашения», с образованием СНГ СССР «прекращает своё существование» [4].

В декабре 1991 г., в период особенно активных процессов создания СНГ, в отношении содружества зачастую были крайне оптимистичные, но не имеющие реальных возможностей реализации ожидания. Министр иностранных дел РСФСР (затем – РФ) А. В. Козырев в декабре 1991 г. так видел дальнейший статус СНГ: «…Теперь что касается членства в Совете Безопасности… Оно остается на сегодняшний день за Союзом ССР… И это будет предметом дальнейших переговоров о том, чтобы делегировать Содружеству представительство в Совете Безопасности, занять место в Совете Безопасности в качестве коллективного члена…» [5].

Как уже показала история, СНГ оказалось крайне аморфной структурой, мало способствующей реальной межгосударственной интеграции в рамках постсоветского пространства [6, с. 31]. Трудно представить, каким образом столь децентрализованная и внутренне противоречивая структура могла бы эффективно выполнять свои функции в рамках Совета Безопасности ООН. Постоянным членом СБ ООН 24 декабря 1991 г. стала Российская Федерация, тогда же в официальных заявлениях иностранных государств прозвучало словосочетание, представляющее особенный интерес в рамках данной работы: «государство-продолжатель». Чтобы разобраться в процедуре становления России членом СБ ООН, необходимо определить, что в международно-правовой науке подразумевается под термином «продолжатель» и почему термин «правопреемник» не может быть применим к этой ситуации.

Правопреемство государств относительно заключаемых ими договоров и соглашений в международном праве (МП) регулируется «Венской конвенцией о правопреемстве государств в отношении договоров» (принята 23 августа 1978 г.). Венская конвенция от 7 апреля 1983 г. пока что не вступила в силу. Конвенция 1978 г. определяет правопреемство государств как «смену одного государства другим в несении ответственности за международные отношения какой-либо территории» [7]. Независимо от того, какого определения или трактовки преемства придерживаться, неизменной частью этой концепции остаётся переход прав и обязанностей от одного государства к другому. На практике государство-предшественник (передающее права) и государство-преемник оказываются разными субъектам международного права. Однако СССР не был исключен из ООН, и Российская Федерация не проходила процедуру вступления в Организацию и Совет Безопасности. В международном праве СССР и Российская Федерация восприни-

маются как единый субъект (второе государство – прямое продолжение первого), а значит правопреемством невозможно объяснить процесс становления России членом СБ ООН. Непрерывность существования субъекта МП в лице СССР-РФ отсылает к концепции государственного континуитета.

Под континуитетом (лат. *continuitas* – непрерывность) подразумевается непрерывность существования государства как субъекта МП даже в случае временного его исчезновения как социального организма. В отдельных случаях понятие континуитет (как правопродолжательство) приближается к понятию правопреемства, когда при распаде государства одно из новообразованных обособившихся государств может быть признано в качестве правопреемника «материнского» государства, но согласно принципу непрерывности существования «материнского» государства как субъекта МП, а также с полной передачей прав и обязанностей [8, с. 78].

По вопросам соотношения понятий «определённость» и «континуитет» при рассмотрении конкретной ситуации правопродолжательства России от СССР существует несколько позиций. В современных учебных материалах по курсу «международное право», как правило, континуитет используется в значении правопродолжательства [8, с. 78-79; 9, с. 86]. Отдельные исследователи, в частности П. П. Кремнев, разделяют понятия континуитета и преемства, считая категорию «государство-правопреемник» новым, уникальным, порождённым процессами распада СССР понятием в теории и практике правопреемства [10, с. 22].

По большей части, можно согласиться с позицией П. П. Кремнева относительно уникальности данного процесса правопреемства. С одной стороны, произошел переход прав и обязанностей от одного субъекта международного права (СССР) другому (РСФСР, Россия). Однако, с другой стороны, СССР как субъект МП не прекращал своей юрисдикции, что соответствует доктрине континуитета. Данный пример правопродолжательства можно рассматривать как специфическое слияние двух субъектов международного права, при котором Россия (РСФСР), сохраняя свою субъектность, заняла место СССР. Данный процесс имеет как континуитетные (непрерывность существования СССР-России как субъекта МП), так и преемственнические черты (смена государства-предшественника правопродолжателем). Во многом специфика данной ситуации связана с особенностями советского федерализма, при котором все республики в составе Союза, в том числе крупнейшая – РСФСР, являлись формально суверенными государствами со своими системами органов публичной власти.

Хотя в многочисленных соглашениях между бывшими союзными республики констатировалось прекращение существования СССР «как субъекта международного права», фактически СССР до сих пор продолжает свою правосубъектность от лица Российской Федерации. Более того, претворение в жизнь заявлений постсоветских государственных деятелей неизбежно означало бы возникновение «международно-правового вакуума», что повлекло бы за собой разрушение международной системы безопасности, поддерживаемой ООН. Совет Безопасности ООН лишился постоянного члена, указанного в уставе ООН, не подлежащем изменениям без согласия всех постоянных членов. Столь оторванные от реальности формулировки, которые использовали государственные деятели бывшего СССР, могут быть объяснены либо отсутствием у них должной квалификации, либо их крайней недальновидностью и небрежностью.

Учитывая концептуальную беспомощность концепции «коллективного члена Совета Безопасности», в декабре 1991 г. выбор именно Российской Федерации в качестве члена СБ ООН был закономерен. На долю РСФСР приходилось 3/4 территории Союза, около половины населения, свыше 2/3 продукции промышленного производства. Окончательно вопрос членства России в Совете Безопасности был решен в процессе принятия Алма-Атинской декларации. 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате по инициативе российского руководства Совет Глав Государств СНГ принял решение: «Государства Содружества поддерживают Россию в том, чтобы она про-

должила членство СССР в ООН, включая постоянное членство в Совете Безопасности, и других международных организациях» [11]. Беларусь, Россия и Украина, уже являвшиеся на тот момент членами ООН, обязались оказать поддержку другим государствам Содружества в процессах вступления в Организацию. De jure данное решение предполагало лишь продолжение членства СССР в СБ ООН и иных организациях Россией, тогда как вопросы полной передачи прав и обязанностей в решении не рассматривались.

Неясность в ситуацию вносило и то, что все члены СНГ рассматривались в качестве правопреемников Советского Союза. А, согласно договору о правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов Союза ССР от 4 декабря 1991 года, правопреемниками СССР считались не только страны СНГ (в том числе и РСФСР), но и страны Прибалтики, а также Грузия [12]. Существовали противоречия и по другим вопросам, в особенности по поводу обладания постсоветскими государствами советским ядерным арсеналом. После распада СССР ядерное оружие оказалось под контролем сразу четырех государств-членов СНГ: России, Белоруссии, Украины, Казахстана. Условия Алма-Атинской декларации предполагали «сохранение объединенного командования военно-стратегическими силами и единый контроль над ядерным оружием» [4], хотя отдельные государства СНГ уже заявили о стремлении к неядерному статусу. Впоследствии совместный контроль над ядерным оружием так и не будет реализован, а единственной ядерной державой на постсоветском пространстве окажется Российская Федерация. Существенную роль в процессе передачи ядерного оружия Украиной при подписании Будапештского меморандума сыграют Соединенные Штаты Америки, которые, из соображений своей безопасности, особенно были заинтересованы не в «утечке» ядерных арсеналов и технологий, а в локализации ядерного оружия в рамках одной лишь Российской Федерации.

По схожим причинам точку в вопросе о правопродолжательстве СССР также поставят именно западные страны. 23 декабря 1991 г., через два дня после подписания Алма-Атинской декларации, в Гааге страны Европейского Союза принимают т.н. «заявление двенадцати», в котором заявили, что «принимают к сведению, что международные права и обязательства бывшего СССР, включая права и обязательства по Уставу ООН, будут продолжать осуществляться Россией» [13]. Заявление также признавало правопреемство республик СНГ по вопросам соблюдения некоторых соглашений СССР, в частности Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Однако именно Россия признавалась полноправным продолжателем СССР. Учитывая важность мнения Запада для стран СНГ в начале 1990-х гг., данное заявление можно рассматривать как мягкую корректировку внешнеполитического курса России со стороны.

После 23 декабря окончательно стабилизируется позиция российского руководства относительно вопросов правопреемства. В своем письме Генеральному секретарю ООН (от 24.12.1991) Президент РСФСР Б. Н. Ельцин однозначно заявляет, что Россия при поддержке СНГ продолжает членство СССР в ООН, в том числе и в Совете Безопасности. Ни о какой передаче прав речи при этом не идет. В письме говорится лишь об использовании наименования «Российская Федерация» вместо прежнего (хотя СССР по-прежнему указан в уставе Организации) [14]. Письмо носило уведомительный характер, не требовало ответного решения, а лишь констатировало текущее положение дел. 24 декабря 1991 года Россия заняла место СССР в Совбезе ООН.

После декабря 1991 г. последовала полоса признаний Российской Федерации международным сообществом, что зачастую происходило «автоматически», без принятия отдельных нормативных актов. 13 января 1992 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации направило главам диппредставительств в Москве ноту, в которой подтвердило статус России как продолжателя СССР, осуществляющего все его права и выполняющего все обязанности [15]. Россия не проходила процедуру приема в ООН, так как заняла место Советского Союза и не имела таковых обязательств (аналогично Украина и

Беларусь, непосредственно занявшие места союзных республик).

Мировое сообщество в целом положительно отнеслось к идее России как государства-продолжателя. Последовательным противником концепции «Россия-продолжатель» выступала только Украина. Лишь в 2022 г. в связи с обострением в международных отношениях некоторые западные и, особенно рьяно, украинские политики начали требовать реформирования Совбеза ООН, приостановления членства России, а порой и вовсе исключения России из Совета Безопасности и даже самой Организации. В качестве аргументов использовалась как мнимая «несправедливость» нахождения Российской Федерации в Совбезе, так и то, что Российская Федерация в 1991 г. не прошла процедуру приема в ООН. Несомненно, исключение России из ООН невозможно как с точки зрения согласия большинства членов Организации, так и по причине наличия у России права вето. По той же причине маловероятным представляется сценарий реформирования Организации, предполагающего ущемление российских интересов.

В российском законодательстве вопрос правопреемства был окончательно закрыт в 2020 г. с принятием изменений Конституции. Согласно ч. 1 ст. 67.1, Россия «является правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах…» [16]. Это положение отражает «двойственность» статуса России как правопреемника (исходя из многосторонних соглашений с бывшими советскими республиками) и продолжателя СССР одновременно.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Распад Советского Союза повлек за собой риски создания «правового вакуума», когда субъект международного права, являющийся участником многочисленных международных договоров, а также постоянным членом Совета Безопасности ООН, может прекратить свое существование. Распределение прав и обязанностей СССР между многочисленными государствами-правопреемниками или передача их коллективному органу в лице Содружества Независимых Государств могли привести к разрушению международно-правовой системы обеспечения безопасности, созданной после Второй мировой войны в форме ООН. Действия лидеров стран СНГ, направленные на разделение правосубъектности СССР между республиками, были недальновидны и оторваны от реальности. Во многом именно с подачи стран Запада и при их согласии единственным правопродолжателем СССР в вопросах международных договоров и членства в международных организациях, и в частности в Совете Безопасности ООН, стала Россия. Таким образом, СССР как субъект МП не прекратил своего существования и продолжает свою юрисдикцию как Российская Федерация. Данный прецедент не вполне укладывается ни в доктрину правопреемства, не в доктрину континуитета, поэтому может рассматриваться как уникальный пример государственного правопродолжательства.

Список литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций: принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том 5. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.) – М., 1980. – С. 585-618.
2. Резолюции 18-й сессии (1963 год) – Генеральная Ассамблея ООН // Un.org: офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/ga/18/docs/18res.shtml (дата обращения: 11.05.2024).
3. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств // Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/print/?id=1673617&lang=ru (дата обращения: 11.05.2024).
4. Алма-Атинская декларация // Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1701727/ (дата обращения: 11.05.2024).

5. Четвертая сессия Верховного Совета РСФСР. 12 декабря 1991 г. // Бюл. ВС РСФСР. – 1991. – № 21, ст. 7.
6. Чернявский С. И. СНГ: от истории к будущему // Вестник МГИМО. – 2011. – № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sng-ot-istorii-k-buduschemu (дата обращения: 16.05.2024).
7. Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров: заключена в г. Вене 23.08.1978. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15604#lec62DUChCZcxiE3 (дата обращения: 17.05.2024).
8. Гетьман-Павлова И. В., Постникова Е. В. Международное право: учебник для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2024. – 590 с. – URL: https://urait.ru/bcode/551768/p.78 (дата обращения: 11.05.2024).
9. Матвеева Т. Д. Международное право: учебник для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2024. – 432 с. URL: https://urait.ru/bcode/536165/p.86 (дата обращения: 12.05.2024).
10. Кремнев П. П. Категория «Российская Федерация – государство-продолжатель СССР»: вопросы теории и практики // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2008. – № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-rossiyskaya-federatsiya-gosudarstvo-prodolzhatel-sssr-voprosy-teorii-i-praktiki (дата обращения: 11.05.2024).
11. Решение Совета Глав Государств Содружества Независимых Государств (Алма-Ата, 21 декабря 1991 г.). URL: https://base.garant.ru/1118206/ (дата обращения: 17.05.2024).
12. Договор о правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов Союза ССР (Москва, 4 декабря 1991 г.). URL: https://base.garant.ru/1118355/ (дата обращения: 17.05.2024).
13. «Заявление "двенадцати" о будущем статусе России и других бывших республик» от 23.12.1991 // Дипломатический вестник. – 1992. – № 1.
14. Письмо Президента РСФСР Генеральному секретарю ООН от 24.12.1991 // Викитека: офиц. сайт. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Письмо_Президента_РСФСР_Генеральному_секретарю_ООН_от_24.12.1991 (дата обращения: 17.05.2024).
15. Нота Министерства иностранных дел Российской Федерации от 12.01.1992 // Дипломатический вестник. – 1992. – № 2-3.
16. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.05.2024).

УДК 336.711.2

© Арина Александровна Гермизина
студентка факультета права,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: arinagermizina@mail.ru

Germizina Arina A.
Student of Law Faculty,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Дмитрий Владимирович Мелёхин
студент факультета права,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: melekhin_228@mail.ru

Melekhin Dmitry V.
Student of Law Faculty,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Татьяна Евгеньевна Колосова
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: tat1892@yandex.ru

Kolosova Tatiana E.
senior lecturer of the Department
of Civil Law Disciplines,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

ПРИЧИНЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДАННОГО ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА В РОССИИ

The reasons for the manifestation of the digital ruble and the prospects for development of this legal institution in Russia

Аннотация. В последнее время вопросы внедрения цифровых валют являются наиболее обсуждаемыми среди экономистов всего мира. Цифровой рубль представляет собой цифровую версию валюты, выпущенную центральным банком (CBDC – Central bankdigitalcurrency), и по своим ключевым характеристикам не отличается от наличных и безналичных средств. Статья посвящена рассмотрению актуальной проблематики проявления цифрового рубля и перспективы его развития в России.

Abstract. Recently, the issues of the introduction of digital currencies have been the most discussed among economists from all over the world. The digital ruble is a digital version of the currency issued by the Central Bank (CBDC–Central bank digital currency), and in its key characteristics does not differ from cash and non-cash funds. The article is devoted to the consideration of the actual problems of the manifestation of the digital ruble and the prospects for its development in Russia.

Ключевые слова: цифровой рубль, национальная валюта, цифровая валюта, электронные деньги, криптовалюта.

Keywords: digital ruble, national currency, digital currency, electronic money, cryptocurrency.

Цифровой рубль представляет собой вариант национальной валюты, выпущенной в цифровом виде Центральным банком России, сочетающий характеристики как наличных, так и безналичных денежных средств и обладающий функциями меры стоимости, платёжного средства и накопления. Цифровой рубль можно сравнить с безналичными деньгами на банковском счету, однако с технической стороны он представляет собой особый цифровой код, который сохраняется в электронном кошельке, управляемом системами Центрального банка.

Таким образом, каждая единица цифрового рубля обладает уникальностью в отличие от безличных безналичных средств, которые учитываются как общая сумма на счетах их владельцев.

Цель создания цифрового рубля - обеспечить альтернативный метод для проведения платежей и переводов денежных средств, который не будет подвержен банковским ограничениям, таким как комиссии и лимиты [4].

Банк России нацелен на то, чтобы система денежного обращения соответствовала меняющимся потребностям граждан и бизнеса, способствовала внедрению инноваций, как на финансовом рынке, так и в экономике в целом [3].

В России цифровой рубль как цифровая валюта Центрального банка законодательно урегулирован. Пункт 3 статьи 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает, что цифровой валютой признается совокупность электронных данных. Как тождественные этой совокупности законодателем приводятся в скобках еще два синонима для определения цифровой валюты: цифровой код; цифровое обозначение. Такие электронные данные (цифровые коды, обозначения) фиксируются и существуют в особой информационной системе [2].

В данном ФЗ определены две законодательно разрешенные формы применения таких электронных данных, как цифровые коды и обозначения. Они могут выступать в роли средства оплаты, предлагаемого или принимаемого без предложения (например, в обмен на выполнение математических расчетов); также их можно использовать в инвестиционных целях.Законодатель недвусмысленно установил, что такое средство платежа не является государственными деньгами ни России, ни денежной единицей иностранного государства, ни международной денежной или расчетной единицей.

Применение цифровых валют как электронного средства для расчетов и обмена, а также в качестве средства для инвестирования и объекта вложений позволяет отнести их к категории различного рода собственности в рамках статьи 128 Гражданского кодекса РФ, касающейся объектов гражданских прав [1].

Указать единственную причину для введения цифрового рубля непросто, поскольку существуют как минимум три основные категории причин: экономические, политические и социальные. С экономической точки зрения внедрение цифрового рубля может привести к уменьшению объема наличных средств в обороте и способствовать более эффективному переходу к использованию безналичных платежей.

С точки зрения политики внедрение цифровой валюты, такой как цифровой рубль, может помочь уменьшить зависимость от международных платежных систем и улучшить мониторинг платежных операций, включая возможность отслеживания и даже предустановленных выплат, например, в рамках социальных программ. Социальные аспекты предполагают, что цифровой рубль может выступать как передовой способ оплаты, стимулирующий разработку новых финансовых продуктов. Кроме того, благодаря повышенной прозрачности финансовых потоков цифровая валюта может способствовать более эффективной борьбе с теневой экономикой [5].

Цифровой рубль также построен на базе технологии «блокчейн» и существует лишь в виде виртуального актива. Тем не менее в отличие от криптовалют цифровой рубль:

1) выпускается Центробанком РФ. Как правило, криптовалюты не имеют единого ответственного центра и эмитируются компьютерными сетями, состоящими из обычных пользователей;

2) связан с конкретными физическими или юридическими лицами. В отличие от цифрового рубля криптовалюты подчиняются менее строгим правилам регулирования, а также обеспечивают высокую степень анонимности;

3) регулируется напрямую Банком России. Центробанк будет иметь полный контроль над выпуском и обращением цифровой валюты, а также берет на себя обязательства по обеспечению безопасности расчётов.

В то же время повседневные операции с применением безналичных средств и цифровых валют рубля почти не различаются между собой. Цифровые рубли подобно без-

наличным средствам размещаются на индивидуальном счете, открытие которого является добровольным. Следовательно, циркуляция цифровых рублей отличается от обращения наличной и безналичной валюты только по определенным характеристикам.

1. Поскольку цифровой рубль ориентирован на проведение платежей и переводов, а не на накопление средств, для клиентов будет невыгодно долгое время удерживать средства на своих электронных счетах, как минимум ввиду воздействия на них инфляции.

2. Архитектура платформы цифровых рублей позволяет гибко контролировать использование средств (благодаря прикреплению к определенным типам транзакций), а также автоматизировать его (при помощи смарт-контрактов).

3. Цифровые рубли в отличие от безналичных денег можно использовать офлайн.

Ожидается, что внедрение цифровой версии российского рубля может принести экономические выгоды до 328 миллиардов рублей в год. Специалисты отмечают, что в России существует подходящая основа для широкомасштабного запуска цифрового рубля, который уже был опробован в рамках тестовых проектов в тринадцати ведущих банках страны. Ожидается, что в 2024 году к этой системе примкнут еще семнадцать банковских учреждений, что позволит России занять лидирующие позиции в мире в области развития финансовых систем. Аналитики подчеркивают, что розничная торговля извлечет особую выгоду от внедрения цифрового рубля за счет значительной экономии на комиссиях по эквайрингу.

Уменьшение размера комиссии за эквайринг до 0,3 % при использовании цифрового рубля может принести экономическую выгоду до 50-60 миллиардов рублей ежегодно. Ожидается, что объем транзакций с использованием цифрового рубля в розничной торговле может достичь примерно 4 триллионов рублей в год на протяжении третьего-пятого года после его введения. Кроме того, другие сектора бизнеса также смогут извлечь пользу из использования цифрового рубля, экономя на комиссиях за переводы и платежи между компаниями, поскольку переводы цифровыми рублями осуществляются мгновенно, а с 2025 года размер комиссии будет снижен [6].

Ожидается, что стоимость составит 15 рублей. Эксперты оценивают, что при участии цифрового рубля в 20-40 % всех бизнес-транзакций экономическая выгода за счет низких комиссий и быстрых переводов может достигать 5-22 миллиардов рублей. Более того, внедрение цифрового рубля предоставит предприятиям дополнительные инструменты для финансового управления. Его включение в систему Центрального банка России улучшит условия для выполнения таких операций, как кешпулинг, размещение краткосрочных или овернайт-депозитов, а также применение смарт-контрактов [6].

Исследователи подчеркивают, что одним из существенных преимуществ внедрения цифрового рубля является стимулирование развития международных платежей. В частности, появляется возможность для создания общей цифровой валюты для стран БРИКС, а также для реализации системы, позволяющей проводить обмены между различными национальными цифровыми валютами. Экономический выигрыш в данной области может достигать от 15 до 103 миллиардов рублей в год благодаря сокращению числа посредников и повышению скорости проведения транзакций.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Итак, цифровой рубль представляет собой цифровую версию национальной валюты, которую в эксклюзивном порядке выпускает и поддерживает Центральный банк Российской Федерации. Эта валюта была разработана как дополнение к существующим денежным средствам.

Основными причинами для создания цифрового рубля стали стремление ускорить переход к электронным платежам, удобство в использовании, создание альтернативы криптовалютам, которые не имеют централизованного выпуска, цель сократить зависимость от международных платежных систем,

уменьшение объема теневой экономики и повышение прозрачности расходования государственных средств.

Согласно мнению специалистов, для того чтобы полностью реализовать экономический потенциал, требуется выполнить обширный объем работы: необходимо создать и усовершенствовать пути взаимодействия с клиентами, а также осуществить изменения в области государственной политики. Помимо этого важно организовать обширную информационную акцию для предпринимателей, учитывая, что, по данным опросов, приблизительно 65 % компаний в России на данный момент не осознают выгод от внедрения цифрового рубля.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: ред. от 11.03.2024 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32, ст. 3301.
2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 № 259-ФЗ6 ред. от 11.03.2024 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 31, ч. I, ст. 5018.
3. Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // LexRussica. – 2023. – № 1. – С. 9-19.
4. Все о цифровом рубле. Вопросы и ответы. URL: https://www.rbc.ru/finances/26/07/2023/64bfc7e99a794772b7295101 (дата обращения: 20.04.2024).
5. Гончаров А. И., Садков А. Н., Садков В. А., Давудов Д. А. Цифровая валюта в современной России: юридическое содержание и место в обороте // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Том 16. – № 3. – С. 128-153.
6. Эксперты рассказали о перспективах введения цифрового рубля. URL: https://iz.ru/1649394/2024-02-14/eksperty-rasskazali-o-perspektivakh-vvedeniia-tcifrovogo-rublia (дата обращения: 17.04.2024).

УДК 347

© Екатерина Дмитриевна Кузнецова
студент юридического факультета,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
E-mail: katerinakuzn13@gmail.com

Kuznetsova Ekaterina D.
Student of Law Faculty,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Лидия Александровна Зацепина
студент юридического факультета,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
E-mail: lzacep24@gmail.com

Zatsepina Lidia A.
Student of Law Faculty,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Татьяна Евгеньевна Колосова
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
E-mail: tat1892@yandex.ru

Kolosova Tatiana E.
senior lecturer of the Department
of Civil Law Disciplines,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИИ ПОДРЯДЧИКА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОМ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

The problem of determining the contractor's savings in law enforcement and legislative aspects

Аннотация. в данной статье раскрывается сущность экономии подрядчика, возникающей при исполнении условий договора подряда и оплате работ по договору подряда, устанавливаются условия действительности экономии подрядчика и правила её применения как правового явления, а также отмечаются проблемы разграничения экономии подрядчика и неосновательного обогащения в практической деятельности субъектов гражданских правоотношений, вытекающих из договора подряда.

Abstract. this article reveals the essence of the contractor's savings that arise when fulfilling the terms of the contract and paying for work under the contract, establishes the conditions for the validity of the contractor's savings and the rules for its application as a phenomenon, and also notes the problems of distinguishing the contractor's savings and unjustified enrichment in the practical activities of subjects of civil relations arising from the contract.

Ключевые слова: договор подряда, подрядчик, заказчик, цена работы, экономия подрядчика, объём работ, качество работ, неосновательное обогащение.

Keywords: contract, contractor, customer, price of work, contractor's savings, scope of work, quality of work, unjustified enrichment.

Договор подряда – это один из самых широко применяемых договоров в предпринимательской деятельности, актуальность которого обусловливается активным развитием экономики. Общие положения о договоре подряда закреплены в главе 37 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Стоит отметить, что на практике зачастую возникают спорные ситуации, которые касаются определения цены договора подряда и условий его оплаты, что несет за собой неоднозначность в судебных решениях и требует квалифицированного подхода.

Общие положения о цене по договору подряда закреплены в статье 709 ГК РФ, однако существенным данное условие не является. В таком случае правоприменитель может воспользоваться п. 3 ст. 424 ГК РФ и устано-

вить цену, аналогичную той, что взимается за подобные услуги. Такой принцип диспозитивности характерен для сущности гражданских правоотношений, за исключением некоторых подвидов договора подряда.

Самым распространённым документом, который определяет цену договора подряда, является смета. Смета может быть частью договора подряда, если она была заранее согласована заказчиком и все работы проводятся в соответствии с ней, а также может быть составлена после выполнения работ отдельным актом.

Законодатель даёт право участникам гражданского оборота возможность устанавливать как твёрдую смету, так и приблизительную. Именно на этапе составления твёрдой сметы и её согласования у подрядчика появляется реальная возможность воспользоваться таким институтом, как экономия подрядчика. В некоторых ситуациях возможна экономия подрядчика и при приблизительной смете, но в том случае, если стороны договора заранее не могут знать об объёме работ.

Институт экономии подрядчика легально закреплён в статье 710 ГК РФ и устанавливает, что «в случаях, когда фактические расходы подрядчика оказались меньше тех, которые учитывались при определении цены работы, подрядчик сохраняет право на оплату работ по цене, предусмотренной договором подряда, если заказчик не докажет, что полученная подрядчиком экономия повлияла на качество выполненных работ» [1]. Иными словами, экономия подрядчика – это частное между ценой работы фактической и по договору, при условии, что качество работы в обоих случаях предполагается одинаковым. По нашему мнению, законодатель даёт слишком широкое определение данному понятию, поскольку экономия подрядчика может тесно соприкасаться с другим институтом гражданского права – неосновательным обогащением. При возникновении гражданско-правового спора по поводу экономии подрядчика некоторые критерии определения экономии устанавливает судебная практика.

Верховный суд Российской Федерации в Обзоре судебной практики № 1 от 24 апреля 2019 года установил некоторые критерии, которые не позволяют говорить о приобретении конкретных сумм как об экономии подрядчика. К ним относятся арифметическая разница между ценой договора и стоимостью фактически выполненных работ, образовавшаяся:

1) за счет уменьшения объемов работ по сравнению с объемом, предусмотренным договором;

2) использования меньшего, чем предусмотрено договором подряда, количества материалов, использования не предусмотренных договором материалов;

3) замены материалов и оборудования на более дешевые модели [3].

Несмотря на то, что эти критерии чётко названы и определены, зачастую по-разному трактуются в судебной практике, а иногда и не учитываются нижестоящими судами.

Например, очень показательна практика разрешения споров относительно замены материалов на более дешёвые модели. Постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22 марта 2017 г. № Ф03-6603/16 по делу № А59-113/2016 были исследованы все доказательства в рамках дела и было установлено, что при согласовании изменения материала использование нового материала привело только к уменьшению потребности в таковом без изменения объёма запланированных работ и их качества, что привело к снижению стоимости услуги. В связи с этим суд сделал вывод о том, что уменьшение фактических расходов в данном случае влечёт экономию подрядчика, которая предусмотрена статьёй 710 ГК РФ. В этом случае важную роль играет именно процедура согласования изменения наименования материалов.

Несмотря на устоявшуюся практику, в сфере государственных и муниципальных контрактов может действовать норма-исключение, которая предусмотрена п. 1 ч. 1 ст. 33 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ. Согласно ей, при описании объекта закупки может использоваться термин «эквивалент», то есть такая вещь, которая отвечает тем же свойствам и качествам, как

и установленная договором, но которая может являться более дешевой по сравнению с первоначальной. При этом условие о качестве работы сохраняет своё действие. Примером может служить постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03.12.2018 № Ф03-4596/2018 по делу № А24-4597/2017, в силу которого установлено, что при условии наличия оговорки в договоре, которая устанавливает, что если подрядчик, который провёл работу по установке оборудования, эквивалентного указанному в государственном контракте, но более дешевого, и если это не повлияло на качество работы, то согласование изменения этого условия с государственным заказчиком не требуется. Данная ситуация также влечёт за собой экономию подрядчика.

Однако относительно случая использования меньшего количества материалов, чем предусмотрено сметой, до сих пор нет устоявшейся единообразной практики.

Так, по делу № А58-6426/2020 решением Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) было отказано в удовлетворении требований Министерства внутренних дел Российской Федерации к ООО «Экостройинвест». Согласно обстоятельствам дела, между ООО «Экостройинвест» и Министерством внутренних дел Российской Федерации был заключен государственный контракт на выполнение работ на сумму 5,3 млн. руб. Однако при составлении сметы ведомство допустило ошибку на сумму 600 тыс. руб. при определении количества материала, в связи с чем, по мнению МВД, экономии подрядчика не возникло. При рассмотрении кассационной жалобы в Верховном суде Российской Федерации было отмечено, что нижестоящие суды не учли, что использовалось меньшее количества материала, чем предусмотрено сметой, не были учтены нормы бюджетного законодательства и акты претензионного характера, которые имели место в процессе выполнения подрядчиком работ, а также суды не установили баланс частных и публичных интересов, в связи с чем решения нижестоящих судов были отменены, а дело отправлено на новое рассмотрение.

Однако то же толкование, что и Арбитражный суд Республики Саха, даёт Одиннадцатый Арбитражный апелляционный суд по аналогичному делу в постановлении 11АП-13654/2023 от 27 октября 2023 года, ссылаясь на то, что неверное формирование сметы истцом не является риском подрядчика, в силу чего возникает экономия подрядчика и неосновательное обогащение не имеет место.

Отметим также, что не является экономией подрядчика ситуация, когда при наличии ошибки в расчёте приблизительной сметы подрядчик получает большую сумму, чем ему причитается по условиям, указанным в договоре, даже если заказчик согласовал это условие в акте приёма-передачи. На это указывает постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 ноября 2023 года по делу № А56-22754/2023, согласно которому заказчик ОАО «Российские железные дороги» был введён в заблуждение относительно периода проведения изыскательских работ акционерным обществом «Ленгипротранс», в результате чего был начислен увеличивающий коэффициент, который не должен был применяться. Таким образом, денежная разница, которая рассматривалась как экономия подрядчика, была взыскана как сумма неосновательного обогащения.

В вышеизложенных примерах прослеживается отрыв законодательной формулировки нормы статьи 710 ГК РФ от действующей судебной практики. До настоящего момента, даже при наличии уже устоявшейся позиции Верховного суда Российской Федерации, арбитражные суды и суды общей юрисдикции продолжают по-разному толковать и применять данную норму. Такой феномен может быть связан с тем, что специальное законодательство может содержать множество оговорок, которые применяются в конкретных видах споров в разных вариантах.

В связи с этим для более унифицированного применения положения судами норм об экономии подрядчика предлагаем изложить пункт 1 статьи 710 ГК РФ в следующей редакции: «В случаях, когда фактические

расходы подрядчика оказались меньше тех, которые учитывались при определении цены работы, подрядчик сохраняет право на оплату работ по цене, предусмотренной договором подряда, если заказчик не докажет, что полученная подрядчиком экономия *была произведена за счёт уменьшения объёма работ, количества материалов, удешевления материалов* и повлияла на качество выполненных работ».

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: ред. от 24.07.2023 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 2, ст. 3301.
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ: ред. от 14.02.2024 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 14, ст. 1652.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1: утверждён Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 10.
4. Постановление Тринадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 8 ноября 2023 г. №13АП-30217/2023 по делу №А56-22754/2023. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/0UjmIVOxHZJs/#case_item.
5. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 октября 2023 г.№11АП-13654/2023 по делу № А55-10527/2023. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/9baCnj16TBVD/.
6. Решение Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 30 мая 2022 г. по делу № А58-6426/2020. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/93VQDIKbNxJa/.
7. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 3 декабря 2018 № Ф03-4596/2018 по делу № А24-4597/2017. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/wahdFBJEwzx4/.
8. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22 марта 2017 г. №Ф03-6603/16 по делу №А59-113/2016. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Nn1CG42VfomC/.

УДК 349.2

© Екатерина Дмитриевна Кузнецова
студент юридического факультета
Владимирского филиала РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: katerinakuzn13@gmail.com

Kuznetsova Ekaterina D.
Student of Law Faculty,
Vladimir Branch of RANEPA,
Vladimir

© Маргарита Максимовна Коновалова
студент юридического факультета
Владимирского филиала РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: angel.konovalova201112@gmail.com

Konovalova Margarita M.
Student of Law Faculty,
Vladimir Branch of RANEPA,
Vladimir

© Инна Анатольевна Кузнецова
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: kyzina33@mail.ru

Kuznetsova Inna A.
Candidate of Law,
Associate Professor
of the Department
of Civil Law Disciplines,
Vladimir Branch of RANEPA,
Vladimir

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ГАРАНТИЙ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

The problem of implementing labor guarantees for participants in a special military operation: current state and prospects

Аннотация. В данной статье в перспективе рассмотрено развитие норм трудового права, которые регулируют трудовые правоотношения с работниками, выполняющими боевые задачи в зоне специальной военной операции, перечислены и проанализированы существующие в действующем законодательстве трудовые гарантии военнослужащих, а также перечислены основные проблемы реализации трудовых гарантий данной категории работников. Авторами намечены основные направления деятельности государства для их устранения.

Abstract. This article reviews the development of labor law norms that regulate labor relations with employees performing combat missions in the zone of a special military operation in perspective, labor guarantees of military personnel existing in the current legislation are listed and analyzed, as well as the main problems of implementing labor guarantees for this category of workers are listed. The authors outline the main directions of the state's activities to eliminate them.

Ключевые слова: специальная военная операция, служащие Вооружённых сил Российской Федерации, трудовые правоотношения, трудовые гарантии, трудовой договор, расторжение трудового договора, нарушения прав работника.

Keywords: The special military operation, employees of the Armed Forces of the Russian Federation, labor relations, labor guarantees, employment contract, termination of an employment contract, violations of employee rights.

24 февраля 2022 года Президент Российской Федерации объявил о начале специальной военной операции на Украине. В связи с этим в российском обществе стали зарождаться патриотические настроения, которые двигали людей к заключению контракта о прохождении военной службы в зоне боевых действий на территории Украины.

Однако в законодательстве на этот случай не было предусмотрено нормативных

правовых актов, которые урегулировали бы последствия событий, происходящих в социальной, политической и экономической сферах в связи со специальной военной операцией. Данный факт также закономерно привел к пробельности в регулировании трудовых отношений с теми работниками, которые служили в Вооружённых силах как по мобилизации, так и в добровольном порядке.

В связи с этим возникло целое множество проблем и вопросов, ставивших субъектов правоотношений в несправедливые условия, которые несомненно требовали нормативного урегулирования.

Такая ситуация коснулась работников, заключивших контракт о прохождении военной службы на добровольной основе. В частности, имеет показательное значение трудовой спор Андрея Ш., занимавшего должность IT-специалиста, и его работодателя ПАО «Магнит». В мае 2022 года он заключил контракт о прохождении военной службы, однако в это же время состоял в трудовых отношениях с ПАО «Магнит». В связи с тем, что работник систематически не являлся на работу без уважительных причин, но во время исполнения обязанностей по контракту, он был уволен в соответствии с п.п. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации за прогул. С юридической точки зрения, работодатель поступил правомерно, применив п.п. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации, однако даже применение законного права работодателя вызвало бурную реакцию общественности, благодаря чему Андрей Ш. в конечном итоге был восстановлен на рабочем месте [6].

Вследствие того, что на момент издания приказа об увольнении Андрея Ш. в трудовом законодательстве не было специальной нормы, которая бы установила режим увольнения работника в период прохождения им военной службы по контракту, увольнение производилось на законных основаниях. Однако в данном деле явно выражена проблема, которая преследует всё российское законодательство: нормы права не успевают за меняющимися фактическими отношениями между субъектами. В связи с тем, что увольнение работника – это право работодателя, то произвести процедуру восстановления на работе в отношении Андрея Ш. было, по нашему мнению, актом уважения в отношении лиц, исполняющих долг перед государством, а также выражало осознание складывающейся в праве ситуации пробельности и необходимости её устранения. Такая позиция крупного работодателя в Российской Федерации, несомненно, должна была стать необходимым «маяком» для законодателя в аспекте разработки новых правил регулирования труда военнослужащих.

В настоящее время в отношении периода от начала специальной военной операции и до начала частичной мобилизации Указом Президента Российской Федерации «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» [4] действует часть 4 Федерального закона от 07.10.2022 № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которой мобилизованный сотрудник может вернуться на прежнее место работы с сохранением приоритета рассмотрения его кандидатуры в течение трёх месяцев со дня завершения службы, если данное место всё ещё вакантно. Иначе на работодателя накладывается обязанность предложить другую вакансию, которая подходит работнику по состоянию здоровья, включая вакансии с более низкой оплатой труда [3].

Введение статьи 351.7 Трудового кодекса Российской Федерации и иных нормативных правовых актов позволило урегулировать проблему закрепления трудовых гарантий военнослужащих по контракту, мобилизации и добровольческой инициативе [2]. Однако и эти положения содержат ряд проблем, которые требуют решения. Стоит выделить те положения о трудовых правах и обязанностях военнослужащего, которые содержатся в актуальной редакции данной статьи:

1) действие норм статьи распространяется на работника в случае его призыва на военную службу по мобилизации или заключения им контракта о прохождении военной службы в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе»;

2) действие трудового договора приостанавливается на период прохождения работником военной службы или оказания им добровольного содействия в выполнении задач, возложенных на Вооружённые силы Российской Федерации, при этом законодатель

справедливо даёт указание о том, что нужно приостановить права и обязанности по договору, сохраняя за работником рабочее место;

3) приостановление трудового договора осуществляется на основании приказа работодателя по заявлению работника. При этом заметим, что к заявлению необходимо приложить копию повестки о призыве на военную службу по мобилизации либо копию соответствующего контракта.

У работодателя зачастую могут возникнуть вопросы о том, с какого момента необходимо считать приостановленным трудовой договор. В том случае, если работодатель не получил повестку от работника, если работодателю не была направлена повестка из военкомата, работодатель может издать приказ о приостановлении трудового договора со дня признания работника призванным в Вооружённые силы Российской Федерации по мобилизации;

4) в период приостановления действия трудового договора может быть принят работник по срочному трудовому договору на время отсутствия служащего в ВС РФ работника. Важно заметить, что трудовой стаж и стаж работы по специальности продолжают начисляться работникам данной категории.

При этом если работник по срочному трудовому договору, замещающий основного работника, также будет призван в рамках мобилизации либо заключит контракт, то он может быть уволен по инициативе работодателя, в соответствии с ч. 11 ст. 351.7 Трудового кодекса Российской Федерации. До введения соответствующей части в Трудовой кодекс возникала проблема приоритета закрепления за работниками рабочего места: на него после демобилизации и окончания контракта мог претендовать как основной работник, так и срочный, при этом возникала ситуация, когда работодатель мог заключать бесчисленное количество срочных трудовых договоров для закрытия одной штатной единицы;

5) в отношении работника действуют определённые гарантии: продолжение получения социально-трудовых гарантий, полученных до периода военной службы, право на предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска в удобное для него время в течение шести месяцев, могут устанавливаться гарантии, утверждаемые Правительством Российской Федерации. В данный момент они установлены постановлением Правительства Российской Федерации от 21.02.2024 № 200 и касаются компенсации расходов на проезд к месту отпуска работников и иждивенцев работников, заключивших трудовой договор с работодателями, расположенными в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях [5];

6) трудовой договор возобновляется в первый рабочий день работника. При этом за три рабочих дня работодатель должен быть уведомлен о готовности работника приступить к исполнению трудовых обязанностей. Если такое оповещение не поступит в течение трёх месяцев со дня окончания военной службы работника, то трудовой договор с ним может быть прекращён по п. 13.1 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации [2];

7) работодатель вправе по своему усмотрению оказывать работнику материальную поддержку.

Кроме осуществления специальных норм, которые призваны урегулировать основные вопросы трудовых правоотношений между работником и работодателем, есть проблемы реализации уже давно существующих положений Трудового кодекса Российской Федерации.

В связи с тем, что фактически работники находятся в зоне специальной военной операции, они не могут сразу выявить нарушения их трудовых прав. Кроме этого правом на обращение в комиссию по трудовым спорам имеет право только работник, по правилам статьи 386 Трудового кодекса, а правом на обращение в суд обладает работник, профессиональный союз и прокурор, в соответствии со ст. 391 Трудового кодекса Российской Федерации [2]. В связи с этим работник может не знать о нарушении его права, к тому же не иметь реальной возможности защитить свои права надлежащим образом.

Отметим также, что многие передовые организации в современном мире сталкиваются с вопросом усовершенствования производства и изменений технологии труда. В связи с этим меняются и условия трудового договора работников. Согласно ст. 74 Трудового Кодекса Российской Федерации, при изменении условий трудового договора, которые вызваны модернизацией производства и технологическими изменениями, обязательно

соблюсти процедуру уведомления работника за два календарных месяца, получив его письменное на это согласие. Как известно, получить согласие работника, участвующего в боевых действиях, зачастую просто нельзя, так как доступ к нему ограничен как невозможностью личного присутствия, так и невозможностью пользования сетью «Интернет». Однако обязанности работодателя на этом не заканчиваются. В соответствии с нормами этой же статьи работодатель обязан предоставить работнику сведения о других вакансиях, отвечающим соответствующим требованиям [2].

При этом, если предположить, что по ст. 351.7 Трудового кодекса права и обязанности работника возникают при возобновлении действия трудового договора, то у работодателя в конечном итоге останется та штатная единица, которая не подходит под модернизированное производство, но трудовой договор с которой он не будет иметь право расторгать, а в конечном итоге не сможет предложить подходящую ему работу. Возникает фактическое нарушение прав работника на изменение условий трудового договора в соответствии с действующим трудовым законодательством, которое предусмотрено п. 1 ч. 1 ст. 21 Трудового кодекса Российской Федерации [2].

Некоторые практики считают, что данная проблема может решиться, если оповещение и согласие за работника будут давать его близкие родственники. Однако такая позиция нарушает основные положения ст. 37 Конституции Российской Федерации о свободе труда, согласно которой каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию [1].

Таким образом, несмотря на активную законотворческую деятельность, многие вопросы реализации гарантий работников из числа участников специальной военной операции остаются спорными. Реальное число нарушений прав данной категории работников станет явным спустя время, по окончании специальной военной операции и контрактов о прохождении военной службы.

В связи с вышеизложенным, для устранения указанных проблем стоит создать более качественные механизмы обнаружения нарушений прав работников – участников специальной военной операции, усилить контроль со стороны прокуратуры, Государственной инспекции труда за соблюдением прав данной категории работников, а также более точечно подходить к разработке трудового законодательства в данной сфере.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.05.2024).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – № 256.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 379-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.05.2024).
4. Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 // Рос. газ. – 2022. – № 213.
5. Об особенностях правового регулирования трудовых отношений с работниками, заключившими трудовой договор с организациями, расположенными в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, призванными на военную службу по мобилизации или заключившими контракт в соответствии с пунктом 7 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» либо контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 21 февраля 2024 г. № 200 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.05.2024).
6. Розенберг В. Участие россиянина в СВО сочли прогулом и поводом для увольнения // Lenta.ru: офиц. сайт. URL: https://lenta.ru/news/2022/08/22/povod/ (дата обращения: 14.05.2024).

УДК 342.9

© Сергей Валентинович Ледащев
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административно-правовых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: sergey-ledaschev@mail.ru

Ledaschev Sergei V.
Candidate of Jurisprudence Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Administrative and Legal Disciplines Department
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Юрий Дмитриевич Лёвкин
старший преподаватель
кафедры административно-правовых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: levkin.60@mail.ru

Levkin Yuriy,
Senior Lecturer of Administrative and Legal Disciplines Department,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

On the issue of combating corruption in expert activities

Аннотация. В статье на основании анализа судебно-следственной практики и научных исследований авторами делается вывод о необходимости оптимизации правового статуса эксперта, предпринимается попытка определения отдельных направлений минимизации коррупционных рисков, связанных с производством судебных экспертиз в процессе отправления правосудия в России.

Abstract. In the article, based on the analysis of forensic investigative practice and scientific research, the authors conclude that it is necessary to optimize the legal status of an expert, an attempt is made to identify certain areas of minimizing corruption risks associated with the production of forensic examinations in the administration of justice in Russia.

Ключевые слова: эксперт, экспертная деятельность, коррупционные риски, производство экспертных исследований.

Keywords: expert, expert activity, corruption risks, production of expert research.

Достаточно хорошо известно, что коррупция как общественное явление характеризуется достаточно высокой степенью латентности. Согласно результатам статистических и научных исследований, в коррупционные отношения различного характера вовлечена значительная часть российского населения [7, с. 234].

К сожалению, не являются исключением проявления коррупции и в экспертной деятельности. Больший общественный резонанс вызывают экспертные ошибки, но, безусловно, повышенную общественную опасность представляют ложные, подтасованные результаты, обнаруженные в деятельности судебно-экспертных организаций. Обоснованные сомнения в правильности результатов судебных экспертиз, выполненных в экспертных организациях, подрывают доверие к объективности судебных решений, а само проникновение коррупции в правоохранительную сферу в конечном итоге угрожает действию механизма защиты конституционных прав граждан.

О подобных противоправных проявлениях свидетельствует анализ судебной практики и научных исследований.

Так, С. В. Смирнова (эксперт АНО «Томский центр экспертиз») в результате анкетиро-

вания экспертов и практикующих юристов получила следующие результаты: 76 % экспертов и 89 % юристов на вопрос «Приходилось ли Вам сталкиваться с преступностью среди экспертов?» ответили утвердительно [4].

Как показывает практика, привлечение экспертов к уголовной ответственности происходит в основном по статьям 294 («Коммерческий подкуп») и 290 («Получение взятки») Уголовного кодекса РФ. Привлечение данной категории лиц к ответственности по статьям 159 («Мошенничество») и 307 («Заведомо ложное заключение эксперта…») УК РФ осуществляется крайне редко [6]. Подобное положение обусловлено рядом обстоятельств, на которые необходимо, по нашему мнению, обратить внимание.

Как известно, экспертом в соответствии с действующим процессуальным законодательством является лицо, обладающее специальными знаниями (ст. 57 УПК РФ, ст. 85 ГПК РФ, ст. 55 АПК РФ) и назначенное в порядке, установленном процессуальным законодательством, для производства судебной экспертизы и дачи заключения [10].

Для сотрудников государственных экспертных учреждений вопросы проверки компетентности исполнителя достаточно хорошо урегулированы действующим законодательством. Это и периодическое подтверждения права на самостоятельное производство экспертиз, проводимое коллегиальным органом, и наличие ведомственных систем повышения квалификации, проведение различных семинаров и круглых столов.

Но в Российской Федерации существуют и негосударственные эксперты. Лицо, претендующие на этот статус, должно обладать высшим образованием, при этом иных критериев оценки профессиональных качеств претендента законодательством не установлено.

К сожалению, коммерциализация экспертной деятельности получает все более распространенный характер. Создаются различные общественные объединения, которые заявляют, что имеют возможность проверки профессиональных качеств лиц, претендующих на потенциальный статус судебного эксперта. Зачастую эта работа носит формальный характер. По итогам соискателям выдаются сертификаты соответствия, якобы подтверждающие экспертную квалификацию, и сведения об этих лицах вносятся в различные информационные реестры.

Таким образом, в экспертное сообщество нередко попадают лица, не обладающие в должной мере специальными познаниями. Основная цель их деятельности – получение материальной выгоды, что, безусловно, ставит под сомнение их беспристрастность при выполнении исследования. Поэтому коммерциализация экспертной деятельности, по нашему убеждению, является одной из причин проявления коррупции в данной сфере.

По справедливому мнению ряда авторов [3], оплата труда эксперта должна производиться исключительно из бюджетных средств и относиться к судебным издержкам.

Кроме того, наличие различных подходов для решения одинаковых экспертных задач существенно затрудняет оценку достоверности сделанных экспертом выводов.

Отметим, что поиск путей стандартизации экспертных методик началась в конце прошлого века, но до сих пор этот процесс далек от завершения. Как отмечают исследователи данной проблемы, в 1996 г. Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством юстиции Российской Федерации было утверждено, а Верховным судом Российской Федерации и Прокуратурой Российской Федерации согласовано Положение о Федеральном межведомственном координационно-методическом совете по проблемам экспертных исследований. В соответствии с компетенцией, предусмотренной положением о Совете, этот совещательный орган создан на общественных началах в целях координации научных исследований, совместной разработки экспертных методик и технических средств, их апробации и возможной унификации, рассмотрения проблем экспертной практики, обучения и аттестации экспертных кадров. Научными сотрудниками ЭКЦ МВД России и РФЦСЭ при Минюсте России была разработана и 18 ноября 1998 г. одобрена Советом структура типовой методики, которой должны руководствоваться эксперт-

ные учреждения России, осуществляющие разработку экспертных методик исследования вещественных доказательств. Разработка типовых методик и внедрение их в практику работы государственных экспертных учреждений, по мнению исследователей данной проблематики, должна была обеспечить научную обоснованность и доказательственную надежность выводов эксперта. К сожалению, этот процесс далек от своего завершения.

В целях стандартизации СЭД Приказом Росстандарта от 13 мая 2015 г. № 561 создан Технический комитет по стандартизации 134 «Судебная экспертиза».

За время существования технического комитета подготовлено и утверждено Росстандартом 13 национальных стандартов по категории «Термины и определения».

Работа по стандартизации в области судебной экспертизы призвана в том числе устранить коррупцию в рассматриваемой области [9, с. 235]. При этом одной из основных проблем в связи со стандартизацией судебных экспертиз можно назвать различие ведомственных подходов к исследованию. Они возникли из-за того, что в экспертных учреждениях разных ведомств действуют отличные друг от друга указания по проведению экспертиз, что может создавать проблемы при сравнении результатов исследования [8, с. 148]. Отметим, что в настоящее время работа по стандартизации методик экспертных исследований находится в начальной стадии (так, в 2023 г. предполагалась разработка проекта стандарта ГОСТ Р «Методика исследования подписи, выполненной в обычных условиях, в целях идентификации исполнителя подписи» [5], но работа до сих пор не завершена), что, на наш взгляд, обусловливает необходимость координации дальнейших усилий в данном направлении.

Далее следует отметить, что количество судебных экспертов относительно невелико. Существующая практика оглашения в судебном заседании избыточной персональной информации (в частности места жительства) и отсутствие реального механизма защиты судебного эксперта провоцируют возможные проявления противоправного характера, в том числе коррупционные.

По нашему мнению, снижению коррупционных рисков в экспертной деятельности может способствовать внедрение реального состязательного процесса исследования доказательств.

В целях назначения дополнительной или повторной экспертизы необходимо провести оценку первичной экспертизы. При этом недостаточно одного текста заключения эксперта, необходимо оценивать и объекты, с которыми работал эксперт.

Практикующийся в настоящее время механизм рецензирования заключения эксперта законодательством не предусмотрен, но достаточно широко используется с целью опорочить выполненную экспертизу. Поэтому мы полагаем, что данный вид деятельности нуждается в детальном правовом регулировании.

Кроме того, зачастую реально оценить достоверность и обоснованность сделанных экспертом выводов сторонам процесса практически невозможно. Поэтому в целях снижения коррупционных рисков считаем целесообразным внедрение в практику назначение комиссионных экспертиз, когда комиссию образуют эксперты, которым доверяют стороны процесса [2, с. 349].

Следует отметить еще один аспект: законодательный запрет государственному эксперту заниматься экспертной деятельностью в негосударственных экспертных организациях [1]. Но за границами этого запрета остается возможная непроцессуальная деятельность лица (консультирование по корректировке вопросов, сортировка объектов, которые будут потенциально использоваться при производстве экспертизы, консультации по вопросам фальсификации объектов предстоящих экспертиз, консультации по вопросам, как сделать объект экспертизы непригодным для исследования) [4].

Указанная деятельность не подлежит процессуальному оформлению и практически не отслеживается, что, с нашей точки зрения, несет существенные коррупционные риски.

Представляется, что изложенные выше соображения носят в значительной мере общий характер, нуждаются в творческом осмыслении с последующей подготовкой конкретных предложений и выработке соответствующих рекомендаций по их реализации.

Список литературы

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ: ред. от 01.07.2021 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Аширбекова М. Т., Кайргалиев Д. В., Кондаков А. В., Васильев Д. В. Повторная экспертиза как способ выявления коррупционных действий в экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел России // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 2.
3. Памятка для судебных экспертов и судей. URL: https://www.ceae.ru/Pam_sud_exp.htm.
4. Смирнова С. В. Состояние, структура и динамика преступности среди судебных экспертов. URL: http://tomexp.ru/blog/sostojanie_struktura_i_dinamika_prestupnosti_sredi_sudebnykh_ehkspertov/2018-06-25-44/.
5. Стандартизация судебно-экспертной деятельности. URL: http://www.sudexpert.ru/standards/.
6. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ: офиц. сайт. URL: https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17.
7. Федюнин А. Е., Алферов В. Ю. Проблемы противодействия коррупции в сфере экспертно-криминалистической деятельности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 3 (110).
8. Чеснокова Е. В. Стандартизация в судебной экспертизе как системная деятельность, препятствующая коррупции // Закон и право. – 2019. – № 2.
9. Шарапова И. Д. Современное состояние и перспективы развития экспертной профилактики при противодействии коррупции // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – № 2.
10. Этический кодекс государственных экспертов судебно-экспертных учреждений Минюста России, разработан федеральным бюджетным учреждением «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации» и одобрен на Всероссийском совещании руководителей государственных судебно-экспертных учреждений Минюста России 26 марта 2011 г. URL: http://www.forensic-experts.ru/anticor/03_01.php.

УДК 343.13

© Андрей Михайлович Наумов
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Владимирского филиала РАНХиГС,
г. Владимир
Naumov_a@vlad.ranepa.ru

A. M. Naumov
Candidate of Law,
Assistant professor,
Head of the Department of Criminal Law disciplines
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ (ЧАСТЬ 1)

On the legal nature of the inquiry in an abbreviated form (part 1)

Аннотация. Федеральным законом № 23-ФЗ от 04.03.2013 г. в УПК РФ была введена новая глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме», включающая статьи 226.1-226.9 УПК РФ, относящиеся как к досудебной стадии уголовного судопроизводства, так и к судебной стадии. Законодатель ввел новую форму предварительного расследования преступлений – дознание в сокращенной формы, отличающуюся от дознания в обычной форме. Особенностями данной формы является то, что дознание в сокращенной форме осуществляется на основании письменного ходатайства подозреваемого и при условии, что уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам преступления небольшой или средней тяжести, подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела. Уголовные дела, по которым проводится дознание в сокращенной форме, рассматриваются судами в особом порядке и наказание по ним назначается в размере, не превышающем одной второй максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Создание данного процессуального института и практика его применения вызвали широкую дискуссию среди ученых. Автором анализируются точки зрения на данный процессуальный институт и делается попытка раскрыть правовую природу дознания в сокращенной форме.

Annotation. Federal Law No. 23-FZ of 03/04/2013 introduced a new Chapter 32.1 "Inquiry in abbreviated form" into the CPC of the Russian Federation, including Articles 226.1-226.9 of the CPC of the Russian Federation relating to both the pre-trial stage of criminal proceedings and the judicial stage. The legislator introduced a new form of preliminary investigation of crimes – an inquiry in an abbreviated form, which differs from an inquiry in the usual form. The peculiarities of this form are that the inquiry in an abbreviated form is carried out on the basis of a written request from the suspect and provided that a criminal case has been initiated against a particular person on the grounds of a crime of small or medium gravity, the suspect admits his guilt, the nature and extent of the harm caused by the crime, and also does not dispute the legal assessment of the act given in the resolution on the initiation of a criminal case. Criminal cases in which an inquiry is conducted in an abbreviated form are considered by the courts in a special order and punishment for them is imposed in an amount not exceeding one second of the maximum term or the amount of the most severe type of punishment provided for the committed crime. The creation of this procedural institution and the practice of its application have caused a wide discussion among scientists. The author analyzes the points of view on this procedural institution and attempts to reveal the legal nature of the inquiry in an abbreviated form.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, уголовно-процессуальный институт, уголовно-процессуальная форма, особый порядок.

Keywords: inquiry in abbreviated form, criminal procedure institute, criminal procedure form, special procedure.

Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ была введена глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме» в УПК РФ, включающая статьи 226.1-226.9 УПК РФ.

В пояснительной записке к проекту данного Федерального закона в качестве основного довода в обоснование введения данного процессуального института указывалось, что он позволит исключить нерациональное расходование сил и средств органов предварительного расследования, необоснованное затягивание сроков досудебного производства, когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения. Кроме того, отмечалось, что введение сокращенного порядка дознания позволит достичь существенной процессуальной экономии, расширить диспозитивные начала при реализации подозреваемым (обвиняемым) права на защиту, а потерпевшим – права на доступ к правосудию [20].

Появление данного процессуального института и практика его применения вызывали оживленную дискуссию среди юристов, среди ученых и практиков.

Были защищены несколько диссертаций на данную тему [5, 16, 18, 24], изданы монографии [15], учебные пособия [2], выпущены сборники статей [8], существует обширная периодика [11, 21, 22, 23, 31].

Дознание в сокращенной форме понимается исследователями как многоаспектное сложное явление, представляющее из себя ***уголовно-процессуальный институт, уголовно-процессуальную форму, вид уголовно-процессуальной деятельности, вид правоотношений и юридический состав*** [15, с. 7].

Дознание в сокращенной форме является комплексным правовым институтом, включающим в себя нормы уголовно-процессуального права и уголовного права.

Процессуальным ядром данного правового института являются нормы главы 32.1 УПК РФ «Дознание в сокращенной форме», включающие статьи 226.1 «Основание и порядок производства дознания в сокращенной форме», статьи 226.2 «Обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме», статьи 226.3 «Права и обязанности участников уголовного судопроизводства по уголовному делу, дознание по которому производится в сокращенной форме», статьи 226.4 «Ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме», статьи 226.5 «Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме», статьи 226.6 «срок дознания в сокращенной форме», статьи 226.7 «Окончание дознания в сокращенной форме», статьи 226.8 «Решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением», статьи 226.9 «Особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме».

В качестве *уголовно-процессуального института* дознание в сокращенной форме, по мнению И. А. Насоновой и М. В. Зотовой [15, с. 7], представляет собой систему норм, регулирующих правоотношения, возникающие в связи с расследованием преступлений (одного или нескольких), подследственных дознавателю и указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, при условии возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, признания подозреваемым своей вины, характера, размера причиненного преступлением вреда и неоспаривания правовой оценки деяния, приведенной в постановлении о возбуждении уголовного дела, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, при сохранении за участниками уголовного судопроизводства права выбора между общим порядком дознания и его сокращенной формой.

Обращает на себя внимание то, что нормы уголовно-процессуального права относятся как к стадии предварительного расследования преступлений, так и к стадии судебного разбирательства.

Структура предварительного расследования по уголовным делам с применением дознания в сокращенной форме, по мнению И. А. Насоновой и М. В. Зотовой [15, с. 186], *представлена следующими тремя частями: первая часть – переход на дознание в сокращенной форме*, длящийся с момента возбуждения уголовного дела до

удовлетворения дознавателем ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме; производство в этой части осуществляется в форме дознания в общем порядке; *вторая часть – дознание в сокращенной форме*, длящееся со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме до дня направления уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением; *третья часть – процессуальная деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением,* длящаяся с момента поступления уголовного дела с обвинительным постановлением прокурору до направления данным участником уголовного дела в суд.

С точки зрения структуры *дознание в сокращенной форме включает в себя два этапа: начало и ход дознания в сокращенной форме; окончание дознания в сокращенной форме*. При этом *первый этап проходит две фазы: первую – начало дознания в сокращенной форме*, которое приходится на момент удовлетворения ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме и длится до уведомления участников уголовного судопроизводства об этом; *вторую – ход дознания в сокращенной форме,* который приходится на период после уведомления участников уголовного судопроизводства об удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме и длится до составления обвинительного постановления [15, с. 186-187].

Этап окончания дознания в сокращенной форме состоит из обязательной и факультативной фаз. Обязательные фазы, которые существуют по каждому уголовному делу, производство по которому осуществляется в сокращенной форме дознания, *представлены:*

- *составлением обвинительного постановления;*
- *уведомлением участников уголовного судопроизводства об окончании следственных действий;*
- *ознакомлением участников уголовного судопроизводства с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела* [15, с. 188].

Факультативная фаза состоит из процессуальных действий, выполнение которых обусловлено удовлетворением одного из ходатайств, предусмотренных ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ и заявленных участниками уголовного судопроизводства (обвиняемым, его защитником, потерпевшим и (или) его представителем) во время их ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела [15, с. 189].

Следует отметить, что рассмотрение в суде уголовных дел, дознание по которым проводилось в сокращенной форме, осуществляется в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ с изъятиями, установленными статьей 226.9 УПК РФ.

Правовой институт дознания в сокращенной форме включает в себя также *нормы уголовного права*, в частности, *нормы части пятой статьи 62 УК РФ «Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств»,* где говорится, что срок или размер наказания, назначаемого лицу, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, а *в случае, указанном в статье 226.9 УПК РФ, - одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление*.

***Дознание в сокращенной форме рассматривается также как уголовно-процессуальная форма*.**

Причем, некоторые исследователи рассматривают дознание в сокращенной форме как ***самостоятельную форму предварительного расследования*** (А. М. Долгов [9, с. 11], И. С. Дикарев [7]) либо ***разновидность дознания*** (Ю. В. Кувалдина [13, с. 54], И. А. Насонова, М. В. Зотова [15, с. 12-23]) или как ***особую форму единого досудебного производства*** (Л. А. Ярыгина [32, с. 9], Д. А. Григорьев [5, с. 11]).

Уголовно-процессуальный закон гласит, что предварительное расследование производится в форме предварительного

следствия и в форме дознания. Дознание производится в общем порядке и в сокращенной форме.

Отсюда мы делаем вывод, что дознание в сокращенной форме является одним из видов дознания, которое (дознание) служит также одной из форм предварительного расследования преступлений.

Сравнивая дознание в общем порядке и дознание в сокращенной форме, И. А. Насонова и М. В. Зотова [15, с. 12] *выделяют то, что их объединяет*: категория тяжести расследуемого преступления; субъекты, осуществляющие процессуальную деятельность; участники уголовного судопроизводства, выполняющие контрольно-надзорные функции; сокращенные сроки производства; приобретение лицом статуса обвиняемого лишь с вынесением итогового документа расследования; невключение в круг участников, наделенных правом ознакомления с материалами уголовного дела на завершающем этапе дознания, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей.

Авторы также отмечают также *то, что отличает дознание в сокращенной форме от дознания в общем порядке*: сокращенный срок расследования, обязательное участие защитника; обязательное согласие потерпевшего на производство в данной форме; упрощенная процедура доказывания; окончание производства расследования составлением обвинительного постановления [15, с. 19].

Если сопоставить перечисленные признаки друг с другом, то несложно заметить, что *ведущим из них будет упрощенная процедура доказывания*, а все остальные можно рассматривать либо как её следствие (например, сокращенный срок расследования, производство расследования заканчивается составлением обвинительного постановления), либо как условия, её разрешающие (обязательное участие защитника; обязательное согласие потерпевшего на производство в сокращенной форме дознания) [15, с. 19].

Авторы считают, что *сущность дознания в сокращенной форме сводится к упрощенной процедуре доказывания, которая выражается в положениях ст. 226.5 УПК РФ*, ориентирующих, *во-первых*, на установление более узкого, чем при других формах расследования, круга обстоятельств (событие преступления, характер и размер причиненного вреда, а также виновности лица в совершении преступления), *во-вторых*, на производство только тех следственных и иных процессуальных действий, непроизводство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств [15, с. 20].

Характеризуя сущность дознания в сокращенной форме, авторы отмечают, что *компромисс при отсутствии правового конфликта между сторонами строится на ожидании потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым следующих преференций.*

Потерпевшему благоприятствуют такие обстоятельства, как быстрота производства, приближающая восстановление его прав; уменьшение неудобств, связанных с его участием в процессе (например, снижение числа процессуальных действий, выполняемых в отношении него); признание подозреваемым, обвиняемым своей вины, характера и размера причиненного вреда, что увеличивает вероятность его возмещения.

Главная преференция для подозреваемого и обвиняемого заключается в том, что в судебном заседании без проведения судебного разбирательства постановляется в отношении него приговор, в котором назначенное наказание не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление [15, с. 23].

По мнению А. М. Долгова [9, с. 17], *«дознание по очевидным преступлениям» есть именно форма предварительного расследования, а не форма дознания.*

Очевидность преступления служит, на его взгляд, критерием для упрощения процессуального порядка производства предварительного расследования, а также основанием для выделения такой самостоятельной его формы, как «дознание в сокращенной форме». *Очевидность преступления выражается в том, что подозреваемый признает свою виду, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не*

оспаривает оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела [9, с. 10-11].

Критерий очевидности преступления как существенный фактор упрощения предварительного расследования позволяет сделать вывод о наличии *трех самостоятельных форм предварительного расследования: предварительного следствия, дознания в обычной форме и дознания по очевидным преступлениям* [9, с. 11].

Автор утверждает, что регламентированная главой 32.1 УПК РФ форма предварительного расследования является не «дознанием в сокращенной форме», а «дознанием по очевидным преступлениям», и именно так её и следует именовать [9, с. 17].

Д. А. Григорьев [5, с. 11] предлагает оставить самостоятельные формы предварительного расследования – предварительное следствие и дознание в общем порядке (с оптимизацией его процедуры и сокращением сроков производства), а также дознание в виде выполнения неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно, в порядке, установленном ст. 157 УПК РФ.

По его мнению, дознание в сокращенной форме следует трансформировать в принципиально иное производство, по своей сущности, не являющееся формой предварительного расследования и представляющее собой *отдельное ускоренное досудебное производство* [5, с. 11].

И. С. Губарев [6, с. 17] также предлагает исключить главу 32.1 УПК РФ и дополнить УПК РФ главой 32.2 «Сокращенное досудебное производство по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести».

Л. А. Ярыгина [32, с. 9] рассматривает дознание в сокращенной форме не как форму дознания или предварительного расследования, а как *особую форму единого досудебного производства*, начинающегося регистрацией сообщения о преступлении и завершающегося направлением уголовного дела с обвинительным постановлением прокурору.

В обоснование своей позиции автор считает, что ускорение процесса доказывания при производстве дознания в сокращенной форме вопреки распространенному мнению достигается не за счет ограничения предмета и пределов доказывания, а за счет отказа от сложных и трудоемких способов собирания доказательств (следственных действий) в пользу более простых и малозатратных (непроцессуальных) способов получения информации на этапе проверки сообщения о преступлении. Обусловленная простотой и ясностью состава преступления, возможность использования в доказывании информации, полученной до возбуждения уголовного дела, фактически стирающая грань между процессуальными и непроцессуальными видами деятельности, позволяет обосновать вывод об искусственности деления досудебного производства на две стадии, как минимум, по рассматриваемой категории дел [32, с. 9].

По мнению данного автора, *вместо сокращенной формы дознания фактически была создана особая форма досудебного производства по делам о малозначительных преступлениях,* ликвидирующая грань между стадиями досудебного производства и между следственной и неследственной формами деятельности [32, с. 18].

Характеризуя дознания в сокращенной форме как уголовно-процессуальную форму, ряд исследователей считают его ***видом ускоренного производства*** (О. В. Качалова [12, с. 16-17], И. В. Широков [29, с. 11], Н. М. Журавлева [10, с. 10], В. М. Герасенков [3, с. 11]), другие исследователи – ***видом упрощенного производства*** (Д. А. Григорьев [5, с. 11, с. 17], А. М. Долгов [9, с. 10], Л. А. Ярыгина [32, с. 12], М. Т. Аширбекова [1, с. 13], Ю. С. Митькова [14, с. 74], В. Г. Глебов [4, с. 17-19], А. В. Романова [21, с. 83], В. Г. Степанова [26, с. 263-264], А. С. Закотянский [11, с. 107-108], Ю. В. Кувалдина [13, с. 44]).

Одна группа исследователей относит дознание в сокращенной форме к ускоренному производству.

Что представляет собой ускоренное производство? По мнению О. В. Качаловой [12, с. 16], *ускоренное производство* в уголовном процессе – самостоятельный правовой институт, регулирующий отношения,

возникающие при производстве по отдельным категориям уголовных дел, осуществляемом *в особой процессуальной форме, в основе которой лежит сокращение процесса доказывания.*

Этот институт состоит из совокупности уголовно-процессуальных норм, регулирующих отдельные, относительно *самостоятельные виды ускоренного производства: сокращенный порядок судебного разбирательства, сокращенный порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, дознание в сокращенной форме* с последующим рассмотрением уголовного дела судом в ускоренном порядке [12, с. 16-17].

Автор выделяет *характерные признаки данного института: основные* (определяющие правовую природу ускоренных производств – сокращение процесса доказывания; отказ обвиняемого от полноценной судебной процедуры рассмотрения дела; инициирование лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование) и *дополнительные* (не являющиеся специфическими исключительно для данных уголовно-процессуальных форм – отсутствие спора относительно предъявленного обвинения; учет посткриминального поведения лица, совершившего преступление; неизменность уголовно-правовой оценки содеянного, не зависящей от воли сторон соглашения, основанной на строгом соответствии вменяемому объема обвинения фактическим обстоятельствам дела; единая аксиологическая сущность всех видов ускоренного производства) [12, с. 17].

По мнению автора, *реализация ускоренных процедур* института сокращенного порядка судебного разбирательства *при проведении дознания в сокращенной форме состоит из двух этапов – дознания, проводимого в сокращенной форме, и судебного разбирательства, осуществляемого в особом порядке* [12, с. 42].

Автор отмечает, что при данной форме ускоренного производства происходит *редукция*[1] *доказывания*. *Редукция доказывания* в рассматриваемой модели ускоренного производства *складывается из трех элементов: сужение предмета доказывания, сокращение обязанности доказывания и упрощение процесса доказывания,* который, в свою очередь состоит из ускорения этапа собирания доказательств, исключения этапа проверки доказательств и сокращения этапа судебного следствия. *Конструкция ускоренного порядка судебного разбирательства при проведении дознания в сокращенной форме основана на* ***двойной редукции доказывания – в ходе досудебного производства по делу и при разрешении дела судом*** [12, с. 42].

В. М. Герасенков [3, с. 11] определяет *ускоренное досудебное производство* как особую совокупность процедур, в основе которой лежит *сокращение ряда процессуальных действий, а также ускорение времени их производства*.

По мнению автора, в зависимости от совокупности процессуальных элементов, составляющих ту или иную форму ускоренного досудебного производства, *все ускоренные производства могут быть классифицированы на общие, согласительные (компромиссные) и протокольные* [3, с. 11].

Общее ускоренное досудебное производство характеризуется установлением более сокращенного по сравнению с предварительным следствием срока предварительного расследования, а также изъятиями из порядка процессуальной регламентации отдельных следственных и процессуальных действий [3, с. 11].

Согласительное (компромиссное) ускоренное досудебное производство базируется на положительном посткриминальном поведении лица, совершившего преступление, направленном на признании вины в совершении преступления, согласие с уголовно-правовой квалификацией деяния, с характером и размером причиненного им вреда и иными юридически значимыми действиями, предусмотренными уголовно-процессуальным законом. Основой указанного производства является компромисс, направленный на скорейшее разрешение уголовно-правового конфликта посредством взаимных уступок сторон уголовного судопроизводства. Данное

1 Редукция – уменьшение, ослабление чего-нибудь [17, с. 665].

производство обладает свойствами соглашения публично-правового характера [3, с. 11].

Протокольное ускоренное досудебное производство применяется только по делам о преступлениях небольшой тяжести, строго определенных уголовно-процессуальным законом, независимо от наличия либо отсутствия положительного посткриминального поведения лица, совершившего преступление [3, с. 11].

Автор выделяет *способы ускорения досудебного производства: общий и специальный* [3, с. 12].

К общему способу ускорения досудебного производства относится сокращение срока производства расследования, а также изъятие из порядка процессуальной регламентации отдельных следственных и процессуальных действий.

Установление более сокращенного срока расследования является *основным (базовым) критерием* общего способа ускорения досудебного производства, а изъятие из порядка процессуальной регламентации отдельных следственных и процессуальных действий – *дополнительным (факультативным) критерием* [3, с. 12].

Специальным способом ускорения досудебного производства является сокращение процесса доказывания, в которое входит сужение предмета доказывания, редукция обязанности доказывания, коррекция этапа проверки доказательств и ограничение средств доказывания [3, с. 12].

Специальный способ ускорения досудебного производства свойственен только для форм, характеризующихся специализированным режимом процессуального производства, к которым относятся *дознание в сокращенной форме*, осуществляемое на основе положительного посткриминального поведения лица, совершившего преступление, *и протокольное досудебное производство* [3, с. 12].

Автор считает, что эффективная организация ускоренного досудебного производства может быть реализована в виде *трех процессуальных моделей:*

1) дознание в общем порядке;

2) дознание в сокращенной форме, в основе которого лежит положительное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление;

3) протокольного досудебного производства, применяемого по делам о преступлениях небольшой тяжести, совершенных в условиях очевидности [3, с. 12].

И. В. Широков [29, с. 11] полагает, что особый порядок уголовного судопроизводства (при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также при производстве дознания в сокращенной форме) является одним из видов дифференциации уголовного судопроизводства, направлен на ускорение и упрощение процессуальной формы с целью сокращения доказывания при рассмотрении уголовного дела судом.

В связи с изложенным *три разновидности особого порядка целесообразно объединить в институт ускоренного производства, в котором они являются его подинститутами.*

По мнению Н. М. Журавлевой [10, с. 10], *дознание в сокращенной форме – это ускоренная форма расследования* по уголовному делу о преступлении, подследственном органам дознания, которое производится по ходатайству подозреваемого, заявленному в присутствии защитника, в сокращенные сроки при наличии условий, предусмотренных частью второй ст. 226.1 УПК РФ, характеризующегося упрощенным порядком собирания, проверки и оценки доказательств, и завершающегося составлением обвинительного постановления.

Список литературы

1. Аширбекова М. Т. О критериях дифференциации форм дознания // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – С. 7-14.
2. Гаврилов Б. Я., Кузнецов А. Н. Уголовный процесс: дознание в сокращенной форме: учебное пособие для СПО. – М. : Юрайт, 2023. – 247 с.

3. Герасенков В. М. Модели ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2020.
4. Глебов В. Г. К вопросу об эффективности сокращенных форм досудебного производства в уголовном процессе // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – С. 15-29.
5. Григорьев Д. А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2018. – 30 с.
6. Губарев И. С. Теоретико-правовая модель сокращенного досудебного производства по преступлениям небольшой и средней тяжести: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2019.
7. Дикарев И. С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – С. 22-34.
8. Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – 113 с.
9. Долгов А. М. Дознание как форма предварительного расследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2016. – 27 с.
10. Журавлева Н. М. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования, теории и правоприменения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Омск, 2020. – 26 с.
11. Закотянский А. С. Анализ практики дознания в сокращенной форме по материалам Самарской области // Юридический вестник Самарского государственного университета. – 2015. – Т. 1. – № 2. – С. 107-113.
12. Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2016.
13. Кувалдина Ю. В. Сокращенное судопроизводство: вчера, сегодня // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 1 (11). – С. 44-54.
14. Митькова Ю. С. Сокращенное дознание и полномочия начальника подразделения дознания // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – С. 74-79.
15. Насонова И. А., Зотова М. В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: монография / под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации О. А. Зайцева. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 224 с.
16. Никифоренко Ю. Л. Осуществление уголовного преследования в упрощенных формах: доктрина, законодательная техника и правоприменительная практика автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2018. – 33 с.
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М. : Советская энциклопедия, 1970.
18. Пестов А. Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2016. – 29 с.
19. Печников Г. А. Сокращенная форма дознания и объективная истина в уголовном процессе // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – С. 87-94.
20. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Романова А. В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 2 (12). – С. 83-87.
22. Самолаева Е. Ю. Правовые последствия производства дознания в сокращенной форме // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2018. – № 2 (55). – С. 166-169.
23. Сильвестров П. С., Марфицин П. Г. Проблемы правоприменения при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Право. – 2015. – № 5-6. – С. 312-314.
24. Скобкарева Е. А. Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2018. – 21 с.
25. Соловьева Н. А. Сокращенное дознание в системе отечественного восстановительного правосудия // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – С. 95-103.
26. Степанова В. Г. Отдельные вопросы производства дознания в сокращенной форме // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 3. – С. 263-273.
27. Халиулин А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. – 224 с.
28. Халиулин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): дис. … д-ра юрид. наук. – М., 1997. – 261 с.
29. Широков И. В. Особенности реализации прав потерпевшего при осуществлении уголовного судопроизводства в особом порядке: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2022. – 27 с.
30. Шуваткин А. В. Окончание дознания в сокращенной форме составлением обвинительного постановления // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 77-82.
31. Ярыгина Л. А. Является ли сокращенным «сокращенное дознание»? // Юридический вестник Самарского университета. – 2016. – Т. 2. – № 4. – С. 132-139.
32. Ярыгина Л. А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Самара, 2017. – 22 с.

УДК 343.13

© Андрей Михайлович Наумов
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин
Владимирского филиала РАНХиГС,
г. Владимир
Naumov_a@vlad.ranepa.ru

A. M. Naumov
Candidate of Law,
Assistant professor,
Head of the Department
of Criminal Law disciplines
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ (ЧАСТЬ 2)

On the legal nature of the inquiry in an abbreviated form (part 2)

Аннотация. Федеральным законом № 23-ФЗ от 04.03.2013 г. в УПК РФ была введена новая глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме», включающая статьи 226.1-226.9 УПК РФ, относящиеся как к досудебной стадии уголовного судопроизводства, так и к судебной стадии. Законодатель ввел новую форму предварительного расследования преступлений – дознание в сокращенной формы, отличающуюся от дознания в обычной форме. Особенностями данной формы является то, что дознание в сокращенной форме осуществляется на основании письменного ходатайства подозреваемого и при условии, что уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам преступления небольшой или средней тяжести, подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела. Уголовные дела, по которым проводится дознание в сокращенной форме, рассматриваются судами в особом порядке и наказание по ним назначается в размере, не превышающем одной второй максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Создание данного процессуального института и практика его применения вызвали широкую дискуссию среди ученых. Автором анализируются точки зрения на данный процессуальный институт и делается попытка раскрыть правовую природу дознания в сокращенной форме.

Annotation. Federal Law No. 23-FZ of 03/04/2013 introduced a new Chapter 32.1 "Inquiry in abbreviated form" into the CPC of the Russian Federation, including Articles 226.1-226.9 of the CPC of the Russian Federation relating to both the pre-trial stage of criminal proceedings and the judicial stage. The legislator introduced a new form of preliminary investigation of crimes – an inquiry in an abbreviated form, which differs from an inquiry in the usual form. The peculiarities of this form are that the inquiry in an abbreviated form is carried out on the basis of a written request from the suspect and provided that a criminal case has been initiated against a particular person on the grounds of a crime of small or medium gravity, the suspect admits his guilt, the nature and extent of the harm caused by the crime, and also does not dispute the legal assessment of the act given in the resolution on the initiation of a criminal case. Criminal cases in which an inquiry is conducted in an abbreviated form are considered by the courts in a special order and punishment for them is imposed in an amount not exceeding one second of the maximum term or the amount of the most severe type of punishment provided for the committed crime. The creation of this procedural institution and the practice of its application have caused a wide discussion among scientists. The author analyzes the points of view on this procedural institution and attempts to reveal the legal nature of the inquiry in an abbreviated form.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, уголовно-процессуальный институт, уголовно-процессуальная форма, особый порядок.

Keywords: inquiry in abbreviated form, criminal procedure institute, criminal procedure form, special procedure.

Другая группа исследователей относит дознание в сокращенной форме к упрощенной форме судопроизводства.

Д. А. Григорьев [5, с. 11] полагает, что дифференциацию процессуальной формы производства дознания следует определить как обособление из общей системы процессуальных норм, регламентирующих производство дознания в общем порядке, группы норм, устанавливающих *особый порядок производства по уголовному делу – упрощенный (дознание в сокращенной форме).*

По мнению данного автора, *в настоящий момент упрощенными формами предварительного расследования являются дознание в общем порядке и дознание в сокращенной форме*, в связи с чем следует констатировать, что законодателем процессуальная форма производства дознания дифференцирована [5, с. 17].

А. М. Долгов [9, с. 10] считает, что дознание в общем порядке выступает основной формой стадии предварительного расследования и является «отправной точкой» при её дифференциации. Об этом свидетельствует официальная статистика о количестве преступлений, расследованных в форме дознания, которое превышает количество уголовных дел, расследуемых в иных формах. На этом основании *предварительное следствие следует рассматривать как усложненную (привилегированную) форму, а сокращенное дознание – как упрощенную форму этой стадии*.

По мнению Л. А. Ярыгиной [25, с. 12, с. 40], дознание в сокращенной форме (глава 32.1) соответствует уже завоевавшей свои позиции *тенденции к упрощению уголовного процесса* путем введения особых порядков судебного разбирательства при досудебном соглашении о сотрудничестве (глава 40.1) и согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40).

Появление в отечественном уголовном процессе гл. 40 и 40.1 УПК РФ, а затем гл. 32.1 о сокращенном дознании выступает *проявлением последовательного упрощения уголовного судопроизводства.*

Автор отмечает, что в главе 32.1 УПК РФ законодатель впервые предусмотрел *одновременное упрощение досудебного и судебного этапов судопроизводства по уголовным делам,* что значительно отличает её от положений закона, содержащихся в гл. 40 и 40.1 УПК РФ [25, с. 12].

М. Т. Аширбекова [1, с. 13] полагает, что законодатель под понятием «сокращенная форма» имеет в виду не столько краткие сроки дознания, сколько деятельностную сторону – *упрощение производства за счет изъятий в доказывании.* К таковым относятся положения ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ.

В. Г. Глебов [4, с. 17], рассматривая любое упрощение основной процессуальной формы или процедуры, отмечает, что напрашивается двоякий вывод о том, что, во-первых, если такая возможность сокращения существует, значит, имеется что-то лишнее – то, что устраняется или упрощается, а во-вторых, насколько эффективно и безболезненно подобное преобразование.

Анализ и сравнение введенного в уголовный процесс сокращенного дознания с его общим порядком, а также с другими особыми (как выше отмечалось, по сути сокращенными) производствами по уголовному делу позволяет констатировать наличие нескольких групп изменений. Это сокращение процессуальных сроков, прав или обязанностей участников уголовного судопроизводства [4, с. 17-18].

Суть сокращения не только в уменьшении сроков; изменения более глубокие, так как они затрагивают стержневой элемент уголовно-процессуальной деятельности – правовое положение участников процесса и доказывание. Причем именно в этом проявляется не сокращение, а упрощение, что уже несет потенциальную угрозу качеству этой деятельности [4, с. 18].

Такое упрощение, по мнению автора, уже видится в том, что даже при проведении дознания в обычном порядке из досудебного производства по уголовному делу фактически исключается такая ключевая фигура как обвиняемый. Его подменили подозреваемым как лицом, «которое уведомлено о подозрении в совершении преступления» (п. 4 ч. 1 ст. 46, ст. 223.1 УПК РФ) и которое, соответственно, не имеет того объема прав, которыми наделяет-

ся обвиняемый для обеспечения возможности защиты своих интересов [4, с. 18-19].

При определении правил сокращенного дознания законодатель шагнул ещё дальше, упростив процесс доказывания и поставив его в значительной мере зависимость от усмотрения дознавателя. Дознаватель наделяется рядом прав на упрощение процедуры доказывания «с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела» [4, с. 19].

И. С. Дикарев [7, с. 25] правильно отмечает, что, разрабатывая конструкцию дознания в сокращенной форме, законодатель активно использовал накопленный опыт регламентации и применения успешно зарекомендовавших себя особых порядков принятия судебных решений, предусмотренных главами 40 и 40.1 УПК РФ. Существенной новацией стала попытка законодателя добиться снижения процессуальных затрат через оптимизацию процесса доказывания в ходе *досудебного производства*. Подобная технология законодателем используется впервые – ранее процессуальная экономия обеспечивалась преимущественно в ходе *судебного производства* за счет сокращения судебного следствия при применении особых порядков принятия судебных решений.

Автор указывает, что в отличие от судебного производства, где процессуальная экономия при применении порядков, предусмотренных главами 40 и 40.1 УПК РФ, обеспечивается благодаря освобождению суда от обязанности исследовать и оценивать доказательства, собранные по делу стороной обвинения и не оспариваемые стороной защиты, в ходе предварительного расследования ощутимой процессуальной экономии можно добиться лишь за счет сокращения объема работы по собиранию доказательств [7, с. 26].

Ю. С. Митькова [14, с. 74] отмечает, что *сокращенное дознание представляет собой упрощенный вариант досудебного производства* и заключается в проведении дознания в относительно сжатые сроки и в возможности оптимального ограничения объема следственных и процессуальных действий, направленных на установление фактических обстоятельств уголовного дела с целью достижения процессуальной экономии.

Упрощение производства по уголовным делам, в частности, может быть выражено в дозволении не проверять доказательства, если они не были оспорены сторонами; не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении; не производить следственные и процессуальные действия, если необходимые сведения, содержащиеся в материалах проверки сообщения о преступлении, отвечают требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам [14, с. 74].

А. В. Романова [18, с. 83] считает *дознание в сокращенной форме сокращенным (упрощенным) производством.*

По мнению автора, под *упрощенным производством* в уголовном процессе понимается самостоятельное производство по делам, обладающим особенностями, объективно требующими быстроты осуществления уголовно-процессуальной деятельности и простоты уголовно-процессуальной формы; упрощенное производство осуществляется обычно быстрее и с меньшими затратами, нежели обычное.

В. Г. Степанова [20, с. 263] пишет, что *идея упрощенного досудебного производства* в уголовном процессе получила нормативное воплощение в Федеральном законе от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ.

Соответствуя общим правилам производства дознания, предусмотренным гл. 32 УПК РФ, *производство дознания в сокращенной форме,* тем не менее, *следуя своему назначению как упрощенной форме предварительного расследования*, предполагает наличие определенных, присущих исключительно ему условий и порядка производства. Так, дознание в сокращенной форме производится с обязательным соблюдением определенных оснований, условий, требований и сроков [20, с. 264].

А. С. Закотянский [11, с. 107-108] обоснованно отмечает, что *дознание в сокращенной форме допускает возможность*

одновременного упрощения досудебного и судебного этапов уголовного процесса вплоть до принятия процессуальных решений исключительно на основании непроцессуальной информации.

Является нонсенсом и с точки зрения практики, и с точки зрения теории доказательств право дознавателя при производстве дознания в сокращенной форме прямо использовать результаты познавательных действий, форма проведения которых никак не урегулирована УПК РФ – объяснений лиц и исследований предметов, документов и трупов, проведенных в ходе проверки сообщений о преступлении (п. 1-3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ) [11, с. 107].

Автор указывает, что, поскольку дознание в сокращенной форме предполагает последующее вынесение приговора в особом порядке, при котором суд не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу (ч. 1 ст. 226.9, ч. 5 ст. 316 УПК РФ), то вынесение итогового процессуального решения также становится возможным на основании непроцессуальной (деформализованной) информации, полученной из «объяснений» и «исследований» [11, с. 107].

Ю. В. Кувалдина [13, с. 44] констатирует, что Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 года для разрешения определенных категорий уголовных дел введена ещё одна *упрощенная уголовно-процессуальная форма – сокращенное дознание* (гл. 32.1 УПК РФ).

Автор считает, что идею упрощения уголовного процесса законодатель реализовал не путем создания новой автономной досудебной процедуры. Сокращенное дознание – это одна из форм стадии предварительного расследования или разновидность дознания. А поскольку это так, мы ждем от процедуры традиционно присущих стадии предварительного расследования институтов, лишь за некоторыми изъятиями. Вместо этого получаем производство, в котором нет ни предварительного расследования, ни судебного разбирательства. Есть лишь доследственная проверка, материалы которой без проверки принимаются сначала органом дознания, а затем судом в качестве доказательств [13, с. 54].

Теперь, по мнению автора, два этапа производства по делу – возбуждение дела и предварительное расследование – слиты в один. Постановление о возбуждении уголовного дела уже не выполняет своего предназначения – акта, после вынесения которого материалы, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, оформляются следственным путем в качестве доказательств [13, с. 54].

Автор делает вывод, что *законодатель предложил конструкцию не упрощенную, а граничащую с процессуальным упрощенчеством*. Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые считают недопустимым одновременное упрощение досудебного и судебного производства. Даже в процедурах, предусмотренных гл. 40 и 40.1 УПК РФ, упрощенное судебное разбирательство компенсируется сохранением стадии предварительного расследования в полном объеме [13, с. 54].

По мнению Ю. Л. Никифоренко [16, с. 12], есть принципиальное различие между *«упрощением» и «ускорением»* процессуальной формы правоприменения.

Ускоряют уголовное преследование и достижение его цели – применение уголовного закона к лицу, совершившему преступление, – *процедуры, предусмотренные главами 40, 40.1 УПК РФ*, однако все они предполагают *проведение полного предварительного расследования и не освобождают обвинителя от бремени доказывания обвинения. Это есть ускорение производства (уголовного преследования) без упрощения доказывания и сокращения предварительного расследования.*

Упрощением формы можно считать каждую специально предусмотренную Кодексом процедуру, которая ведет к применению уголовного закона с *сокращением расследования (доказывания)* основания применения уголовного закона [16, с. 13].

Только процедура дознания в упрощенной форме отвечает всем требованиям упрощенной формы правоприменения: законодатель специально предусмотрел сокращение досудебного уголовного преследования и производства доказывания; имеет место бесспорность ситуации и очевидность преступле-

ния; обязательное согласие сторон на применение уголовного закона; предусмотрено рассмотрение дела судом в особом порядке – вынесение обвинительного приговора [16, с. 13].

Среди взглядов других исследователей на правовую природу дознания в сокращенной форме можно выделить позиции тех, которые относят *дознание в сокращенной форме к институту восстановительного правосудия* (Н. А. Соловьева [19, с. 95-103]), *к форме уголовного преследования* (Ю. Л. Никифоренко [16], А. В. Шуваткин [24]), а также считают его *сделкой о признании вины* (Г. А. Печников [17], Ю. В. Кувалдина [13]).

Некоторые исследователи относят дознание в сокращенной форме к институту восстановительного правосудия.

Что такое восстановительное правосудие? Ответ на этот вопрос мы находим в работах Н. А. Соловьевой [19, с. 97], которая считает, что движение к распространению на уголовное правосудие моделей разрешения конфликтов, базирующихся на идеях согласия и примирения, описывается разными терминами – «восстановительное правосудие», «общинное правосудие», «неформальное правосудие», «реституционное правосудие» (в документах ООН).

По мнению данного автора, основным стержнем восстановительного правосудия является улаживание конфликта между людьми без использования традиционных репрессивных средств уголовного судопроизводства [19, с. 97].

Автор считает, что ключевыми особенностями процессуального регулирования восстановительного правосудия можно выделить следующие.

1. Признание подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда.

2. Допустимость отступления от ряда базовых принципов уголовного судопроизводства на его досудебных стадиях, и, в первую очередь, от принципов полноты и всесторонности расследования и обеспечения права на защиту. Однако этому сопутствует их исчерпывающее восполнение при рассмотрении дела в суде.

3. Сокращение предмета доказывания по делам, по которым заявлено ходатайство о проведении дознания в сокращенной форме.

4. Законодательно четко регламентируются процессуальные особенности упрощенного судопроизводства, в том числе сокращенные сроки его производства, а также система его процессуальных гарантий.

5. Особо устанавливаются правила и условия «превращения» упрощенного судопроизводства в обычное.

6. Согласование позиции подозреваемого с позицией потерпевшего [19, с. 102-103].

Перечислив эти особенности, автор делает вывод, *что они в полной мере характеризуют и институт сокращенного дознания, позволяя предположить о его согласованности и включенности в систему восстановительного правосудия* [19, с. 103].

Ряд исследователей считает дознание в сокращенной форме не формой предварительного расследования преступлений, а формой уголовного преследования.

Ю. Л. Никифоренко [16, с. 22] критически относится к определению уголовного преследования через понятие *функции*, сформулированное советской правовой доктринальной идеей и неразрывно связанное со следственной правовой организацией уголовно-процессуальной деятельности.

От себя заметим, что мы можем поразному относится к правовым доктринам, пока они не закреплены в нормах закона. Но как только они становятся нормами закона, они являются обязательными для исполнения. Функциональный подход, который критикует автор, положен в основу УПК РФ и закреплен в ст. 15 УПК РФ «Состязательность сторон». В частности, в части 2 статьи 15 УПК РФ сказано, что функция обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

Там же говорится, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для

исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

С этой точки зрения нельзя согласится с предложенным автором делением уголовного преследования на досудебное и судебное уголовное преследование и вводимым автором понятием *судебного уголовного преследования.*

По мнению автора, досудебное уголовное преследование – это любая деятельность, связанная с подготовкой обвинения, но сам акт предъявления обвинения не должен входить в пределы досудебного преследования. Предъявление обвинения должно быть актом судебного уголовного преследования [16, с. 23].

С данным утверждением автора нельзя согласиться, поскольку предъявление обвинения является элементом деятельности по уголовному преследованию, а суд по закону не является органом уголовного преследования, и мы не можем возлагать на него данную функцию. Неудачен с этой точки зрения и сам термин *судебное уголовное преследование*, поскольку на суд не может быть возложена функция уголовного преследования. Суд осуществляет другую функцию – разрешения уголовного дела.

По мнению автора, в смешанном типе процесса понятие «уголовное преследование» подменяется понятием «предварительное расследование» как всесторонняя совместная деятельность судебно-следственных органов [16, с. 22].

Следует заметить, что этот упрек мы можем адресовать как раз автору данного утверждения, поскольку именно он смешивает две совершенно различные процессуальные функции: уголовного преследования и расследования преступлений, которые могут быть близки по содержанию, но никогда не совпадают.

Отказ от следования функциональному подходу, закрепленному в уголовно-процессуальном законе, приводит исследователя к смешению понятий различных функций.

Неудивительно, что автор даёт такое определение дознания в сокращенной форме: *данная форма дознания является упрощенной формой осуществления* ***уголовного преследования*** [16, с. 25].

Мы видим здесь смешение двух совершенно различных процессуальных функций: функции уголовного преследования и функции расследования преступлений.

Напомним, что дознание в сокращенной форме является видом дознания, а дознание является одной из форм предварительного расследования преступлений, т.е. осуществления функции расследования преступлений.

Функция уголовного преследования на досудебных стадиях осуществляется в двух формах: подозрение и обвинение. Дознание в сокращенной форме не является формой осуществления уголовного преследования.

Однако мы можем говорить, что уголовное преследование в рамках главы 32.1 УПК РФ имеет свои особенности, что позволяет утверждать, что одной из форм уголовного преследования в зависимости от порядка судебного разбирательства в суде первой инстанции является уголовное преследование при рассмотрении в суде в особом порядке уголовного дела, дознание по которому производилось в сокращенной форме (в порядке ст. 226.9 УПК РФ).

Ещё один автор А. В. Шуваткин [24] также допускает смешение процессуальных функций расследования преступлений и уголовного преследования.

Давайте посмотрим на логику рассуждения данного автора.

Уголовное преследование на стадии предварительного расследования осуществляется в определенных формах, закрепленных в УПК РФ.

Под формой уголовного преследования, по нашему мнению, необходимо понимать законодательно закрепленный процессуальный порядок производства по уголовным делам.

До 2013 года УПК предусматривал возможность осуществления уголовного преследования в двух процессуальных формах: в форме предварительного следствия и дознания.

Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ в УПК РФ введена глава 32.1,

посвященная производству дознания в сокращенной форме.

В связи с этим обоснованно возникает вопрос о возможности отнесения дознания в сокращенной форме к самостоятельной форме уголовного преследования.

Для ответа на этот вопрос представляется необходимым обратиться к структуре и формулировкам УПК РФ.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 150 УПК РФ предварительное расследование может производиться в форме дознания или предварительного следствия. Законодателем устанавливается возможность производства дознания в двух формах: в общем порядке и в сокращенной форме (ч. 1.1 ст. 150 УПК РФ).

Обращая внимание на структуру глав УПК РФ, мы также видим, что глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме» является частью главы 32 «Дознание».

Исходя из анализа приведенных норм, очевидно, следует, что уголовное преследование на стадии предварительного расследования осуществляется в форме следствия и дознания, которое осуществляется либо в общей, либо в сокращенной форме.

Уголовное преследование при проведении дознания в сокращенной форме завершается составлением обвинительного постановления [24, с. 78].

Анализируя приведенные выше взгляды данного автора, хотелось бы отметить, с чем можно согласиться и с чем согласиться нельзя.

Следует согласиться с автором, что уголовное преследование – это уголовно-процессуальная функция, против чего выступала Ю. Л. Никифоренко. Автор также правильно определяет форму уголовного преследования как закрепленный уголовно-процессуальным законом порядок производства по уголовному делу.

Однако вызывает возражение отнесение автором к формам уголовного преследования предварительного следствия и дознания. Представляется, что причина допущенной автором ошибки – это игнорирование понятия уголовного преследования, содержащегося в п. 55 ст. 5 УПК РФ. Если бы автор внимательно прочитал данное определение, то он не допустил бы такой ошибки.

Давайте посмотрим на текст уголовно-процессуального закона.

Уголовное преследование определяется как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Анализируя данную норму закона, мы можем сказать, что функция уголовного преследования и функция расследования преступлений – это две разные процессуальные функции. Объединяет их то, что содержание и той, и другой функций образуют определенные процессуальные (следственные и иные) действия.

Однако цели их не совпадают. Цель функции уголовного преследования заключается лишь в изобличении виновного в совершении преступления. Цель функции расследования преступления шире и не ограничивается только установлением виновного и привлечением его к уголовной ответственности. Следователь и дознаватель в ходе расследования преступления помимо установления виновного лица и получения доказательств его вины в совершенном преступлении обязан также выяснить обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, установить обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, выяснить обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Данные процессуальные действия никак нельзя отнести к сфере уголовного преследования. Поэтому мы видим, что функция расследования преступлений является шире по объему функции уголовного преследования.

Соотношение данных функций можно представить как отношение части к целому. Уголовное преследование – это достаточно узкая обвинительная деятельность, которая является только частью процессуальной деятельности по расследованию преступлений. Эти две функции могут не совпадать ни по моменту начала, ни по моменту их завершения.

Автор, чьи взгляды мы анализируем, не обратил внимание на очень важные слова, которые содержатся в приведенном выше

законодательном определении уголовного преследования. Там говорится об уголовном преследовании в отношении *подозреваемого и обвиняемого. Именно подозрение и обвинение являются формами уголовного преследования, а не следствие и дознание, как утверждает автор.*

Подобных взглядов придерживается и профессор А. Г. Халиулин, один из ведущих специалистов по уголовному преследованию [21, с. 35; 22, с. 40].

Предварительное следствие и дознание являются формами предварительного расследования преступлений, причем дознание существует в двух видах: в общем порядке и в сокращенной форме. Предварительное расследование преступлений образует содержание функции расследования преступлений, а не функции уголовного преследования.

И ещё на один момент хотелось бы обратить внимание. Автор утверждает, что уголовное преследование при проведении дознания в сокращенной форме завершается составлением обвинительного постановления.

С этим утверждением также нельзя согласиться, поскольку и после составления обвинительного постановления обвинительная деятельность, составляющая уголовное преследование, продолжается. В частности, начальник органа дознания утверждает обвинительное постановление, после чего уголовное дело с обвинительным постановлением направляется прокурору. Прокурор также утверждает обвинительное постановление. Действия начальника органа дознания и прокурора по утверждению обвинительного постановления несомненно относятся к проявлениям функции уголовного преследования.

Справедливости ради надо сказать, что уголовное преследование может завершиться и вынесением прокурором постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по основаниям, предусмотренным статьями 24, 25, 27, 28 и 28.1 УПК РФ.

Список литературы

1. Аширбекова М. Т. О критериях дифференциации форм дознания // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – С. 7-14.
2. Гаврилов Б. Я., Кузнецов А. Н. Уголовный процесс: дознание в сокращенной форме: учебное пособие для СПО. – М. : Юрайт, 2023. – 247 с.
3. Герасенков В. М. Модели ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2020.
4. Глебов В. Г. К вопросу об эффективности сокращенных форм досудебного производства в уголовном процессе // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – С. 15-29.
5. Григорьев Д. А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2018. – 30 с.
6. Губарев И. С. Теоретико-правовая модель сокращенного досудебного производства по преступлениям небольшой и средней тяжести: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2019.
7. Дикарев И. С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – С. 22-34.
8. Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – 113 с.
9. Долгов А. М. Дознание как форма предварительного расследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2016. – 27 с.

10. Журавлева Н. М. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования, теории и правоприменения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Омск, 2020. – 26 с.
11. Закотянский А. С. Анализ практики дознания в сокращенной форме по материалам Самарской области // Юридический вестник Самарского государственного университета. – 2015. – Т. 1. – № 2. – С. 107-113.
12. Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2016.
13. Кувалдина Ю. В. Сокращенное судопроизводство: вчера, сегодня // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 1 (11). – С. 44-54.
14. Митькова Ю. С. Сокращенное дознание и полномочия начальника подразделения дознания // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – С. 74-79.
15. Насонова И. А., Зотова М. В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: монография / под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации О. А. Зайцева. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 224 с.
16. Никифоренко Ю. Л. Осуществление уголовного преследования в упрощенных формах: доктрина, законодательная техника и правоприменительная практика автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2018. – 33 с.
17. Печников Г. А. Сокращенная форма дознания и объективная истина в уголовном процессе // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – С. 87-94.
18. Романова А. В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 2 (12). – С. 83-87.
19. Соловьева Н. А. Сокращенное дознание в системе отечественного восстановительного правосудия // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – С. 95-103.
20. Степанова В. Г. Отдельные вопросы производства дознания в сокращенной форме // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 3. – С. 263-273.
21. Халиулин А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. – 224 с.
22. Халиулин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): дис. … д-ра юрид. наук. – М., 1997. – 261 с.
23. Широков И. В. Особенности реализации прав потерпевшего при осуществлении уголовного судопроизводства в особом порядке: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2022. – 27 с.
24. Шуваткин А. В. Окончание дознания в сокращенной форме составлением обвинительного постановления // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 77-82.
25. Ярыгина Л. А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Самара, 2017. – 22 с.

УДК 343

© Анастасия Николаевна Орлова
кандидат юридических наук,
доцент кафедры юриспруденции
Муромского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых»,
г. Муром
e-mail: hactia1988@mail.ru

Anastasia Nikolaevna Orlova
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Jurisprudence
of the Murom Institute (branch) of Vladimir State University named
after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov,
Murom

© Анастасия Артемовна Михеева
студентка 4 курса
гуманитарного факультета
Муромского института (филиала) ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г.Столетовых»,
г. Муром
e-mail: misbheeva@gmail.com

Anastasia Artemovna Mikheeva
4th year student
Faculty of Humanities
Murom Institute (branch)
of Vladimir State University named
after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov,
Murom

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КРИТИКА И ОДОБРЕНИЕ

Administrative prejudice in the criminal legal space of the Russian Federation: criticism and approval

Аннотация. Современные уголовно-правовые реалии определяют одним из ключевых направлений изучения институт административной преюдиции. В первую очередь это обусловлено стремительным дополнением Уголовного кодекса Российской Федерации новыми составами преступлений, включающими административную преюдицию. Однако на сегодняшний день в правовой доктрине мнения ученых относительно данного института разнятся.

В статье предпринята попытка анализа противоположных взглядов на административную преюдицию, а также анализ ее дефиниции в научно-правовой литературе.

Annotation. Modern criminal law realities define the institute of administrative prejudice as one of the key areas of study. First of all, this is due to the rapid addition of the Criminal Code of the Russian Federation with new elements of crimes, including administrative prejudice. However, to date, in the legal doctrine, the opinions of scientists regarding this institute differ.

The article attempts to analyze the opposing views on administrative prejudice, as well as the analysis of its definition in the scientific and legal literature.

Ключевые слова: уголовное право, административная преюдиция, уголовная ответственность, Уголовный кодекс Российской Федерации, преступление, Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г., Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., Уголовный кодекс РСФСР 1966 г., Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., Уголовный кодекс 1996 г.

Keywords: criminal law, administrative prejudice, criminal liability, Criminal Code of the Russian Federation, crime, Code of Criminal and Executive Punishments of 1845, Criminal Code of the RSFSR of 1922, Criminal Code of the RSFSR of 1966, Criminal Code of the RSFSR of 1960, Criminal Code of 1996.

Государство в лице своих правомочных органов, являясь главным субъектом реализации уголовно-правовой политики, имеет своей целью защиту граждан от преступных посягательств путем криминализации и декриминализации деяний. Фундаментальной тенденцией для этого стала административная преюдиция в уголовном праве. Рассматри-

вая появление и развитие данного института, стоит обратить внимание на неоднозначность взглядов как законодателя, так и ученых на его существование в российском уголовном праве.

Административная преюдиция представляет собой правовой инструмент, который устанавливает утяжеление уголовной ответственности в случае повторного совершения правонарушений. Данный механизм первоначально был введен в российской правовой системе в Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 года. Суть административной преюдиции заключается в том, что при совершении определенного административного правонарушения (специального правила) в третий раз виновное лицо привлекается к уголовной ответственности. Этот принцип получил название «правило трех нарушений» [1]. В последующие годы административная преюдиция была использована в Уголовных кодексах РСФСР 1922, 1966 и 1960 годов в качестве конструктивного признака для квалификации деяний.

Однако при принятии действующего Уголовного кодекса в 1996 году законодатель решил отказаться от использования административной преюдиции при конструировании статей. Это решение было принято, вероятно, с целью упростить и унифицировать уголовное законодательство.

Такое решение продиктовано, в первую очередь, резким скачком критики данного механизма, берущей начало в 70-х гг. XX в. и продолжающейся до наших дней. Обобщая взгляды правоведов, можно обратиться к аргументам доктора юридических наук Н. А. Лопашенко, которая утверждала, что данное явление создает несамостоятельность уголовного законодательства относительно административного законодательства. По мнению юриста, данная категория нарушений полностью противоречит основным научным теориям преступности и не может быть рассмотрена как множественное или отдельное преступление. Кроме того, отсутствует общий результат, связывающий административное правонарушение с последующим уголовным преступлением. Этот механизм также подвергается критике из-за отсутствия законодательного определения «административной преюдиции».

Однако стоит отметить, что в последнее время наблюдается тенденция к изменению подхода к таким нарушениям. В некоторых странах законодательство начинает придавать большее значение административным правонарушениям, рассматривая их как серьезные преступления. Это может быть связано с желанием более эффективно бороться с преступностью и обеспечить более строгое наказание для нарушителей.

Кроме того, важно отметить, что административные правонарушения могут иметь значительное влияние на общество и экономику. Например, нарушения в сфере экологии или безопасности могут привести к серьезным последствиям для окружающей среды и здоровья людей. Поэтому, даже если административные правонарушения не рассматриваются как преступления в уголовном смысле, их наказание может быть оправданным и необходимым для обеспечения общественного благополучия [2].

Ученые, придерживающиеся позиции «непринятия» административной преюдиции в российском уголовно-правовом пространстве, также высказывают мнение о существующей коллизии. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации регламентирует, что преступление – это общественно опасное деяние, совершенное лицом виновно и запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания, а институт административной преюдиции предполагает административное наказание [3].

Помимо этого Л. Иногамова-Хегай высказывала мнение, что преюдиция, применяемая в уголовном праве, преобразует последнее в законодательство субъектов, что противоречит положениям статьи 11 Конституции Российской Федерации и статьи I Федеративного договора от 31.03.1992 «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» [4]. Административные правонарушения и ответственность за их совершение – это важная тема, которая регулируется законодательством Российской Федерации. Однако существует некоторое разногласие в понимании содержания преступлений с административной преюдицией [5].

Административная преюдиция является юридической концепцией, которая устанавливает связь между административными правонарушениями и уголовными преступлениями. Суть этой концепции заключается в том, что когда определенное деяние уже было квалифицировано как административное правонарушение и за него было наложено административное взыскание, это обстоятельство влияет на последующую квалификацию того же деяния как уголовного преступления.

Валерий Леонидович Зуев, известный российский ученый-юрист, является одним из ведущих специалистов в области административной преюдиции. В своих трудах он рассматривает данную концепцию с разных сторон, анализируя ее теоретические и практические аспекты.

Зуев отмечает, что административная преюдиция играет важную роль в разграничении между преступлениями и проступками. Если за совершение определенного деяния лицо уже было привлечено к административной ответственности, то это может свидетельствовать о том, что в данном случае не было достаточных оснований для квалификации его как уголовного преступления.

Однако в некоторых случаях, даже несмотря на наложение административного взыскания, деяние может быть впоследствии переквалифицировано в уголовное преступление. Это возможно, например, если в ходе дальнейшего расследования выяснилось, что деяние совершалось с иной целью или имело более тяжкие последствия, чем это было установлено при рассмотрении дела об административном правонарушении [6].

Данная критика ставит четкий вопрос о недопустимости административной преюдиции в уголовном законе вообще. Тем не менее в 2009 году Президент Российской Федерации Д. А. Медведев в Послании главы государства Федеральному Собранию Российской Федерации «призвал» широко применять институт административной преюдиции, что де-факто означает привлечение к уголовной ответственности субъекта при его повторных нарушениях административного законодательства [7].

Уже к 2011 году в уголовном законе Российской Федерации появилось 2 состава преступления с административной преюдицией, в 2014 г. – 4, в 2015 г. – 6, в 2016 г. – 9, в 2017 г. – 10, в 2018 г. – 13, в 2019 г. – 15. Можно наблюдать активный «возврат» административной преюдиции посредством ее применения в развитии уголовного законодательства. В настоящее время в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации насчитывается более 20 составов преступлений с указанием на то, что для привлечения к уголовной ответственности ранее субъектом должно быть совершено административное правонарушение.

Таким образом, сегодня при конструировании статей Уголовного кодекса Российской Федерации, вопреки критике ученых-правоведов, используется институт административной преюдиции.

Почему так происходит? Ряд ученых, придерживающихся позиции «за», выделяют положительные характеристики. Е. Е. Терентьева отмечает, что внесение в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство положений о составах преступлений с административной преюдицией гуманизирует уголовное законодательство [8]. В своем диссертационном исследовании З. Э. Эргашева перечисляет цели, которым служит административная преюдиция в уголовном праве:

1) предупреждение преступных посягательств;

2) ограничение уголовных наказаний только случаями совершения тяжких и особо тяжких преступлений;

3) криминализация деяний;

4) декриминализация преступлений, обладающих небольшой степенью общественной опасности;

5) обособление административных правонарушений от преступлений [9].

Такое количество дискуссий позволяет выделить дефиницию административной преюдиции, поскольку российский законодатель данного определения не предусматривает. Доктор юридических наук С. А. Маркунцов называет административную преюдицию средством или приемом нормотворческой техники, определяющим сложный фактический состав, учитывающий факты привлечения лица

к административной ответственности при повторном совершении лицом аналогичного деяния в рамках определенного временного промежутка при привлечении данного лица к уголовной ответственности [10].

Доктор юридических наук З. А. Незнамова и кандидат юридических наук А. В. Незнамов идентифицировали данный институт как эффективный инструмент, используемый государственными органами в целях борьбы с преступностью [11].

Можно заключить, что из-за неоднородности правовой природы административной преюдиции, а также целей ее использования, дефинитивное понятие данного явления следует рассматривать в нескольких аспектах: 1) догматическом; 2) социальном.

Резюмируя все вышеизложенное, стоит отметить, что, несмотря на двойственный характер института административной преюдиции, она активно применяется законодателем, подтверждением чего является появившийся в марте 2022 года состав преступления, предусмотренный статьей 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации [12]. Тем не менее представляется нецелесообразным использование этого механизма с учетом его многочисленной критики. Объективным решением в таком случае является пересмотр законодателем нормативного закрепления административной преюдиции в уголовном праве и ее четкая регламентация посредством правовых норм, включающих в том числе ее дефинитивное понятие.

Список литературы

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Режим доступа: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845.
2. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3 (23). – С. 64-71. – EDN HBYJBR.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 04.08.2023: с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
4. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации: Федеративный договор от 31.03.1992: вместе с Протоколом к Федеративному договору. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120324/.
5. Иногамова-Хегай Л. Современные тенденции криминализации и декриминализации в российском уголовном праве // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 54-55.
6. Зуев В. Л. Особенности доказывания по делам о преступлениях с административной преюдицией: лекция. – М., 1995.
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 12.11.2009. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93657/.
8. Терентьева Е. Е. Законность административной преюдиции как условие возбуждения уголовного дела // Законность. – 2023. – № 1. – С. 53-55.
9. Эргашева З. Э. Административная преюдиция в уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2018.
10. Маркунцов С. А. О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении ее использования в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 4. – С. 31-42.
11. Незнамова З. А., Незнамов А. В. Административная преюдиция как критерий криминализации противоправного деяния // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 2. – С. 4-9.
12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410887/.

УДК 130.2:17

© Евгений Александрович Плеханов
доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры социально-гуманитарных
дисциплин, Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: eaplekhanov@gmail.com

Plekhanov E. A.
Doctor of Pedagogy
Associate Professor, Professor
of the Department of Social and
Humanitarian Disciplines,
Vladimir branch of the RANEPA,
Vladimir

© Ксения Игоревна Курочкина
студент факультета права,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: kurochkina_ksyunya@inbox.ru

Kurochkina_Ksyunya
Student of Law Faculty,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

ИДЕЯ ПРАВА В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ И КАНТА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

The idea of law in the philosophy of Hegel and Kant: a comparative analysis

Аннотация. В статье рассматривается идея права в философско-правовых учениях Гегеля и Канта. Сравнительный анализ позволил установить ряд общих положений, касающихся правовой справедливости, права частной собственности, основ договорного права, теории наказания. Вместе с тем различие философско-методологических позиций обусловило серьезные расхождения между немецкими мыслителями в понимании социальной природы права.

Abstract. The article examines the idea of law in the philosophical and legal teachings of Hegel and Kant. The comparative analysis allowed us to establish a number of general provisions concerning legal justice, private property rights, the basics of contract law, and the theory of punishment. At the same time, the difference in philosophical and methodological positions led to serious discrepancies between German thinkers in understanding the social nature of law.

Ключевые слова: философия права, Гегель, Кант, идея права, справедливость, государство.

Keywords: philosophy of law, Hegel, Kant, the idea of law, justice, the state.

И. Кант и Г. В. Ф. Гегель – представители европейского Просвещения, оказавшие серьёзное влияние на формирование современной юридической науки. Сравнительный анализ, учитывающий различие философско-методологических позиций немецких мыслителей, позволяет показать альтернативность в развитии классической правовой мысли.

В предисловии к «Философии права» Гегель специально подчеркивает, что в отличие от «позитивной юриспруденции», которая имеет дело с явлениями особенного права, философия есть теория права как такового. Поскольку же теория – это развернувшееся в систему понятие, то «надо стремиться понять и право как мысль» [1, с. 58], которая есть не субъективное представление о праве, а понятие самого права. На первый взгляд такая постановка проблемы соответствует кантовскому убеждению в том, что философия права должна быть теорией «чистого права», учением о праве как таковом. Однако формальность такого совпадения, становится очевидной, как только возникает вопрос о соотношении правовой теории и юридической практики. Вероятно, Гегель поддержал бы Канта в его язвительном замечании, что «чисто эмпирическое учение о праве – это голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга» [2, с. 139], поскольку также считал, что позитивное право должно исходить из

философски постигнутого понятия права. Но, в отличие от Канта, Гегель считает, что представлять «различие между естественным или философским правом и позитивным правом таким образом, будто они противоположны и противоречат друг другу, было бы совершенно неверным» [1, с.62].

Гегель признает необходимость определенной *исходной точки.* Поэтому «понятие права по своему становлению трактуется вне науки права, его дедукция предполагается здесь уже имеющейся, и его следует принимать как *данное»* [1, с. 60]. Однако дальнейшее обоснование понятия права уже не должно носить характера логических дефиниций, а должно утверждать себя в объективной логике сменяющих друг друга предметных форм права. Их история есть одновременно и развитие понятия права от абстрактной его формы к высшей ступени, когда право совпадает со своим понятием. Как и Кант, предметом философии права Гегель считает «*идею* права» (здесь и далее курсив в цитатах наш. – *Прим. авт.*). Однако если у Канта идея тождественна априорному понятию нашего разума, то Гегель понятие рассматривает в единстве с его осуществлением. Отношение между понятием и его существованием аналогично взаимосвязи души и тела. Идея есть «не только гармония наличного бытия и понятия, но их полное взаимопроникновение…» [1, с. 59].

В понимании сущности (субстанциональности) права оба мыслителя стоят на позициях либертарианства, хотя и проводят принцип свободы с разной степенью последовательности. Для Канта свобода является основанием права только во «внешнем применении» и в той мере, в которой возможно «сочетать всеобщее взаимное принуждение со свободой каждого» [2, с. 141]. У Гегеля понимание свободы значительно радикальнее, что позволяет ему утверждать, что «*право* состоит в том, что наличное бытие вообще есть *наличное бытие свободной воли.* Тем самым право есть вообще свобода как идея» [1, с. 89]. Кантовская трактовка права включает в себя негативную и позитивную стороны. Первая состоит в утверждении необходимости ограничения свободы (произвола), а вторая – в постулате свободы воли как того, что a priori присуще практическому разуму. У Гегеля же свобода есть основное определение воли. «Воля без свободы – пустое слово, так же как свобода действительна лишь как воля, как субъект» [1, с. 68].

Вопрос о субъекте свободной воли имеет для Канта и Гегеля принципиальное значение и выходит далеко за рамки философии права. Хотя Кант старательно воздерживался от введения в критическую философию понятия «субъект», предпочитая анализировать способности «чистого» теоретического и практического разума, тем не менее носитель разума ассоциировался у него если не с эмпирическим, то, во всяком случае, с особенным индивидом, развившим и реализующим свои человеческие способности. Когда речь шла о субъекте общего разума и воли, то это требовало помыслить совокупность отдельных людей (народ, а в пределе – все человечество) так, как если бы (als ob) каждый из членов этого множества воплотил в себе человеческую сущность. У Гегеля в качестве абсолютного и всеобщего субъекта выступает дух, основным определением которого является свободная воля, что позволяет рассматривать свободу субстанционально, как то, что не может быть ограничено извне. «Система права, – утверждает Гегель, – есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа» [1, с. 67].

Снятие внешних ограничений в отношении свободы не означает волюнтаризма, то есть абсолютизации негативной свободы. Кант был прав, проводя принцип осознанного самоограничения воли, благодаря чему воля становилась одновременно и свободной, и разумной. Однако отнесение права исключительно к компетенции практической способности отодвигало рефлективную функцию разума на второй план. Даже тогда, когда воля вынуждена отдавать себе отчет в характере своих действий, знание в виде императивного закона выступает по отношению к поступку как внешнее суждение долженствования. Для Гегеля «различие между мышлением и волей – лишь различие между теоретическим и практическим отношением, но они не пред-

ставляют собой двух способностей – воля есть особый способ мышления: мышление как перемещающее себя в наличное бытие, как влечение сообщить себе наличное бытие» [1, с. 68-69]. Поскольку невозможно обладать волей без интеллекта, то теоретическое имманентно содержится в практическом. Вместе с тем без воли невозможно теоретическое отношение, поскольку мышление – это тоже деятельность, волевой акт.

Стирая грань между кантовским теоретическим и практическим разумом, Гегель приходит к выводу, что рефлектирующая воля осознает себя посредством понятия свободы и одновременно полагает свободу как основу разумной действительности. «Идея права есть свобода, и истинное ее понимание достигается лишь тогда, когда она познается в ее понятии и наличном бытии этого понятия» [1, с. 59]. Если понятие аналогично душе, а наличное бытие этого понятия – телу, то внутренняя и необходимая логика развертывания понятия права должна определять наличные формы правовой действительности.

У Канта понятие «чистого права» оказывалось отделённым от эмпирической правовой реальности и поэтому не могло получить содержательного, предметного определения. Согласно Гегелю, то всеобщее определение права, которое вытекает из a priori полагаемой свободы, в действительности является всего лишь наиболее абстрактной формой права, исходной ступенью на пути к его развертыванию в содержательно конкретное понятие. «Каждая ступень развития идеи свободы обладает своим собственным правом, так как она есть наличное бытие свободы в одном из ее определений» [1, с. 90]. С этой точки зрения, моральность, нравственность и государство являются формами наличного бытия свободы, а потому каждая из них в отдельности есть особенное право. Ошибка Канта состоит в том, что право как таковое он отождествляет с «формальным правом абстрактной личности», т.е. видовое понятие принимает за родовое.

Данный упрек в адрес Канта вряд ли всецело справедлив. Во-первых, под «абстрактной личностью» у Канта понимается не только отдельное лицо, отношения которого с другими лицами составляют сферу частного права, но и государство в качестве коллективного (всеобщего) лица, с которым граждане вступают в публичные правовые отношения. Что касается международного права, то и здесь право предстает в виде отношений между народами, волю которых выражают национальные государства. Следует признать правоту Канта в том, что правоотношения не могут быть обезличенными, анонимными; это всегда отношения между лицами (физическими или юридическими) как субъектами прав и обязанностей.

Во-вторых, разводя право и мораль, юридические и нравственные законы, легальность и моральность поступка, Кант не противопоставляет их друг другу, не рассматривает как нечто взаимоисключающее, поскольку основанием и моральных, и юридических законов является один и тот же императив практического разума. Акцент на различии этих законов призван подчеркнуть своеобразие права, более четко очертить его границы, за которыми начинается сфера частной жизни человека, где формальной власти закона не должно быть места.

Расхождение между мыслителями в понимании права имеет принципиальный характер. Согласно Канту различие между правом и моралью определяется характером причины, ограничивающей свободу субъекта. В случае права такой причиной является внешняя по отношению к индивиду воля другого субъекта (лица или государства), принявшая форму закона. Моральный поступок обусловлен внутренним мотивом в виде долга, то есть осознанного убеждения в необходимости следовать всеобщему и необходимому нравственному правилу (категорическому императиву).

Для Гегеля кантовское понимание права не является исчерпывающим. Оно представляет собой лишь начальную ступень в становлении понятия права, на которой свободная воля обретает наличное бытие путём обладания чувственными предметами. Поэтому возможность частной собственности (вещное право) – основа частного права вообще, вклю-

чая и личное право, которое есть право взаимного отчуждения собственности посредством договора. Что касается отношений, регулируемых вещно-личным правом и включающим в себя у Канта брачное, родительское право и право хозяина дома, то Гегель справедливо относит их к сфере нравственности. При этом ретрибутивное право, которое Кант относил к публичному праву, Гегель рассматривает в составе абстрактного права.

Диалектическим отрицанием абстрактного права, основанного на внешней свободе индивида, является моральность, в сфере которой свобода приобретает внутренний характер, благодаря чему субъект способен самостоятельно определять практические действия и поступки. Но абстрактное право, так же, как и моральность, одинаково односторонни. Их единство составляет более высокую форму права – нравственность, ступенями которой являются семейное право, гражданское право и право государства. Последнее выше других ступеней, поскольку представляет свободу в ее конкретном образе. Таким образом, «говоря здесь о праве, – пишет Гегель, – мы имеем в виду не только гражданское право, которое обычно под этим понимают, но также и моральность, нравственность и всемирную историю, которые также сюда относятся, так как понятие объединяет мысли согласно истине» [1, с. 94].

Исходным состоянием в развитии идеи права у Гегеля является право в его наиболее абстрактной форме. «В сфере абстрактного или формального права… внешним наличным бытием воли является не созданный ею предмет со свободным содержанием, а непосредственная внешняя вещь» [5, с. 51]. Это право, обусловленное свободой индивида, осознающего себя в качестве частного лица (единичной воли) среди других таких же индивидуальных лиц, обладающих правоспособностью. «Личность содержит вообще правоспособность и составляет понятие и саму абстрактную основу абстрактного и потому *формального* права. Отсюда веление права гласит: *будь лицом и уважай других в качестве лиц»* [1, с. 98].

Эта формула абстрактного права по существу совпадает с кантовским правовым императивом: «поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом» [2, с. 140]. Различие заключается в том, что в составе частного права право собственности Кант относит к вещному, а не личному праву, тогда как Гегель справедливо подчеркивает, что на ступени абстрактного права все виды отношений являются отношениями между частными лицами, опосредованными вещами. «*Всякий* вид права принадлежит лишь лицу, и объективно право, основанное на договоре, есть право не на лицо, а лишь на нечто ему внешнее или право на нечто отчуждаемое от него – всегда право на вещь» [1, с. 100]. Поскольку только личность имеет право на вещи, как нечто внешнее по отношению к ней, включая собственное тело и жизнь, то *личное* право есть одновременно и *вещное* право. С другой стороны, вещное право есть право *личности*. Поэтому разделение на вещное и личное право, присущее римской юриспруденции, касается не разных видов права, а разных аспектов одного права. Это обстоятельство не учитывалось Кантом, выделявшим лично-вещное право. Неправомерность отнесения брачного, родительского и домашнего права к области лично-вещных отношений по Гегелю обусловлено тем, что субстанциональные отношения между членами семьи носят не договорный, а нравственно-этический характер.

Формальность абстрактного права, которое в первоначальном состоянии выступает как *возможность* конкретного поступка (полномочие) и ограничивается запретом нарушать права других личностей, преодолевается в *праве собственности*, в *договорном праве* и в праве как противоположности *неправа*.

Право собственности обретает свою конкретность (наличное бытие) в возможности подчинения вещи субъективной воле каждого лица. Собственность – это владение вещью частным лицом. Как и Кант, Гегель отличает физическое владение вещью и от владения собственностью (умопостигаемого владения по Канту), которое является правовым

отношением. Вещь есть нечто внешнее по отношению к нашей воле, не обладающее субстанциональностью и потому правомочное находиться в нашем полном распоряжении. Но у Канта *моё* означает продолжение личности за пределами ее тела. «Внешнее *моё* – это то из находящегося вне меня, препятствовать в использовании чего по моему усмотрению означало бы… ущемление моей свободы, совместимой со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом» [2, с. 159]. Целью владения собственностью, следовательно, является расширение и укрепление личной свободы субъекта. У Гегеля же, напротив, «разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности» [1, с. 101] через ее полагание в «свое-другое» в форме внешней вещи, находящейся во власти нашей воли. Противоположность воли и вещи не абсолютна, а относительна. «Каждый имеет право сделать свою волю вещью или вещь своей волей, другими словами… переделать ее в свою, ибо вещь как внешнее не имеет самоцели… а есть нечто внешнее самой себе» [1, с. 103]. Таким образом обосновывается абсолютное право человека на присвоение всех вещей, то есть абсолютность права частной собственности.

Одним из наиболее сложных для Канта являлся вопрос о собственности индивида в отношении своего тела, жизни и способностей. С одной стороны, наше тело и присущие ему физиологические процессы, чувственные восприятия, знания и способности есть нечто внешнее, не тождественное нашей свободной и разумной воле. Но, с другой стороны, они неотделимы от нашего «я» («моё тело», «моя жизнь», «моя боль», «мои знания» и т.д.) и представляют собой нечто большее, чем вещь, в отношении которой мы можем заключить договор с другим лицом. Кантовское решение этой проблемы путём выделения «вещно-личного права» Гегель считает неверным. Его рассуждение строится на том, что личные качества, не являясь для индивида внешними, тем не менее могут отчуждаться свободным духом и подводиться под понятие внешних вещей. В абстрактном праве речь идет об отчужденной духовной собственности, которая наряду с другими внешними вещами подпадает под юридически-правовую регламентацию. Но индивид в качестве лица может выступать только как разумное существо, внутренней собственностью которого является его тело. Правом на жизнь, как и правом на всякую другую собственность, каждый обладает только благодаря личной воле. Если в отношении моей воли моё тело – та внутренняя собственность, которой я вправе распоряжаться по своему усмотрению, то в отношении других наличное бытие моей воли выступает как конкретное единство души и тела, т.е. в качестве особенной личности. Если моему телу как внутренней собственности кто-то наносит вред, то этот вред наносится мне как личности, а не как собственнику. Этим оскорбление, нанесенное личности, отличается от ущерба, нанесенного имуществу собственника.

Аналогично Канту Гегель не отождествляет право собственности с владением собственностью. Возможность иметь нечто как *моё* проистекает из всеобщности воли и является правом каждого лица. В этом случае справедливость состоит в равном праве каждого обладать собственностью. Но формально-правовое равенство в наличном бытии каждой конкретной личности оборачивается имущественным неравенством. Если равное право на обладание собственностью справедливо с точки зрения закона практического разума (Кант), то равенство в обладании собственностью было бы неправом (несправедливостью). По Гегелю имущественное равенство принципиально невозможно, поскольку распределяющая справедливость требует, чтобы каждый из индивидов имел равное количество благ, но при этом сами индивиды неравны друг другу. Кант вопрос о неравенстве ставит значительно шире, подразумевая неравенство не только в материальном, но и в сословном, религиозном, профессиональном и других отношениях, в силу чего эта проблема относится им к сфере публичного права. Эмпирическое неравенство справедливо, поскольку оно результат того, что члены общества по-разному воспользовались равными

возможностями, предоставленными им правом для развития своих способностей.

Гегелевская трактовка собственности более емко очерчивает это право, предусматривающее: а) *владение вещью*; б) ее *потребление* и в) *отчуждение*. Как и у Канта, частная собственность предполагает приоритетность первого владения, достигаемого путем либо *физического захвата*, либо *формированием*, либо *обозначением*. Физический захват – наиболее простой способ завладения, становящийся тем более эффективным, чем более совершенные средства (оружие и инструменты) для этого используются. Здесь подразумевается и вопрос о законности захвата европейскими переселенцами земель коренных народов. Если Кант вполне определенно заявлял о неправомерности такой практики, поскольку она противоречит праву первого владения, то Гегель благоразумно уклоняется от обсуждения этого вопроса, утверждая вопреки историческим фактам, что захват является ограниченным и единичным способом обретения собственности.

Вступление во владение посредством формирования в наибольшей мере отвечает идее собственности. Формирование – это создание полезного предмета путем изменения его природной формы. Результат труда человека естественно принадлежит этому человека и является его законной собственностью. В связи с этим Гегель касается темы рабства и господства одного человека над другим. Антиномичность ее в том, что правовое обоснование рабства исходит из представления о человеке как природном, то есть несвободном, существе, тогда как противники рабства указывают на то, что рождаясь, каждый человек уже обладает свободой. Отмечая формальный характер этого противоречия, Гегель отдает предпочтение той стороне, которая утверждает свободу как абсолютную исходную точку. Но, отвергая рабство, он оговаривает, что оно коренится и в недостатке воли тех, кто отдает себя в рабство, превращая тем самым неправо в право угнетателей.

Вступление во владение посредством обозначения наиболее совершенный, но неопределенный по предметному объему и значению способ. Он заключается в маркировании вещей знаками, манифестирующими их собственника.

Потребление вещи, с одной стороны, обусловлено правом частной собственности, а с другой – является ее элементом. Важный вопрос: может ли вещь, находящаяся в собственности одного лица, быть предметом совместного потребления с другими лицами – получает у Гегеля отрицательный ответ, поскольку это допускало бы наличие у одной вещи двух или более собственников. Противоречие между формальным требованием единоличной собственности и нормами римского права, допускавшего пользование доходами от чужой собственности, свидетельствует лишь об исторически продолжительном времени, необходимом для утверждения идеи свободы собственности в самосознании христианского духа. Тем не менее такие факты, как общее пользование предметами искусства, историческими и архитектурными памятниками, мемориалами и т.д., нельзя рассматривать в качестве «пережитков» архаического неправа. Право их публичного потребления Гегель объясняет истечением срока *давности* права частной собственности, вследствие чего «покинутая действительностью воли и владения» вещь становится бесхозной.

Наиболее важным свойством собственности является возможность ее *отчуждения.* Отчуждение – важнейшая категория гегелевской философии, выражающая способность духа принимать форму «своего чужого» и тем самым полагать свою противоположность. Отчуждение собственности состоит в ее передаче другому лицу, т.е. в смене собственника.

Отчуждение чего из того, что является *моим,* может быть правомочным? Кант полагал, что всё находящееся в собственности лица находится в его полном распоряжении и, следовательно, может отчуждаться по произволу (свободному решению) собственника. Исключение из этого правила касается объектов вещно-личного права, которое предполагает владение предметом как *вещью*, а пользование им как *лицом*. Последнее об-

стоятельство законодательно исключает отчуждение. «Приобретение на основе такого закона, – пишет Кант, – бывает в отношении предмета трояким: *мужчина* приобретает *женщину*, *чета* приобретает *детей*, а *семья* – *прислугу*. Все эти предметы приобретения неотчуждаемы, и право их владельца есть *самоё личное право*» [2, с. 191]. Оговаривая, что члены семьи (дети и прислуга) – свободные лица, не находящиеся на положении домашних рабов, Кант тем не менее признает за хозяином дома вещный способ владения домочадцами, его полное право вернуть «актом одностороннего произвола» самовольно покинувших дом детей или слуг.

Не допуская подобной двойственности, в которой усматривается не преодолённая Кантом ограниченность римского семейного права, Гегель к неотчуждаемым в правовом отношении относит субстанциальные определения личности – самосознание, свободу воли, нравственность, вероисповедание. Однако правовая неотчуждаемость личности не означает ее неотчуждаемости в наличном бытии. Примерами этому служат «рабство, крепостничество, неспособность обладать собственностью, несвобода собственности и т.д., отчуждение разумности интеллекта, моральности, нравственности… правомочия определять и предписывать мне, какие поступки мне следует совершить… что считать долгом совести, религиозной истиной и т.д.» [1, с. 122]. Состояние отчуждения, которое по Гегелю есть внешнее выражение незрелости исторического и индивидуального самосознания человека, позволяет обращаться с личностью, как с чем-то вещным. «Снятие» отчуждения возможно только как возвращение личностью своей правоспособности, нравственности и религиозности, то есть субстанциальной сущности. И Гегель, и Кант признают: чтобы индивид стал «сам себе господином», он имеет абсолютное право на полноту обладания своей личностью: раб – путем освобождения, должник – в результате расторжения навязанного договора, верующий – превращая религию в предмет личной веры.

С проблемой отчуждения личности тесно связано отчуждение духовных способностей человека, реализуемых в произведения искусства, в научных знаниях и изобретениях, методах и способах практической деятельности. В гегелевской постановке проблемы речь идет не о результатах духовной деятельности, а о самих способностях – о продуктивных умениях, навыках, секретах, творческих «технологиях». Незаконное присвоение чужой интеллектуальной собственности есть *неправо,* но поскольку факт плагиата точно определить невозможно, то он по Гегелю не может быть отражен в особом правовом законе.

Проблема отчуждения непосредственно касается права индивида на жизнь. Являясь сторонником концепции естественных и неотчуждаемых прав человека, Гегель в отличие от своих предшественников не считает, что индивид имеет право лишить себя жизни. Оправдание самоубийства исходит из того, что индивид, являясь собственником своей жизни, вправе распорядиться ею по собственному усмотрению. Однако жизнь не есть нечто внешнее по отношению к личности, с чем можно обращаться, как с вещью. Жизнь – это всеобъемлющая целостность (тотальность) наличного существования личности. Допущение права индивида на свою жизнь означает, что допускается его право на самого себя как вещь. Но личность в правовом отношении субстанциональна, поэтому акт самоубийства свидетельствует не о смелости, а об измене человека праву, обязывающему его быть свободной личностью. Индивид может, а иногда и обязан жертвовать своей жизнью во имя личного или гражданского долга. Но это нравственный поступок, в котором, жертвуя жизнью, индивид наиболее цельно утверждает свою личность.

Только очертив круг условий, которым должно отвечать право частной собственности, Гегель обращает внимание на то, что в наличном бытии существует не только отношение собственника к вещи, но и отношения между собственниками, которые предполагают их взаимное признание в форме *договора*. Совершенно в духе Канта Гегель пишет: «В договоре я обладаю собственностью посредством общей воли; именно интерес разума состоит в

том, чтобы субъективная воля стала более всеобщей и возвысилась до этого осуществления. Следовательно, определение *этой* воли в договоре остается, но в общности с некоей другой волей. Напротив, всеобщая воля выступает здесь еще только в форме и образе общности» [1, с. 128]. Договор – это способ обмена собственностью между частными лицами.

Предметом договора, уточняет Гегель, может быть только *единичная внешняя вещь,* и, следовательно, договор не является универсальной формой отношений между лицами в системе как частного, так и публичного права, как это полагал Кант. Так, имеющее место у Канта подведение под понятие договора брачного союза Гегель называет «позорным». Столь же ошибочным он считает договорную теорию государства, в соответствии с которой основу публичного права составляет соглашение, заключенное между государственной властью и народом. Согласно Канту, законодательствующей государственная власть может быть лишь тогда, когда она выражает общую волю народа, то есть совокупную волю граждан. Но в действительности гражданское состояние есть результат договора не всех, а в лучшем случае большинства. При этом каждый из участников как свободное существо вправе выйти из договора, поставив тем самым легитимность общего закона под сомнение. По Гегелю государство появляется не в результате договора между людьми, а формируется как наиболее полное воплощение в наличном бытии идеи свободы и права. Поэтому каждому необходимо быть гражданином государства, и только оно вправе решать, вступать индивиду в него или выйти.

Договор предполагает взаимное согласие сторон. Однако признание лицами условий договора справедливыми – это субъективная сторона договора, которая может не совпадать с объективной справедливостью, выражаемой понятием права. Правовой справедливости отвечает соглашение равноценного обмена, при котором собственники ничего не теряют. Критерием оценки эквивалентности обмена выступает *ценность* – всеобщее, по которому «предметы договора при всем внешнем качественном различии вещей *равны* друг другу» [1, с. 131]. Как и Кант, Гегель считает мерой ценности качественно различающихся вещей *деньги*. «Деньги служат представителем всех вещей, но так как они не представляют собой саму потребность, а служат лишь ее знаком, они сами в свою очередь управляются специфической ценностью, которую они в качестве абстрактного только выражают» [1, с. 119-120]. Кант стоимость вещи, выраженную в денежной форме, связывает с количеством абстрактного труда, необходимого для создания этой вещи. «Цена (pretium), – указывает он, – это публичная оценка *стоимости* (valor) вещи в отношении к соразмерному количеству того, что служит всеобщим замещающим средством взаимного обмена *труда* (обмена)» [2, с. 204-205]. Поэтому Кант более глубоко понимает природу товарно-денежного обмена, лежащего в основе имущественного права.

Другая общая тема – это правовые гарантии договора. Для обеспечения выполнения сторонами условий соглашения Кант считает необходимым заключение дополнительного договора с поручителем, который должен иметь обязывающую силу. Но этот контракт, если он опирается на право, т.е. на свободную волю лиц, а не обеспечивается средствами внеправового принуждения, должен также подкрепляться соответствующим договором. Чтобы выйти из положения «дурной бесконечности», Гегель развивает концепцию *стипуляции*, согласно которой соглашение должно принять знаково-символический вид (письменную форму по установленному порядку), то есть выступить объективированным бытием общей воли. «Стипуляция договора, – пишет Гегель, – уже сама есть *наличное бытие* решения моей воли в том смысле, что я отчуждаю мою вещь, что она уже *теперь* перестала быть моей собственностью и я уже признаю ее собственностью другого» [1, с. 133].

Касаясь классификации договоров, Гегель считает, что после Канта в этот вопрос вряд ли можно внести что-то новое.

Правовой основой договора является согласие (внутренняя всеобщность) сторон (особенных воль). Однако каждая особенная

воля преследует свою личную цель в виде эгоистической выгоды, которая может не соответствовать правовой справедливости и поэтому может становиться ее противоположностью. Это отрицание Гегель называет *неправом*. Неправо – это действие, которое, не являясь в сущности правовым, тем не менее стремится предстать в форме права. Поскольку в неправе частной воле приписывается правомочность, оно представляет собой лишь *видимость* права. Являясь отрицанием *права в себе,* то есть подразумеваемого понятием права всеобщности воли, неправо снимается его отрицанием (отрицанием отрицания). «…Возвратившись из своего отрицания оно (право – *Прим. авт.*) становится *действительным,* ибо действительность есть то, что действует и сохраняет себя в своем инобытии» [1, с. 138].

Гегелем выделяется три вида неправа – *непреднамеренное,* или *гражданское, неправо, обман и преступление*.

В первом случае видимость права заявляет о себе как о действительном праве. Непреднамеренное неправо имеет место, когда конфликт интересов выражается в юридическом обосновании каждой из сторон своей собственной позиции. При этом существует общее согласие оппонентов в отношении правового способа решения спора. Правовая коллизия здесь заключается в том, что субъективная воля (желание, частный интерес) предъявляет видимость права в качестве действительного права. Для демонстрации правовой несостоятельности аргумента частной воли вполне достаточно показать, что он не подводится под норму правового закона.

Если непреднамеренное неправо принимает видимость права за действительное право на основе добросовестного заблуждения, то обман – осознанная подмена права его видимостью, состоящая в том, чтобы добиться признания особенной волей (жертвой обмана) неправа действительным правом. Суть обмана в злонамеренном нарушении одной из сторон принципа справедливости, заключающегося в эквивалентности обмена ценностями, при соблюдении внешних (формальных) условий договора. «За гражданское и непреднамеренное неправо не полагается наказания, ибо… (никто. – *Прим авт.*) здесь не хотел ничего противоречащего праву. Напротив, обман влечет за собой наказание, ибо здесь речь идет о нарушении права» [1, с. 141].

Особое место в философии права немецких мыслителей принадлежит теории наказания. При сопоставительном анализе ретрибутивной тематики обнаруживается общность ряда позиций. Во-первых, по мысли и Канта, и Гегеля, опасность преступления связана не столько с ущербом, нанесенным собственности, свободе или жизни конкретного лица, сколько с нарушением права как основополагающего принципа совместной жизни людей. Во-вторых, оба настаивают на том, что наказание не должно выходить за рамки права и, следовательно, не должно преследовать утилитарные цели, такие как предупреждение правонарушений, устрашение возможных преступников, их исправление, назидание по имя законопослушания. Смысл наказания – в восстановлении нарушенной преступлением правовой справедливости. В-третьих, наказанию лицо подлежит не за его личностные качества, а за совершенное им противоправное деяние. Поэтому ответственность наступает за сам факт совершения преступления, а не за его намерение. В-четвертых, при определении меры наказания оба философа исходят из принципа справедливости, предполагающей соответствие между виной и ответственностью. Основой карающей справедливости признается талион, но не в его архаической форме «равным за равное», а посредством абстрактной меры. Наконец, в-пятых, и Кант, и Гегель признают правомерность смертной казни за убийство другого человека.

Однако за общностью позиций скрываются и весьма важные различия.

Так, Кант относит тематику наказания к сфере государственного права, поскольку «*наказание* – это право повелителя причинить страдание подчиненному за совершенное им преступление» [2, с. 255]. Поэтому уголовному наказанию подлежит не абстрактное лицо, нарушившее частный договор, а гражданин, посягнувший на публичные законы и тем самым представляющий опасность для всего

общества. У Гегеля понятие «преступление» рассматривается в составе абстрактного права, где речь идет не об особенном понятии, а о его сущности, несовместимой с правом вообще. «Подлинное неправо, – замечает Гегель, – представляет собой преступление, в котором не уважается ни право в себе, ни право, каким оно мне кажется, в котором, следовательно, нарушены обе стороны, объективная и субъективная» [1, с. 141].

При обосновании правомерности наказания оба философа исходят из того, что наказание есть принуждение в отношении принуждения, насилие над насилием. Однако способ такого обоснования разный. По Канту двойное отрицание есть утверждение. Если преступление, заключающееся в принуждении другого человека, является насилием над его свободой, то наказание как принуждение в отношении преступника является справедливым, поскольку оно восстанавливает ущемленную свободу. Логика Гегеля опирается на понятие диалектического снятия. Преступление как первое насилие, совершенное лицом, т.е. разумным и свободным существом, «бесконечно негативным образом» отрицает не только правоспособность другого лица, но и право как право. Наказание есть отрицание первого отрицания, и, следовательно, восстановление права как в его наличном бытии (справедливого правопорядка), так и в «бытии для нас» (веры в правовую справедливость). «Совершение преступления не есть первое, позитивное, к которому наказание присоединяется как отрицание, а есть негативное, так что наказание есть только отрицание отрицания. Действительное право есть снятие этого нарушения, именно этим снятием право показывает свою действенность и утверждает себя как необходимое опосредованное наличное бытие» [1, с. 145].

Весьма характерно «уточнение» Гегеля в отношении цивилизующей и окультуривающей роли «первого насилия», заключающееся в том, что если в составе ретрибутивного права первое насилие и есть само преступление, то принуждение педагога в воспитательных целях или насилие против «грубости и дикости» (подразумеваются неевропейские народы – *Прим. авт.*) вполне правомерны для утверждения значимости правовой воли. В этом вопросе Кант, считавший, что приоритетность права первого владения должна признаваться за коренным населением колонизируемых территорий, существенно расходится с Гегелем.

Оба немецких мыслителя настаивают на морально нейтральном характере наказания. Аргументация Канта носит общегуманитарный характер и сводится к недопустимости отношения к личности, обладающей автономией нравственной воли, как к средству для достижения внешней цели. Гегелевское обоснование исходит из субстанциальности воли, которая может оставаться свободной даже в условиях полного внешнего принуждения. «Принудить к чему-то можно только того, кто *хочет*, чтобы его *принудили*» [1, с. 141]. Поэтому наказание должно исходить только из внешних последствий противоправного действия и не может касаться его внутреннего мотива. Это относится и к государственным законам, которые не должны распространяться на убеждения, ибо в сфере морали насилие не имеет смысла.

Обоснование тезиса о том, что наказание должно осуществляться исключительно в рамках права, также зиждется на различной системе аргументов. По Канту наказание – это справедливая кара именно потому, что преступник является правомочным лицом и обязан признать право власти, олицетворяющей общую волю, применить насилие по отношению к нему. Понятие преступления внутренне содержит в себе и понятие наказания. Поэтому «справедливость перестает быть таковой, если она продает себя за какую-то цену» [2, с. 257], то есть исключает заслуженное возмездие за причиненное зло. Согласно Гегелю «наказание, карающее преступника, не только справедливо *в себе*…, но есть также *право, положенное в самом преступнике,* т.е. в его налично сущей воле, в его поступке» [1, с. 147]. Поступок – это осознанное действие, в котором есть как понимание всеобщей обязательности закона, так и обязательности ответственности за его нарушение. Поэтому совершивший преступление наказывает себя сам.

Суду остается лишь установить меру ответственности.

Мера ответственности – наиболее сложный и дискуссионный аспект теории наказания. Кант и Гегель занимают здесь позиции ретрибутивного права, согласно которому наказание есть справедливое (равноценное) возмещение нанесенного ущерба. Что касается имущественного (личного, по Канту) права, то оценка ущерба и величины его возмещения определяется с помощью денежного эквивалента. Значительно более сложными являются ситуации, связанные с причинением морального ущерба, незаконным присвоением интеллектуальной собственности, нанесением вреда жизни и здоровью пострадавшего. Неприемлемость талиона, как принципа карающей справедливости в его буквальном понимании, очевидна для обоих философов. Так, Кант подчеркивает, что право возмездия, во-первых, должно осуществляться в рамках правосудия, а не субъективного произвола, и, во-вторых, его нельзя «придерживаться буквально». Гегель, обосновывая талион как принцип правовой справедливости, указывает на требование всеобщей воли поступать с преступником так же, как поступил он. Это означает, что если преступление имеет определенный количественный и качественный объем, то и наказание должно иметь такой же объем. Однако установление такого равенства в каждом конкретном случае представляет основную трудность.

Хотя Кант и Гегель не были до конца последовательны в преодолении натуралистической трактовки талиона (особенно это касается Канта), тем не менее каждый из них предпринимал усилия по поиску всеобщей меры справедливости возмездия. Поскольку суть любого преступления состоит в посягательстве не на собственность в качестве частного блага, а на саму свободу как высшее право человека, то у Канта универсальным эквивалентом вины оказывается ограничение личной свободы преступника. Гегель отталкивается от невозможности сравнивать количественные и качественные характеристики как различных видов преступлений (например, кражи и подлога документов), так и степени вины за их совершение. Однако, если возможность сравнения в сфере особенного существует, она может существовать только благодаря общему для каждого особенного. Основанием оценки справедливости наказания служит ценность – «*внутренне равное* в вещах». «Лишь со стороны… внешней формы воровство, грабёж, а также наказания в виде денежных штрафов и тюремного заключения и т.п. совершенно не равны, но по своей ценности, по тому их всеобщему свойству, что они нарушения, они *сравнимы*» [1, с. 150]. Искать соразмерности наказания преступлению – дело позитивного права. Однако как бы тщательно ни учитывались все обстоятельства и условия совершения правонарушения, возможно установление лишь приблизительного соответствия между тяжестью преступления и мерой наказания. Тем более благодаря прогрессу наказания за одни и те же преступления становятся мягче, поскольку меняется отношение между ними.

Наиболее острым для ретрибутивной концепции права до сих пор остается вопрос о смертной казни. Обосновывая возможность наказания преступника лишением жизни, оба философа вынуждены подвергнуть критике аргумент Беккариа, заключающийся в том, что ни один человек не может принять в отношении себя возможность принудительного лишения жизни и, следовательно, это право не предусматривается общественным договором. В данном доказательстве недопустимости смертной казни Кант усматривает обычный софизм, заключающийся в предоставлении преступнику права определять себе наказание, и таким образом установление вины и вынесение приговора предоставляются не суду, а отдельному лицу. С гегелевской точки зрения право государства на смертную казнь основывается не на общественном договоре, а на субстанциальности самой государственной власти, в силу которой она определяет меру наказания независимо от согласия граждан исходя из природы правонарушения. Поэтому вряд ли правильно рассматривать гегелевскую «трактовку сущности наказания в качестве формы социального явления "об-

щей воли"» [4, с. 85]. По Гегелю преступник как разумное существо, осознающее противоправность своего деяния, уже этим деянием дает согласие на наказание. Однако «если в возмездии вообще невозможно достигнуть специфического равенства, то дело обстоит совершенно иначе при совершении убийства, которое неминуемо карается смертью. Ибо так как жизнь составляет наличное бытие во всем его объеме, то наказание не может заключаться в некоей *ценности,* которой не существует, но также должно состоять только в лишении жизни» [1, с.151].

Кант еще более категоричен в отношении смертной казни. «Жизнь, как бы тягостна она ни была, – утверждает он, – *неоднородна* со смертью; стало быть, нет и иного равенства между преступлением и возмездием, как равенство, достигаемое смертной казнью преступника, приводимой в исполнение по приговору суда» [2, с. 258]. Помимо убийства смертной казни по Канту заслуживает ряд преступлений, представляющих угрозу общему правопорядку – участие в мятеже, государственная измена и война против своего отечества.

По сравнению с Кантом Гегель более сочувственно относился к гуманизации уголовного законодательства, благодаря чему смертная казнь становится исключительной мерой наказания.

Абстрактное право завершается у Гегеля анализом неправа, которое в его наиболее «чистой» форме преступления снимается в наказании как торжестве правовой воли. Идея права как наличное бытие воли во внешнем проходит завешенный цикл развития, моментами которого являются личное право, договорное право и ретрибутивное право. Дальнейшее развертывание идеи права предполагает более высокую ступень бытия воли в качестве внутреннего основания личности, в результате чего субъект права становится субъектом морали. Здесь траектория гегелевской мысли существенно расходится с логикой кантовской теории права, которая будет вести кёнигсбергского мыслителя от триединства частного права (вещное, личное и вещно-личное право) к триединству публичного права (государственное право, международное право и право гражданина мира).

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М. : Мысль. 1990. – 524 с.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. – М. : Мысль, 1965. – С. 219-310.
3. Кирсанова О. В. Справедливость и право в этических взглядах И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 137-142.
4. Лежнева О. Ю., Сергеева А. Ю. Суд, наказание, справедливость: особенности гегелевской трактовки // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 4 (54). – С. 84-89.
5. Нерсесянц В. С. Философия права Гегеля. – М. : Юристъ, 1998. – 352 с.
6. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. – М. : Университетская типография на Страстном бульваре, 1901. – 248 с
7. Рыженков А. Я. Гегелевская философия гражданского права// Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1 (10). – С. 204-208.

УДК 340.1

© Евгений Александрович Плеханов
доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: eaplekhanov@gmail.com

Plekhanov E. A.
Doctor of Pedagogy
Associate Professor, Professor
of the Department of Social
and Humanitarian Disciplines,
Vladimir branch of the RANEPA,
Vladimir

© Алёна Альбертовна Моденова
студент факультета права,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: modenovaalenka@gmail.com

Modenova Alena
Student of Law Faculty,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТЕОРИИ ЧАСТНОГО И РЕТРИБУТИВНОГО ПРАВА И. КАНТА

The concept of justice in the philosophy of law by I. Kant

Аннотация. В статье анализируются место и роль понятия справедливости в кантовском учении о частном и ретрибутивном праве. Показано, что категория справедливости составляет основу договорных отношений между индивидами как свободными и разумными существами. Совпадая по содержанию с понятием права, справедливость выступает важным регулятивным принципом, позволяющим оценивать правовой характер юридических установлений в сфере вещного, личного и вещно-личного права. Рассматриваются различные формы справедливости: распределяющая, вознаграждающая, ретрибутивная, обязывающая.

Abstract. The article analyzes the place and role of the concept of justice in the Kantian doctrine of private and retributive law. It is shown that the category of justice forms the basis of contractual relations between individuals as free and intelligent beings. Coinciding in content with the concept of law, justice is an important regulatory principle that allows us to assess the legal nature of legal institutions in the field of real, personal and proprietary law. Various forms of justice are considered: distributive, rewarding, retributive, binding.

Ключевые слова: справедливость, личное право, частная собственность, договор, преступление, наказание.

Keywords: justice, personal law, private property, contract, crime, punishment.

Введение

Тесная связь права и справедливости представляется настолько очевидной, что ее специальное обоснование в отношении правовой теории Канта может показаться излишним. На самом деле это далеко не так.

Текстологический анализ обнаруживает, что термином «справедливость» Кант пользуется довольно редко. В «Метафизике нравов» к понятию «справедливость» он обращается всего лишь в десяти местах. При этом следует учитывать, что не во всех случаях имеется в виду справедливость в собственно юридическом значении.

Кроме того, определенную роль играет фактор точности перевода специфических кантовских терминов на русский язык. Так, отечественный исследователь Л. Э. Крыштоп обратила внимание на то, что значение немецких слов *Billigkeit* и *Gerechtigkeit* в русскоязычных текстах передается термином «справедливость». Однако если понятие

Gerechtigkeit используется Кантом в строго юридическом значении, то слово *Billigkeit* он употребляет именно тогда, когда требуется исключить смысловые ассоциации понятия «справедливость» с правовой сферой. Исходя из того, что «[*Billigkeit*] является обязанностью из права другого, в той мере, в которой это не связано с полномочиями принуждать другого» [Kant, 1937, S.152; Kant, 2016в, с.141. Цит. по: 4, с. 66] смысл этого термина более точно передается словами «честность», «совестливость», «уважение», которые в большей мере соответствуют принципам морали, чем права.

И, наконец, в «Метафизических началах учения о праве» сам Кант недвусмысленно дает понять читателю, что справедливость не имеет никакого отношения к чистому праву, поясняя это на примере условной ситуации, когда домашний слуга, получив от хозяина в конце года причитающуюся ему по договору плату, обнаруживает, что из-за обесценивания денег размер его жалованья уменьшился настолько, что он уже не может прокормить свою семью. В данной ситуации ни у одной из сторон нет юридических оснований считать условия договора не выполненными. Слуге же, обманутому непредвиденными обстоятельствами, остается только одно – взывать к суду справедливости в лице совести хозяина. Что же касается суда гражданского, то не в его силах чем-либо помочь пострадавшему, «потому что справедливость относится только к *суду совести* (forum poli), а каждый правовой вопрос должен решаться на основании *гражданского права* (forum soli) (здесь и далее курсив в цитатах наш. – *Прим. авт.*) [3, с. 144]. Именно в этом состоит смысл сентенции: «строжайшее право – это величайшая несправедливость (summum ius summa iniuria)».

Все сказанное можно было бы рассматривать в качестве аргументов для обоснования тезиса о том, что для кантовской философии права проблема справедливости не является стержневой, и если она где-то и выражена отчетливо, то только в теории наказания. Большая часть публикаций, посвященных правовому учению Канта, как раз и сосредоточена на вопросах адекватного наказания в сфере уголовной ответственности [5; 6; 8; 9; 10], что также косвенно подтверждает предположение о «частном» для метафизики права характере проблемы справедливости.

Однако данный вывод является преждевременным, поскольку он не учитывает особенностей трансцендентального метода, на основе которого Кантом конституируется его правовая концепция.

Деление понятия «право» у Канта осуществляется по трем основаниям:

1) естественное право, опирающееся на априорные принципы, и *положительное* (статутарное) – вытекающее из воли законодателя;

2) прирожденное, т.е. принадлежащее каждому от природы, и *приобретенное* – право, устанавливаемое правовым актом;

3) внутреннее, к которому относится прирожденное *моё* и *твоё*, и *внешнее*, в качестве которого выступает приобретенное право [см.: 3, с. 147].

Единственным прирожденным правом a priori является свобода, присущая каждому человеку как представителю человеческого рода и обусловливающая прирожденное *равенство*, состоящее в том, что, вступая в правовые отношения, лица могут обязывать друг друга только в равной степени, что отвечает требованию справедливости. Каждый, кто, располагая собственной свободой сообразно с всеобщим законом практического разума, становится *господином самого себя,* приобретает качества *безупречного* человека, для которого правовые обязанности одновременно становятся и возможностями поступать в соответствии с ними (правомочиями). Из всех возможных видов правовых отношений реальными являются только отношения между разумными существами, которые могут быть либо непосредственно личными, либо опосредованными, т.е. отношениями по поводу «вещей». В *естественном* состоянии общества и первые, и вторые составляют *частное* право, а в *гражданском* обществе, обеспечивающем законодательное (юридическое) гарантирование прав составляющих его лиц, право становится *публичным*.

Справедливость
в сфере частного права

Основу частного права Кант непосредственно связывает с частной собственностью, которая является примордиальным (первоначальным) истоком права, заключающимся во взаимном признании лицами какой-либо вещи или «твоей», или «моей». «*Моё в правовом отношении* (meum iuris), – указывает Кант, – это то, с чем я связан так, что если бы кто-то другой пользовался им без моего согласия, то это нанесло бы мне ущерб» [3, с. 155]. «*Твоё* – это то, что связано с другим таким образом, что мое пользование им без согласия этого другого, могло бы нанести ему ущерб» [3, с. 155]. Справедливость состоит в этой взаимообратимости права владения, которое является признанием со стороны других моего (субъективного) права обладать предметом как непосредственно (эмпирически), так и независимо от того, где этот предмет находится в пространстве и времени. Во втором случае владение основано на разуме и является чисто правовым (умопостигаемым), поскольку согласуется с законом практического разума a priori, из которого следует, что каждый имеет равное с другими право на *своё* (на собственность). Объективно возможное *моё* и *твоё* основано на априорном предположении практического разума, и поэтому они справедливо могут считаться равноправными.

Владение предметом в *чисто правовом отношении,* то есть владение предметом независимо от того, является оно эмпирическим или умопостигаемым (интеллектуальным), может относиться: 1) к телесной *вещи* вне меня; 2) к *произволу* (осознанному намерению) для совершения определенного действия; 3) к *состоянию* другого в отношении ко мне.

Ответ Канта на вопрос, как возможно внешнее *моё* и *твоё*, или в кантовской формулировке как возможно априорное синтетическое правовое положение, является, по сути, обоснованием права частной собственности как основы всех остальных прав. Задача состоит в том, чтобы объяснить, каким образом право собственности может выходить за пределы эмпирического владения вещью. Первоначальное владение отдельным лицом участком земли – это акт частного произвола, но не самоуправства, поскольку собственник владеет им хотя и не по закону, т.к. естественное состояние еще не знает публичного закона, но по праву. Это право с необходимостью вытекает из общего владения землей как правового состояния, логически предшествующего частной собственности. Но общее владение – это уже правовое состояние, априорно предполагающее свободу отдельного лица, и поэтому постулат практического разума гласит: «Правовая обязанность – поступать по отношению к другим так, чтобы внешнее (годное для употребления) могло стать для кого-то и *своим*» [3, с. 163], независимо от места и времени нахождения предмета владения. Только в этом случае частное владение будет иметь чисто правовой и, следовательно, справедливый характер.

Владеть – значить обладать властью над любым предметом, являющимся предметом нашего произвола (осознанного желания) согласно с законом внешней свободы. «…Способ иметь что-то находящееся вне меня *своим* есть чисто правовая связь воли субъекта с предметом – независимо от отношения к этому предмету в пространстве и времени – согласно понятию умопостигаемого владения» [3, с. 165]. Следовательно, частная собственность это понятие «чистого рассудка», вытекающее из постулата практического разума, и поэтому, как относящееся к вещам, намерениям и действиям других людей, приобретает характер априорного синтетического правового положения.

В естественном состоянии владение предметом является всего лишь правомочием – возможностью иметь *своё*, которая негласно признается всеми как разумными существами за каждым лицом. Хотя такое положение отвечает всеобщему закону справедливости, но в эмпирическом мире оно не имеет прочных оснований. Поэтому презумпция (возможность) частной собственности может стать правом (действительностью) только в гражданском состоянии, в котором власть общей воли посредством юридического законодательства способна обеспечить гарантии индивидуального владения.

В гражданском состоянии право собственности становится частью публичного права, что предполагает его юридическую кодификацию при строгом соблюдении принципа справедливости. С точки зрения правового основания приобретение может осуществляться по *факту* (facto), по *договору* (pacto) и по *закону* (lege). В зависимости от формы правомочия приобретения и владения Кант выделяет *вещное*, *личное* и *вещно-личное* право.

Раскрывая понятие вещного права, Кант настойчиво подчеркивает два обстоятельства, призванные признать справедливость частной собственности. Во-первых, вещное право – это не право на *владение вещью*, а право в отношении *владельца вещи*, поэтому легитимность обладания вещью обусловлена не ее *захватом*, а *правомочием* лица в качестве собственника вещи. Во-вторых, правомочие владения становится правом только в гражданском состоянии, поскольку собственность – это не только объявление лицом вещи *своей*, но и общее признание остальными собственниками того факта, что эта вещь не принадлежит никому из них. «Следовательно, – делает вывод Кант, – в собственном и буквальном смысле нет и (прямого) права на вещь, – так только называется то право, которое принадлежит кому-то по отношению к лицу, находящемуся со всеми другими (в гражданском состоянии) в совместном владении» [3, с. 174]. *Эмпирическое основание* собственности – первоначальная общность земли, делающая возможной владение ее частью отдельными лицами. *Основание, определяемое разумом*, – априорная идея объединенной воли всех как законодательное начало в гражданском состоянии.

В связи с этим возникает актуальный и по сей день вопрос о том, насколько отвечает правовой справедливости захват европейскими колонистами территорий нецивилизованных народов, ведь, по логике Канта, согласно естественному праву (праву первого обладания), которое является приоритетным, эти земли являются собственностью коренных жителей. Справедливость требует признания этого права в качестве a priori всеобщего и необходимого как для естественного, так и для гражданского состояния. То обстоятельство, что право владения в естественном состоянии является не *окончательным*, а *предварительным*, по существу, ничего не меняет. Однако европейцу, даже просвещенному Кантом, свойственно заявлять, что для равноправных договорных отношений требуется предварительное окультуривание «варварских» народов, замена присущего им естественного состояния культурным, гражданско-правовым. В этом цивилизованный человек усматривает свою миссию, отвечающую целям творения. «Однако сквозь эту завесу легко проглядывает несправедливость (иезуитство), оправдывающая все средства ради благой цели; итак, – констатирует Кант, – этот способ приобретения земли неприемлем» [3, с. 179-180].

Владение частной собственностью «есть не что иное, как отношение лица к [другим] *лицам*, [выражающееся] в наложении на все эти [лица] *обязанностей* относительно пользования этими вещами через посредство воли первого лица, поскольку эта воля сообразна с аксиомой внешней свободы, с *постулатом* способности и *всеобщим* законодательством воли, a priori мыслимой в качестве объединенной, что представляет, следовательно, *умопостигаемое владение* этими вещами, т.е. владение чисто правовое» [3, с. 182]. Справедливость владения частным лицом собственностью, таким образом, основывается на неотъемлемом праве собственника распоряжаться вещью как *своей* по собственному усмотрению, с тем лишь условием, чтобы это не нарушало аналогичного права других.

Справедливость личного права

Если вещное право, непосредственно вытекающее из принципа внешней свободы, основано на праве первого приобретения, то личное право никогда не может быть первоначальным и самопроизвольным, поскольку оно касается приобретения *своего* другого. Эмпирически личное право является актом передачи предмета от одного владельца другому, или, точнее, смены собственника предмета.

Однако как собственно правовое (умопостигаемое) действие это означает *передачу права* на собственность одним лицом другому *(отчуждение),* которая происходит на основе взаимного осознанного согласия («объединенного произвола») сторон, то есть в форме *договора*.

В точки зрения материи (цели) договора предметом личного права является вещь, которую одна сторона отчуждает от себя, а другая присваивает себе, тогда как с точки зрения формы акт договора – это правовое отношение между собственниками, т.е. лицами, имеющими равные вещные права. Кант детально анализирует структуру, порядок, виды договоров, условия их заключения и правовые принципы, которые должны лежать в их основе.

Соответствие принципу справедливости является необходимым условием правового характера любого договорного акта. Общественная справедливость – это формальный принцип правового состояния, рассматриваемый с точки зрения идеи воли, устанавливающей всеобщие законы. В зависимости от модальности владения предметами (возможность, действительность и необходимость) справедливость, выраженная в законах, может быть *охранительной* (iustitia tutatrix)*, взаимоприобретающей* (iustitia commutativa) и *распределяющей* (iustitia distributiva).

Охранительная справедливость требует такого образа действий, который внутренне *прав* по форме, то есть сообразен внешним законам.

Взаимоприобретающая справедливость определяет, чьё владение *основано на праве.*

Распределяющая справедливость имеет место тогда, когда эмпирическое следствие применения правового закона (решение, приговор суда) вытекает из самого этого закона, т.е. *соответствует праву* [см.: 3, с. 225].

В области личного права, где вопрос о праве лица как собственника становится главным, реализуется преимущественно взаимоприобретающая справедливость. Ее субъективным основанием, если только это не договор одностороннего приобретения, является обоюдное согласие лиц, опирающееся на их осознанное желание получения выгоды. Поэтому справедливость условий договора есть результат его оценки как отвечающего целям каждой из сторон.

Однако установление эквивалентности обмена выгодами здесь не имеет объективной меры, и поэтому справедливость соглашения может быть мнимой, как, например, в случае договора между торговцем и аборигеном-охотником об обмене горсти цветных бус на шкурку ценного зверька. В цивилизованном обществе универсальным средством установления объективной равноценности обмена являются деньги, общая сумма которых есть выражение количества труда, затраченного людьми на создание общего богатства. Поскольку деньги – «всеобщее *средство взаимного обмена труда* (Fleiss) *людей*» [3, с. 203], договор взаимоприобретения носит характер товарно-денежного обмена или «купли-продажи», при которой эквивалентность стоимости товара и денег обеспечивает его справедливость.

Другое условие справедливости правового договора связано со степенью его рациональности – продуманности и согласованности сторонами условий заключения и выполнения соглашения, принимаемых на себя обязательств и ответственности, порядка вступления лиц в права собственности. Тщательный учет всех обстоятельств сделки позволяет привести объективную справедливость договора в соответствие с субъективной и исключить ситуацию, когда выполнение условий договора является справедливым в правовом отношении, но не является таковым в отношении моральном. Так, в описываемом Кантом примере со слугой, получившим расчет в соответствии с договором, но обесценившимися деньгами, требование правовой справедливости не вступало бы в противоречие с этической справедливостью, если бы в соглашении была предусмотрена возможность инфляции.

Справедливость всякой сделки нуждается в правовых гарантиях, поскольку в процессе ее совершения присутствует «момент», когда одна из сторон владеет одновременно обеими обмениваемыми вещами (продавец, получивший деньги до передачи товара, или

покупатель, получивший товар до передачи денег). С субъективной точки зрения, пишет Кант, «ответ на вопрос, действительно ли *последует* (станет *физическим* следствием) это необходимое согласно разуму следствие (каковым *должно было бы быть приобретение*), принятие обещания не дает мне еще никакой *уверенности*» [3, с. 200]. В таком случае должен быть оформлен особый договор между *поручителем* и *дающим обещание*, принуждающая сила которого позволяет *акцептанту* рассчитывать на получение *своего*. Однако этим проблема исполнения справедливого договора не решается окончательно. Договор, заключенный поручителем, сам должен иметь обязывающую силу. Поэтому объективным основанием свершившейся справедливости по Канту может быть не согласие субъективных воль, а принуждающее право общей воли, принявшей форму закона.

Справедливость как принцип вещно-личного права

Вещно-личное право Кант определяет как «право владения внешним предметом *как вещью* и пользования им *как лицом*» [3, с. 191]. Предмет такого права – отношения внутри общности, называемой семьей. Каждый член семьи владеет другим как *моим* или *твоим* (моя дочь, твой отец), т.е. предметом. Вместе с тем, хотя эта общность представляет собой отношение между лицами, тем не менее оно есть нечто большее, чем просто договор. Вещно-личное право имеет под собой не самовольное действие владения (facto) и не договор взаимного обмена (pacto), а закон (lege), выходящий за пределы права на вещи и на лица, и поэтому являющийся «правом человечества в нашем собственном лице» [3, с. 191].

Семейное право, которое Кант подразделяет на брачное, родительское и право хозяина дома, – наиболее спорная и противоречивая часть его правового учения. В «Философии права» Гегель показал, что семья строится не на договорном, а на духовно-нравственном основании (любви) и поэтому она представляет собой не сообщество с целью взаимного приобретения, а субстанциональное единство, в котором каждый из его членов обретает значимость большую, чем он представлял бы как отдельное лицо.

Безусловно, отношения между членами семьи могут и должны носить правовой характер. Это касается таких сторон жизни семьи, как заключение брака и его расторжение, имущественные взаимоотношения между супругами, права членов семьи, обязанности родителей по отношению к детям. Во всех этих и других аналогичных случаях правовая (внешняя) справедливость предполагает семейный союз как добровольный негласный договор между членами семьи, являющимися свободными лицами. По Канту всякая семья как общность, отношения в которой противны идее практического разума (права человечества), не имеет правовых оснований. Он имеет в виду традиционный семейный уклад, основанный на патриархальном деспотизме и бытовом насилии, а также браки, целью которых является материальная выгода, социальное положение или власть.

Однако право не может быть основой семейного союза. Семья как «*непосредственная субстанциональность* духа» есть «нравственное единение в его природной форме» (Гегель). Правовой закон не должен касаться сферы внутрисемейных отношений – отношений между супругами, родителями и детьми. Он имеет силу, во-первых, в момент создания семьи, относящийся к заключению брака; во-вторых, в ее «внешнем бытии», связанном с собственностью и имуществом; в-третьих, когда члены семьи, выходя из неё, становятся частными лицами. Во всех случаях требование закона «может распространяться только на те вещи, которые по своей природе внешни и не обусловлены чувством» [1, с. 209]. Поэтому формально правовой взгляд на семью Гегель справедливо считает грубым.

В первую очередь это относится к браку, который по Канту – «это отношение *равенства* владения и как лицами, взаимно обладающими друг другом… и как имуществом, причем они правомочны – правда, лишь по особому договору – отказаться от пользования какой-либо частью его» [3, с. 193].

Безусловно, равенство прав женщины и мужчины, находящихся в брачном союзе, равно как и одинаковые права сторон в случае раздела совместно нажитого имущества во времена Канта воспринимались как новое слово в юриспруденции. Однако обремененным архаичной традицией остаётся взгляд на брак как на закрепленное законом физическое отношение между полами, имеющее характер чисто гражданского контракта, который, определяя отношения индивидов друг к другу, делает супружескую связь формой взаимного потребления.

В гегелевском понимании брак «есть правовая нравственная любовь», в которой природное влечение низводится на степень модальности природного момента, которому предназначено исчезнуть в его удовлетворении, духовная же связь выступает «в своем *праве* в качестве субстанционального, тем самым… в качестве *в себе* нерасторжимого» [1, с. 212]. Поэтому не заключение брачного контракта с сопутствующим внешним церемониалом определяет семейный союз мужчины и женщины, а изначальная духовно-нравственная сущность этого союза наполняет смыслом внешнюю юридическую сторону его оформления. Если не учитывать это, то «приобретение супруги или супруга происходит… как правовое следствие из обязательства вступить в половую связь не иначе как посредством взаимного владения лицами, которое осуществляется лишь через такое же взаимное пользование их половыми свойствами» [3, с. 195].

Еще более спорным у Канта является трактовка «права хозяина дома», согласно которому на основании договора «хозяин основывает вместе с совершеннолетними детьми или… с другими свободными лицами (домашними) домашнее сообщество, которое представляло бы сообщество неравных (состоящее из *лица повелевающего*, т.е. господина, и лиц *повинующихся*, т.е. слуг, imperantis et subiecti domestici)» [3, с. 198]. Явное противоречие состоит в том, что до заключения такого договора слуга и хозяин выступают равноправными лицами, но, заключив его, слуга лишается свободы и, следовательно, перестает быть лицом, оказываясь на положении либо крепостного, либо раба, т.е. существа, неправомочного к заключению договора. Это порождает новое противоречие. Теперь хозяин имеет вещное право на слугу и может, «если слуга сбежит, вернуть его в свое распоряжение [актом] одностороннего произвола» [3, с. 198]. Однако слуга всегда является не *вещью*, а *лицом,* по отношению к которому «односторонний произвол» не может допускаться правом. Разрешение обнаружившихся противоречий Кант видит во временном характере договора и возможности каждой из сторон отказаться от своих обязательств. Однако такое паллиативное решение не позволяет преодолеть горизонт средневекового вассального «права», несовместимого с принципом справедливости как равенства прав свободных личностей.

Концепция ретрибутивной справедливости

Кантовская теория наказания неоднократно становилась предметом научного рассмотрения [см.: 6; 8; 9; 10]. Отмечая несомненный вклад Канта в теорию деликтного права, исследователи вместе с тем указывают на ряд трудноразрешимых противоречий, возникающих при попытках применить принципы карающей справедливости к решению вопросов конкретной юридической практики. При оценке обоснованности критических замечаний в адрес Канта следует учитывать, что проблема наказания разрабатывалась им как фрагмент учения о «чистом праве», т.е. о тех всеобщих умопостигаемых принципах, которые в отношении правоприменительной деятельности выполняют *регулятивную* роль, то есть определяют не то, каковы наличные законы, а то, какими они *должны* быть.

Преступление по Канту - это нарушение публичных законов, которое может состоять в нанесении ущерба либо отдельному лицу (частное преступление), либо обществу (публичное преступление). Каждое из них влечет наказание по суду, которое не должно выходить за рамки права и преследовать утилитарные цели в отношении других членов общества – устрашения, предостережения,

воспитания. «Согласно Канту, индивид наказывается за то, что он совершил, а не за то, что он есть. Строгое правовое наказание никогда не может поэтому иметь в виду полную ликвидацию личности преступника, превращение его в "вещь", в простую "добычу" карающего государства, – в существо, в отношении которого "все позволено"» [7, с. 209].

Смысл наказания состоит в восстановлении нарушенной преступником справедливости как охраняемого государством основания гражданского состояния общества. Всякая несправедливость чревата разрушением правого уклада жизни, обеспечивающего свободы и безопасность граждан. Этим объясняется ригоризм Канта, заявляющего: «если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [3, с. 256].

Вину человека, совершившего преступление, Кант усматривает не только в ущербе, нанесенном другому человеку или обществу в целом, но и в том зле, которое он причинил самому себе. Наказание не есть неотвратимость *естественной кары* за нарушение природного или божественного закона. Преступление является актом осознанного нарушения правового закона индивидом как свободным и разумным существом, но, совершая его, преступник тем самым лишает себя возможности быть гражданином, которому государство обеспечивает защиту и безопасность. Наказание по суду – это наказание человека за преступление против самого себя. В этом смысл кантовских сентенций: «зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслуживающему его, ты причиняешь и самому себе. Оскорбляешь другого – значит ты оскорбляешь себя; крадешь у него – значит обкрадываешь самого себя; бьешь его – значит сам себя бьешь; убиваешь его – значит убиваешь самого себя» [3, с. 257]. Наказание – это тот бумеранг, который возвращается преступнику в виде кары, эквивалентной тяжести преступления.

Справедливость состоит в соразмерности наказания степени вины. «Лишь право возмездия (ius talionis), если только понимать его как осуществляющееся в рамках правосудия (а не в твоём частном суждении), может точно определить качество и меру наказания» [3, с. 257]. Это одно из тех высказываний, которые дают повод выводить кантовское понимание справедливости из принципа талиона. Придерживаясь данной точки зрения, Э. Ю. Соловьев указывает на историческую эволюцию принципа талиона от варварского отмщения в форме кровной мести, через карательную практику абсолютистских государств к либертарианской идее правового отмщения [см.: 7, с. 201-205]. Действительно, теория воздаяния Канта во многом еще отягощена пережитками судебно-карательного права, санкционировавшего систему телесных наказаний по принципу талиона. Отсюда требуемая философом «натуралистическая эквивалентность уголовной кары» – нанесение унижения чести за моральное оскорбление, кастрация за изнасилование и скотоложество, смерть за убийство другого человека.

Особые споры вызывает актуальная и для современной юстиции позиция Канта по вопросу смертной казни. В отношении убийцы он был предельно категоричен – «если же он убил, то он должен *умереть.* Здесь нет никакого суррогата для удовлетворения справедливости. Жизнь, как бы тягостна она ни была, *неоднородна* со смертью; стало быть, нет и иного равенства между преступлением и возмездием, как равенство, достигаемое смертной казнью преступника, приводимой в исполнение по приговору суда…» [3, с. 258]. Человек как разумное и свободное существо обладает абсолютной ценностью, поэтому насильственное лишение его жизни – самое тяжкое преступление, за которое смерть является «лучшим уравнителем перед общественной справедливостью». Всякое отступление от императива карающего возмездия в форме помилования убийцы или замены казни другим видом наказания является «публичным нарушением справедливости». «Сколько есть преступников, совершивших убийство, или приказавших его совершить, или же содействовать ему, столько же должно умереть; этого требует справедливость как идея судебной власти согласно всеобщим, a priori обоснованным законам» [3, с. 259-260].

Оборотной стороной излишней категоричности Канта становится его непоследовательность. Во-первых, как следует из приведенного высказывания, высшей меры наказания заслуживает не только исполнитель, но и соучастники убийства, хотя вина всех этих лиц не одинакова. Во-вторых, Кант считает допустимым наказание смертной казнью не только за убийство, но и за другие виды преступлений, например, за государственную измену. В-третьих, чтобы лишение преступников жизни не превратилось в практику массовых казней, по прагматическим мотивам смертная казнь актом верховной власти может быть заменена ссылкой или пожизненным заключением. Наконец, Кант считает неправомочным наказание смертной казнью за убийство матерью незаконнорожденного ребенка и убийство на дуэли, считая, что *право чести* в первом случае находится вне закона, а во втором – выше закона.

В этом и во многих других случаях очевидно несоответствие между априорными положениями кантовской философии права и их практической реализацией. Неприменимость в современном уголовном законодательстве принципов кантовской теории наказания, и, прежде всего, невозможность установления строгого эквивалента между тяжестью преступления и мерой ответственности, расценивается рядом правоведов [см.: 8, с. 42-47] в качестве подтверждения поговорки: «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики». Между тем статью с таким названием Кант предваряет следующим замечанием: «между теорией, как бы совершенна она ни была, и практикой требуется еще посредствующее звено, которое соединяло бы их и составляло переход от одной к другой» [2, с. 61]. Такое опосредующее знание (теория среднего уровня) должно выполнять технологическую функцию перевода принципов теории наказания на язык конкретных юридических законов и правил. Без связи с философией «чисто эмпирическое учение о праве – это голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга» [3, с. 139]. Поэтому в центре внимания должны находиться не его часто неудачные рекомендации, обращенные к эмпирической правовой практике, те идеи, которые лежат в основе кантовской пенологии.

Во-первых, соответствие наказания степени тяжести преступления – это объективное основание для признания сторонами конфликта (виновным и потерпевшим) справедливости решения суда, предотвращающего редукцию талиона в бесконечность отмщения.

Во-вторых, ретрибутивная справедливость состоит в том, что человек наказывается не за то, что он преступник, а за то, что он совершил преступление. Юридической квалификации подлежит не лицо, а противоправное действие, совершенное этим лицом. Поэтому «с человеком никогда нельзя обращаться лишь как с средством достижения цели другого [лица] и нельзя смешивать его с предметами вещного права, против чего его защищает его прирожденная личность» [3, с. 256].

В-третьих, если в сфере личного права всеобщим эквивалентом оценки нанесенного ущерба являются деньги, то единственной надежной мерой установления соответствия между преступлением и наказанием является свобода. Всякое преступление – противоправное посягательство на свободу другого, следовательно, всякое наказание должно быть ответным лишением свободы преступника. Тем самым справедливость как *равенство в свободе по всеобщему закону* приобретает форму негативного категорического императива и исключает талион в его буквальном виде.

В-четвертых, справедливым может быть признано лишь такое решение суда, которое выносится на основании правового закона. Хотя виновник противоправного действия наносит вред не только потерпевшей стороне (другим лицам или обществу), но и себе, он не может как самостоятельное и разумное существо определять себе меру наказания. «В самом деле, – рассуждает Кант, – если бы в основании правомочия наказывать лежало *обещание* злодея, что он *захочет* подвергнуться наказанию, то ему же и должна была бы быть предоставлена возможность решать, заслуживает ли он наказания, и, таким образом, сам преступник стал бы своим собственным судьёй» [3, с. 261].

Объединение же в одном лице двух инстанций – выносящей приговор (судебной власти) и приводящей его в исполнение (исполнительной власти) противоречит принципу разделения их полномочий и приводит к тому, что вынесение судебного решения (приговора) как «единичного акта общественной справедливости» неправомерно предоставлено единичному лицу, а не суду, посредством которого реализуется объединенная воля народа. Но это ставит вопрос уже о справедливости самой государственной власти.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
2. Кант И. О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2. – М. : Мысль, 1965. – С. 59-106.
3. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2. – М. : Мысль, 1965. – С. 107-438.
4. Крыштоп Л. Э. Лекции по естественному праву: справедливость и совестливость // Кантовский сборник. – 2016. – № 4 (35). – С. 63-72.
5. Козыренко Р. Н. Идея справедливости в учении Иммануила Канта // Актуальные вопросы права, образования и психологии. – 2020. – Выпуск 8. – С. 71-77.
6. Пилецкий С. Г. Иммануил Кант о статусе мести и возмездия // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, социология, политология, культурология. – 2012. – Выпуск 6а. – С. 108-113.
7. Соловьев Э. Ю. Категорический императив нравственности и права. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 416 с.
8. Суденко В. Е. Справедливость и наказание по И. Канту // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2010. – № 3. – С. 42-47.
9. Туманов А. А. Современные аспекты теории наказания И. Канта // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 1656-1660.
10. Шавеко Н. А. Теория справедливого наказания (между Кантом и утилитаристами) // Пенитенциарная наука. – 2019. – Т. 13. – № 3. – С. 304-312.

УДК 347.235.1

© Нина Петровна Седова
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: sedova.57@list.ru

Sedova Nina Petrovna
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the
Department of Civil Law Disciplines
Vladimir branch of the RANEPA,
Vladimir

© Александра Сергеевна Парамонова
студент юридического факультета,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: s4sha.paramonova@yandex.ru

Paramonova Alexandra Sergeevna
Student of Law Faculty
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Виктория Алексеевна Рогожина
студент юридического факультета,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: victoriarogozhina2002@gmail.com

Rogozhina Victoria Alekseevna
Student of Law Faculty
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ СЕМЬЯМ С ТРЕМЯ И БОЛЕЕ ДЕТЬМИ

Legal aspects of the allocation of land plots to families with three or more children

Аннотация. В данном исследовании рассмотрены вопросы предоставления земельных участков семьям с тремя и более детьми. В научной работе предоставляются статистические данные зарегистрированного количества многодетных семейных союзов. Научная статья отражает правовые механизмы и порядок предоставления земельных участков данной льготной категории лиц. Указаны положения нормативных правовых актов, регулирующих данные правовые механизмы на федеральном и региональных уровнях. Приведены рекомендации, разработанные на федеральном уровне, по отбору земельных участков для многодетных семей. Отмечаются условия, предъявляемые федеральным органом государственной власти к льготной категории семей для получения аграрного пространства. Рассматриваются вопросы предоставления регионами компенсаций взамен земельной зоны для данных ячеек общества. Приводятся статистические данные о предоставлении земельных участков многодетным семьям Владимирской области.

Abstract. This study examines the issues of providing land plots to families with three or more children. The scientific work provides statistical data on the registered number of large family unions. The scientific article reflects the legal mechanisms and procedure for the provision of land plots to this privileged category of persons. The provisions of regulatory legal acts regulating these legal mechanisms at the federal and regional levels are indicated. The recommendations developed at the federal level on the selection of land plots for large families are given. The conditions imposed by the federal public authority on the preferential category of families for obtaining agricultural space are noted. The issues of providing compensation by the regions in return for the land zone for these cells of the society are considered. Statistical data on the provision of land plots to large families of the Vladimir region are given.

Ключевые слова: многодетная семья, право, собственность, земля, семьи с тремя и более детьми, участок от государства.

Keywords: large family, law, property, land, families with three or more children, land from the state.

Конституция Российской Федерации устанавливает социальную направленность развития Российской Федерации как государства. Данное положение свидетельствует о том, что государственная политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Законодательство России определяет различные формы собственности, в том числе право собственности на землю.

В Российской Федерации многодетные семьи находятся под защитой государства [1]. В настоящее время нет официально закрепленного понятия «многодетная семья». Ученые-правоведы пришли к мнению, что под понятием «многодетная семья» следует понимать семью, в которой трое или более детей воспитываются и живут до тех пор, пока младший из них не станет совершеннолетним либо в случае очного образования не закончит профессиональное или высшее учебное заведение.

С 2024 года в Указе Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» закреплен статус многодетной семьи: «Многодетной семьей в Российской Федерации является семья, имеющая трех и более детей, статус которой устанавливается бессрочно» [2].

В 2024 году Владимир Владимирович Путин отметил в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации, что «главное предназначение семьи – это рождение детей, продолжение рода человеческого, воспитание детей, а значит, и продолжение всего нашего многонационального народа» [3].

По данным Министерства труда Российской Федерации, зафиксировано около 2,1 млн. многодетных семей. Семей, имеющих 10 и более детей, насчитывается около 2,5 тысячи [4]. Для помощи и поддержания комфортного уровня жизни многодетных семей Российская Федерация выбрала курс на обеспечение льготными условиями таких жителей страны. Одним из главных льготных преимуществ в большей части регионов является бесплатное предоставление земли.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию в 2010 году был поднят вопрос о поддержке молодых семей и семей, имеющих трех и более детей. В связи с увеличением многодетных семей Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 600 «Правительству Российской Федерации совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации поручено при поддержке субъектов Российской Федерации и муниципальных образований создать необходимую инфраструктуру на земельных участках, которые будут предоставляться на безвозмездной основе семьям с тремя и более детьми» [5].

9 сентября 2013 года в Приказе № 372 Министерством регионального развития Российской Федерации установлены рекомендации для субъектов Российской Федерации в предоставлении земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей. Так, в данном нормативном правовом акте установлены рекомендации по отбору земельных участков для данных семей.

Основные критерии для отбора земельных участков [6]:

1) близость дорожной и транспортной инфраструктуры;

2) благоприятное экологическое состояние окружающей среды, в том числе отсутствие опасных производственных объектов;

3) снабжение земельной площади объектами инженерной инфраструктуры.

Поддержку, укрепление и защиту семьи и ее ценностей, повышение качества жизни семей России, создание основы для их социального развития включает государственная семейная политика [7].

В связи с усиленным курсом государственной политики в поддержку семей, имеющих трех и более детей, в 2014 году в статью 39.5 Земельного кодекса было внесено изменение. Суть данного дополнения состоит в том, что многодетные семьи имеют право на приобретение земельного участка, находящегося в государственной и муниципальной собственности [8].

В целях получения такой помощи от государства для семьи на федеральном уровне определены конкретные условия: заинтересованное лицо и члены его семьи долж-

ны иметь гражданство РФ, по закону семья оформляет земельный участок в общую собственность в равных долях для всех членов многодетной семьи. Право собственности на землю предоставляется в порядке очереди. Для получения льготного места проживания заинтересованная многодетная ячейка общества должна встать на учет. Данную помощь от государства в виде земельного участка можно получить только один раз.

Правила по выделению участков каждый регион устанавливают самостоятельно, также он вправе предложить компенсацию или другую меру социальной поддержки семье. Компенсация предлагается в связи с рядом некоторых факторов:

1) некоторые субъекты сталкиваются с недостатком земельных участков;

2) с каждым годом число льготных семей возрастает и очереди на получение предоставления земельных участков увеличиваются, в связи с этим большинство многодетных семей выбирают денежную компенсацию.

На сегодняшний момент многие предоставляемые участки земли не востребованы в связи с особенностями территориальной расположенности. Регионы Российской Федерации предлагают денежную компенсацию взамен предоставления земли [9]. С начала 2023 года количество регионов, где многодетные семьи будут получать денежные выплаты вместо бесплатных земельных участков, увеличилось на пять, теперь такую же меру социальной поддержки можно получить уже в 37 субъектах РФ.

Стоит заметить, что для каждого субъекта РФ устанавливает свои условия, касающиеся как суммы компенсации, так и многодетных семей, которые могут воспользоваться предоставляемой возможностью.

Так, в Свердловской области в 2023 году десять многодетных семьей округа, стоявшие в очереди на обеспечение земельными участками от государства, получили документ о предоставлении социальной выплаты взамен предоставляемого участка земли. Данные семьи могут использовать данную выплату для улучшения жизненных условий [10].

Рассмотрим ситуацию предоставления земельного участка на примере Владимирской области. Статья 2 Закона Владимирской области от 25 февраля 2015 г. № 10-ОЗ «О регулировании земельных отношений на территории Владимирской области» устанавливает критерии бесплатного предоставления земельных участков от государства в собственность гражданам. В первую очередь условием является предоставление земельного участка для личного пользования, семьям, нуждающимся в жилищных помещениях, которые предоставляются по договорам социального найма. Для предоставления льгот необходимо соответствие установленным законодательством требованиям, таким как три года постоянного проживания на территории Владимирской области, совместное проживание не менее чем с тремя детьми до совершеннолетия или либо в случае пока лицо обучается по очной форме в профессиональных или высших учебных заведениях [11].

Главная особенность данных льгот заключается в том, что семьи не могут самостоятельно выбирать участок и место, где будет находиться земля. Так, многодетным семьям чаще всего выделяются от 6 до 15 соток земли, как в черте города, так и в пригородных районах. Правительство ежегодно формируют списки мест и предлагает семьям данные места.

Министерством имущественных и земельных отношений Владимирской области была представлена статистика на 13 февраля 2024 года, в которой указывается, что за весь период охвачено 15 784 семьи, которые могут претендовать на земельные участки. Из данного количества 6091 семья принята на учет для получения земельного участка за весь период. За все время во Владимирской области 5405 семей получили земельные участки для индивидуального жилищного строительства, а 32 семьи для ведения садоводства и огородничества. В текущем году 25 семей уже имеют в собственности земельные участки от государства. Исходя из вышеупомянутого следует отметить, что область активно осуществляет меры государственной поддержки по предоставлению земельных участков многодетным семья [12].

Во Владимирской области семья Минеевых из города Радужного воспитывает пятерых детей. Семья многодетная и пользуется всеми льготами, которые получает от государства. Например, в 2018 году семья получила от государства землю под строительство, заросшую деревьями и кустраником, но все необходимые коммуникации находятся рядом. Из-за долгой очистки участка семья не успела вовремя залить фундамент, и сертификат на строительство дома, который нужно было использовать в течение года, сгорел. В 2023 году семья снова встала в очередь на получение помощи от государства по улучшению жилищных условий как семья с пятью детьми [13]. В ноябре 2023 года стало известно, что семья Минеевых получила земельный участок, а также пользуется всеми льготами, которые дает государство семьям с тремя и более детьми [14].

Учитывая вышесказанное, дополнения, внесенные в статью 39.5 Земельного кодекса РФ, положительно повлияли на формирование государственной политики, направленной на помощь семьям, имеющим трех и более детей. Многодетные семьи во многих регионах воспользовались новыми привилегиями. Анализ изучения законодательства о предоставлении земли многодетным семьям позволяет эффективно применять правовые нормы субъектов РФ и другие региональные правовые акты на практике.

Список литературы

1. Седова Н. П., Мещерякова И. А. Защита материнства и детства как приоритетное направление социальной политики в Российской Федерации / Н. П. Седова, И. А. Мещерякова // Ученый XXI века. – 2020. – № 12-1 (71) – С. 104-106. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-materinstva-i-detstva-kak-prioritetnoe-napravlenie-sotsialnoy-politiki-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 24.12.2023).
2. О мерах социальной поддержки многодетных семей: Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2024. – № 5, ст. 665.
3. Путин назвал главное предназначение семьи // РИА Новости: офиц. сайт. URL: https://ria.ru/20240229/semya-1930188713.html?ysclid=lt90vzbw4v246860917 (дата обращения: 01.03.2024).
4. В России проживает 2,1 млн многодетных семей, из которых почти 2,5 тыс. семей воспитывают 10 и более детей // Министерство труда и социальной защиты РФ: офиц. сайт. URL: https://mintrud.gov.ru/social/social/1273 (дата обращения: 24.11.2023).
5. О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 600 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 19, ст. 2337.
6. Об утверждении методических рекомендаций субъектам Российской Федерации по порядку и случаям бесплатного предоставления земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей: Приказ Минрегиона России от 09.09.2013 № 372 // Нормирование в строительстве и ЖКХ. – 2013. – № 5.
7. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 35, ст. 4811.
8. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 44, ст. 4147.
9. В каких регионах вместо бесплатного земельного участка для многодетных семей можно получить деньги? // Единая Россия: офиц. сайт. URL: https://er.ru/activity/news/v-kakih-regionah-vmesto-besplatnogo-zemelnogo-uchastka-dlya-mnogodetnyh-semej-mozhno-poluchit-dengi-razyasnyaet-olga-okuneva (дата обращения: 28.03.2023).

10. Многодетные семьи округа получили социальную выплату взамен земельного участка // Тавдинский городской округ: офиц. сайт. URL: www.adm-tavda.ru (дата обращения: 26.12.2023).
11. О регулировании земельных отношений на территории Владимирской области: Закон Владимирской области от 25 февраля 2015 г. № 10-ОЗ // Владимирские ведомости. – 2015. – № 34 (5147).
12. Земельные участки многодетным семьям // Министерство имущественных и земельных отношений Владимирской области: офиц. сайт. URL: https://mio.avo.ru/zem_mnogodetn/-/asset_publisher/OCHorYJQPxgT/content/zemel-nye-ucastki-mnogodetnym-sem-am-32?ysclid=ltblccpqcy140398220 (дата обращения: 01.03.2024).
13. Во Владимирской области семья Минеевых воспитывает пятерых детей // Смотрим: офиц. сайт. URL: https://smotrim.ru/article/3239077?ysclid=ltblvmyuh7829892762 (дата обращения: 01.04.2023).
14. Многодетная семья Минеевых из Владимирской области участвует в конкурсе «Это у нас семейное» // Губерния-33: офиц. сайт. URL: https://trc33.ru/news/society/mnogodetnaya_semya_mineevyh_iz_vladimirskoy_oblasti_uchastvuet_v_konkurse_eto_u_nas_semeynoe98855 (дата обращения: 26.11.2023).

УДК 347.121

© Дарья Валерьевна Смирнова
студентка факультета права,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: ddaasswww@gmail.com

Smirnova Daria Valerievna
Student of the Faculty of Law,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Марина Алексеевна Артамонова
студентка факультета права
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: artamonovamarinna@yandex.ru

Artamonova Marina Alekseevna
Student of the Faculty of Law
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Татьяна Евгеньевна Колосова
старший преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: tat1892@yandex.ru

Kolosova Tatyana Evgenievna
senior lecturer of the Department
of Civil Law Disciplines,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОРАЛЬНОГО И РЕПУТАЦИОННОГО ВРЕДА, ФАКТОЛОГИЧЕСКИХ И ОЦЕНОЧНЫХ СУЖДЕНИЙ

Protection of honor, dignity and business reputation: differentiation of moral and reputational harm, factual and value judgments

Аннотация. Защита чести, достоинства и деловой репутации физических и юридических лиц – неотъемлемая часть повседневной жизни. Исследуемые нематериальные блага широко распространены как повод для защиты нарушенных прав в повседневных отношениях, в сфере бизнеса и в сети «Интернет». Статья посвящена рассмотрению проблемных аспектов в законодательном регулировании и процессе доказывания категории дел о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Abstract. Protecting the honor, dignity and business reputation of individuals and legal entities is an integral part of everyday life. The studied intangible benefits are widely used as a reason to protect violated rights in everyday relationships, in the field of business and on the Internet. The article is devoted to the consideration of problematic issues in the legislative regulation and the process of proof in the category of cases for the protection of honor, dignity and business reputation.

Ключевые слова: нематериальные блага, честь, достоинство, деловая репутация, фактологические и оценочные суждения, репутационный вред.

Keywords: Intangible benefits, honor, dignity, business reputation, factual and value judgments, reputational harm.

Гражданским кодексом Российской Федерации к числу объектов гражданских прав отнесены нематериальные блага. В силу конституционных положений каждому предоставляется возможность выражения своего мнения и убеждения любым законным способом, не нарушающим права и свободы других лиц [1]. Гражданским законодательством детализируется право каждого на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации от распространенных сведений, которые не только не соответствуют действительности, но и являются порочащими. Именно по этой причине необходимо ограничивать свободу слова и массовой информации для случаев злоупотребления этими правами [3].

Конституционное закрепление нематериальных благ констатирует высокую их ценность, в какой-то мере и приоритетность среди других объектов гражданских прав. Честь, достоинство и репутация, в сущности, являются важными нематериальными активами, поскольку их защита становится неотъемлемой частью повседневной жизни.

Деловая репутация, честь и достоинство - это право быть на хорошем счету в любых сферах: в общественных отношениях и персональном общении для физических лиц либо в деловой сфере и бизнесе для коммерческих организаций. Можно сказать, что это право не быть оскорблённым, униженным и дискредитированным.

Интерес к законодательному регулированию института нематериальных благ, а именно категории дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также к процессу доказывания такой категории дел усиливается, так тема статьи является важной и актуальной.

Последнее глобальное обновление в обобщениях высших судебных инстанций наблюдается в 2005 году, а именно постановление Пленума Верховного суда РФ № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», которое закрепляет основные положения о защите чести, достоинства и деловой репутации. Также стоит обратить внимание на «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации», утвержденный Президиумом Верховного суда РФ в 2016 году. Эти документы значительно повлияли на практику разрешения судами данной категории дел, считаем необходимым обратить внимание на основные положения, выдвинутые Верховным судом РФ, и выделить некоторые проблемные аспекты.

Исследуемая категория дел обладает повышенной сложностью и наличием субъективизма, по той причине, что такие дела связаны с произнесенным или написанным словом [6]. Проблема доказывания заключается в толковании, постижении смысла и в соотношении с теми ограничениями свободы мнения, которые предусмотрены законом. При рассмотрении таких дел одним из юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению, является характер распространенной информации, то есть отнесение этой информации к утверждениям о фактах либо оценочным суждениям.

Отличие между фактологическими суждениями, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочными суждениями, выражающими субъективное мнение автора, выражается, прежде всего, в том, что оценочные суждения не подлежат проверке на соответствие действительности. Так, в Обзоре судебной практики 2016 года разъясняется следующее: при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо учитывать, что содержащиеся в оспариваемых высказываниях оценочные суждения, мнения, убеждения не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 ГК РФ, если только они не носят оскорбительный характер [5].

По мнению Верховного суда РФ, вышеупомянутое разграничение продолжает оставаться самым сложным вопросом в рассмотрении дел данной категории. Причина заключается в том, что между чистыми оценочными суждениями, например, хороший, плохой или добрый, злой, и фактологическими, где сообщается о конкретном факте, находится широкий слой так называемых оценочных суждений с фактической ссылкой. Некомпетентный, лживый, преступный и коррумпированный - это суждения оценочные, но они, в сущности, предполагают некое фактическое основание. Общую рекомендацию о том, что всегда такого рода высказывания могут повлечь или полностью исключить возможность обращения в суд, дать нельзя.

Постановление Верховного суда РФ 2005 года полностью уравняло оценочное суждение и мнение [3]. Считаем необходимым указать на тот факт, что мнение - это родовое понятие, оно охватывает не только оценочные суждения, но и фактологические. Если рассматривать выдвинутое Верховным судом РФ положение буквально, то лицо, распространившее недостоверную и порочащую информацию, указавшее на то, что таким образом оно выражает свое мнение, не может быть подвергнуто ответственности. Его высказывание не может быть оценено в соответствии с действительностью, так как является фактически не утверждением о факте, а личным мнением. В данном случае вводное слово «по моему мнению» маскирует утверждение о факте и подводит его под мне-

ние. Таким образом, форма, в которой доводится фактологическая информация, не может быть определяющей, так как описательное мнение может различаться по модальности, например, «полностью уверен», «предполагаю», «допускаю», а дальше может следовать совершенно фактологическое суждение.

При использовании любого вводного слова, казалось бы, суждение является мнением, но в обязательном порядке следует обращать внимание на наличие фактических оснований. При наличии фактических оснований в выраженном мнении, например, как в следующем высказывании: «полагаю, что наш губернатор коррумпирован, по той причине, что он владеет поместьем, стоимость которого в десятки раз превосходит мою среднюю заработную плату», а также при несоответствии таких сведений действительности, например, собственником поместья является другое лицо, такое мнение должно признаваться предметом судебной защиты в порядке статьи 152 ГК РФ.

Смысл информации постигается именно в контексте и лингвистическом, и даже более широком социальном, который позволяет определить восприятие данных высказываний более широкой аудиторией, к которой она обращена. По мнению Верховного суда РФ, в необходимых случаях для того, чтобы определить характер распространенной информации, необходимо назначить лингвистическую экспертизу либо привлечь для консультации специалиста [5]. Данное положение считается правомерным, но на практике привлечение эксперта к судебному разбирательству не всегда положительно оценивается. Например, в сети «Интернет» опубликована статья, порочащая честь и достоинство физического лица в глазах абсолютно неопределенного круга лиц. Если истец, обращаясь в суд за защитой чести и достоинства, уже имеет заключение эксперта о характере сведений, высказанных о нем в данной статье, и активно апеллирует им, то это говорит о том, что он самостоятельно не смог постичь характер таких сведений. То есть истец не уверен в порочности распространенных о нем сведений, в данном случае заключение эксперта значительно ослабляет исковые требования. Но, например, ответчику, который убежден, что в его высказывании отражено оценочное суждение, а не утверждения о факте, в ряде случаев стоит апеллировать таким заключением и включать его в рассмотрение дела. Так, рекомендация Верховного суда РФ о проведении лингвистической экспертизы для постижения характера высказывания не всегда для участников спора является единственно верной стратегией доказывания.

Также Верховный суд РФ обращает внимание на следующее положение: право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является их конституционным правом, а деловая репутация юридических лиц - одним из условий их успешной деятельности [3]. Так, субъектами, которые вправе предъявить иск, могут быть как физические лица, которые считают, что о них распространены сведения, не соответствующие действительности и порочащие их честь, достоинство и деловую репутацию, так и юридические лица, требующие опровержения сведений, порочащих их деловую репутацию.

Возникает вопрос: какие требования могут быть предъявлены? Перечень требований предусмотрен статьей 152 ГК РФ. Во-первых, опровержение сведений тем же способом, которым были распространены сведения, посягающие на честь, достоинство и деловую репутацию. Во-вторых, опровержение сведений в СМИ, которое распространило недостоверную и порочащую информацию, однако наряду с таким опровержением допустимо опубликование своего ответа в том же СМИ. В-третьих, удаление соответствующих сведений, а также пресечение и запрет дальнейшего распространения порочащей информации - эти требования могут быть заявлены независимо друг от друга и быть сопряжены с уничтожением материальных носителей в том случае, если сведения были на них распространены [2].

При предъявлении требований можно выделить несколько проблемных аспектов. В частности, принесение извинений – является абстрактным требованием. Такое требование само по себе не может быть удовлетворено судом, поскольку оно не является надлежащим способом защиты и не закреплено в статье 152 ГК РФ. Но тем не менее, если требование будет заявлено в рамках рассматриваемой статьи, например опровержение недостоверных и порочащих честь и достоинство сведений тем же способом с принесением официальных извинений, то в таком случае

способ защиты может быть признан надлежащим и суд удовлетворит требования.

Законодатель отдельно в статье 150 ГК РФ закрепил компенсацию морального вреда как требование по данной категории дел. Статья 152 ГК РФ наделяет гражданина правом наряду с опровержением сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, требовать возмещения убытков и морального вреда [2]. Верховный суд в постановлении 2005 года уравнял права юридического и физического лица в защите деловой репутации, поэтому вышеупомянутое правило в части, касающейся деловой репутации гражданина, соответственно применялось и к защите деловой репутации юридического лица [3]. Так, юридическое и физическое лицо имело право как на возмещение убытков, так и на компенсацию морального вреда.

После внесения в 2013 году изменений в статью 152 ГК РФ взыскание компенсации морального вреда для юридических лиц стало недоступно. Но у юридических лиц осталась возможность обратиться за взысканием убытков в различной форме. Уже с 2014 года по настоящее время активно продвигаются требования по компенсации «репутационного вреда хозяйствующего субъекта», которому соответственно и был причинен вред распространением недостоверных сведений, умаляющих деловую репутацию, но данная дефиниция законодательно не закреплена.

На данный момент существует противоречие между положениями гражданского законодательства и действующего на данный момент постановления Пленума Верховного суда РФ № 3 2005 года. Считаем необходимым рассмотреть внесенные в гражданское законодательство изменения с точки зрения науки о гражданском праве. Моральный вред определяется как физические и нравственные страдания. Понятие физического и нравственного страдания раскрывается в постановлении Пленума Верховного суда РФ 2022 года, согласно которому под физическими страданиями предлагается понимать физическую боль, связанную с причинением увечья, иным повреждением здоровья, либо заболевание, а под нравственными страданиями - страдания, относящиеся к нарушению душевного спокойствия человека (чувства страха, унижения, беспомощности, переживания в связи с потерей работы и другие негативные эмоции) [4]. Таким образом, моральный вред может быть причинен только физическому лицу, поэтому внесенное в гражданское законодательство изменение правомерно [7].

Конечно, юридическому лицу возможно нанести вред, который не связан с чисто материальным ущербом, но такой вред не подпадает под понятие морального вреда. Для решения выявленного пробела в праве считаем необходимым законодательно ввести понятие «репутационного вреда» для юридических лиц, которое отличалось бы от понятия морального вреда.

Возникает вопрос: в чем должен выражаться репутационный вред? По нашему мнению, репутационный вред должен выражаться в таких обстоятельствах, которые всесторонне отражают последствия конкретного посягательства на деловую репутацию юридического лица. Обратим внимание на тот факт, что само создание юридического лица еще не говорит о наличии у него сформированной деловой репутации, а значит, при отсутствии репутации отсутствует и возможность ее судебной защиты. Так, в суде необходимо доказать, прежде всего, наличие репутации юридического лица, а далее и причинную связь, указывая на конкретный вред и в чем он выразился. В таком случае, если конкретный вред может быть определен, то он может быть и оценен в виде определенной суммы, так и возникает возможность компенсации репутационного вреда.

В 2016 году Верховным судом РФ было вынесено важное определение по делу, которое в себе содержало критерии взыскания репутационного вреда [5]. К ним можно отнести, во-первых, сформированную и доказанную деловую репутацию, в частности в качестве доказательств должны рассматриваться отзывы об организации от клиентов, официальные отзывы от контрагентов, письменные рекомендации, благодарственные письма, награды и грамоты, в том числе государственные и муниципальные. Такие сведения более достоверно описывают тенденцию формирования и наращивания массива деловой репутации. Во-вторых, причинно-следственную связь между распространением порочащих

сведений и наступлением конкретных неблагоприятных последствий для юридического лица. В-третьих, доказанность последующего факта утраты доверия к этой репутации, которая выразилась, например, в уменьшении потока клиентов или падении выручки.

Таким образом, процесс доказывания по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации состоит из совокупности особенностей, которые отражены в различных нормативных правовых актах и обобщениях высших судебных инстанций, которые не всегда отражают объективную действительность и требуют внесения изменений.

Так, при установлении характера распространенной информации, предлагаем между фактологическими и оценочными суждениями выделять промежуточную группу суждений, а именно оценочные суждения с фактической основой. При этом форма, в которой выражено утверждение, не может быть определяющей при установлении характера распространенной информации. В этой связи стоит обращать внимание на подмену утверждения о факте оценочным суждением путем использования вводных слов. В данном случае необходимо четко установить наличие или отсутствие фактических оснований высказывания и при их наличии признавать распространенную информацию в качестве оценочного суждения с фактической ссылкой. Предлагаем законодательно закрепить следующее положение: «При наличии фактических оснований в выраженном мнении (оценочного суждения с фактической ссылкой), такое мнение должно признаваться предметом судебной защиты в порядке статьи 152 ГК РФ».

В связи с тем, что активно продвигаются требования по компенсации «репутационного вреда хозяйствующего субъекта», но данная дефиниция законодательно не закреплена, предлагаем также закрепить понятие «репутационного вреда» в статье 152 ГК РФ и тем самым обратить внимание на необходимость разграничения морального и репутационного вреда. Необходимо законодательно закрепить следующее определение: репутационный вред – это вред, нанесенный юридическому лицу, которое на момент причинения такого вреда уже имело сформированную деловую репутацию, выраженный в таких обстоятельствах, которые всесторонне отражают причинно-следственную связь между распространением порочащих сведений и наступлением конкретных неблагоприятных последствий, выражающихся в утрате доверия к репутации юридического лица.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: ред. от 11.03.2024: принят Государственной Думой 21 окт. 1994 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32, ст. 3301.
3. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 // Рос. газ. – 2005. – № 50.
4. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 // Рос. газ. – 2022. – № 267.
5. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации: утвержден постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 16 марта 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 10.
6. Нестеров А. В. Правовая категория нематериальных (существующих) благ и их систематизация // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 11-12
7. Мойсиевич И. В. Основные направления совершенствования компенсации морального вреда при защите деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности // Архонт. – 2022. – № 5 (32). – С. 136-140.

УДК 342

© Даниил Владимирович Шлыков
студент юридического факультета,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: danyashlikov9@gmail.com

Daniil V. Shlykov
Student of the Faculty of Law,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Наталья Валерьевна Наумова
кандидат педагогических наук, доцент,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: naumova-nv@ranepa.ru

Natalia V. Naumova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

К ВОПРОСУ АНАЛИЗА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

On the issue of analysis of constitutional principles of justice in the Russian Federation

Аннотация. В данной статье рассматриваются конституционные принципы правосудия как основные начала, определяющие форму осуществления судебной власти в России, раскрывается и анализируется их сущность и влияние на судебную систему РФ. На основании принципов дана оценка современному правосудию.

Abstract. This article examines the Constitutional Principles of justice as the main principles determining the form of judicial power in Russia, reveals and analyzes their essence and influence on the judicial system of the Russian Federation. Based on the principles, an assessment of modern justice is given.

Ключевые слова: Конституция, правосудие, судебная система, основные начала, принцип, судебная власть, судьи, суд.

Keywords: Constitution, justice, judicial system, basic principles, principle, judicial power, judges, court.

Где нет справедливости (правосудия), нет и государства.

Аврелий Августин,
епископ Гиппонский, философ,
влиятельнейший проповедник,
христианский богослов и политик.
О граде Божьем. XIX, 354-430

Наличие судебной власти в Российской Федерации обеспечивается закрепленным в Конституции РФ принципом разделения власти, который является главным правовым основанием ее существования. При рассмотрении может быть выделено два аспекта, посредствам анализа которых можно сформировать наиболее полное понимание о содержании судебной власти: статический и динамический. Первый включает в себя судебную систему, ее строение, второй же подразумевает правосудие, которое является формой непосредственного выражения судебной власти в РФ. Несомненно, осуществление такой деятельности должно иметь определенные основные начала, принципы, в соответствии с которыми она будет наиболее эффективно реализовываться для достижения вполне понятной цели, которая может быть сформулирована посредствам анализа первых двух глав Конституции РФ. Такой целью является защита прав, свобод личности, а также интересов го-

сударства. В Российской науке традиционно принято выделять конституционные и отраслевые принципы правосудия [1]. Очевидным представляется факт того, что именно первая группа принципов закладывает столь важную основу, которая обеспечивает единство и постоянство осуществления правосудия в РФ. В данной статье предлагается рассмотреть и проанализировать именно конституционные принципы правосудия, так как они действуют в отношении всех элементов судебной системы.

Несмотря на всю важность конституционных принципов правосудия, в правовой науке до сих пор не сформулирован их единый перечень. Некоторые авторы ограничиваются несколькими базовыми принципами, в содержание каждого из которых входит целая совокупность положений. С другой стороны, мы можем наблюдать выделение большого количества принципов по средствам дробления конституционных тезисов. Таким образом их содержание обособляется от схожих с ними по смыслу основных начал.

Для последовательного, надлежащего анализа стоит начать с принципа законности. Он очевидно имеет большое влияние на осуществление правосудия. Именно им правосудию придается форма, в которой оно обязательно должно осуществляться. Иными словами, его суть заключается в том, что судопроизводство должно осуществляться с соблюдением норм как процессуального, так и материального права. Соответственно, при отсутствии такого основного начала, правосудие бы утратило собственную идентичность, что в свою очередь повлияло бы на единство судебной системы РФ. Также он имеет влияние на другие конституционные принципы и взаимосвязан с ними. Например, равенство сторон и состязательность, напрямую обеспечиваются законностью и как бы предусматриваются ей.

Далее стоит обратить внимание на принцип, который характеризует правосудие именно как форму выражения судебной власти-осуществление правосудия только судом. Он получил правовое оформление в части 3 статьи 118 Конституции Российской Федерации [2]. Однако его не следует понимать дословно, так как в содержание данного положения входит участие не только судей, но и присяжных и арбитражных заседателей. Следовательно, необходимо понимать, что в осуществлении правосудия только судом, не следует отождествлять понятия судьи и суда, так как второе является более широким и включает в себя несколько элементов.

Общеизвестным является факт того, что законодательная, исполнительная и судебная ветви власти самостоятельны и независимы в реализации своих полномочий. Конечно, такой тезис не является беспочвенной декларацией, а имеет надлежащую реализацию в отечественном законодательстве. Одной из форм такого осуществления выступает еще один конституционный принцип правосудия-независимость судей. Свое закрепление он получил в статье 120 Конституции РФ [2]. Механизм действия данного положения заключается в том, что ни один орган власти не должен иметь возможность и право влиять на принятие решений судьей, а также изменять уже принятые ими решения. Таким образом, обеспечивается не только формальная, но и реальная независимость судебной ветви власти в осуществлении своих полномочий.

Для того, чтобы осуществление правосудия стало действительно возможным, необходимо на уровне права обеспечить его доступность гражданам. Такая возможность предоставляется еще одним конституционным принципом правосудия, которым провозглашается право граждан на судебную защиту. Он имеет законодательное оформление по средствам закрепления в статье 46 Конституции Российской Федерации [2]. Такое положение обеспечивает эффективность осуществления судебной власти, ее важность для Российского государства, так как именно по средствам закрепления такого права, сама судебная система получает основание, причину и необходимость функционирования и реализации судебной власти в РФ. Далее совершенно логичным будет рассмотрение принципа осуществления правосудия на основе равенства перед законом и судом. Ведь доступность только первичным образом обеспечивает реализацию демократической сути правосудия и независимой судебной ветви власти. Сущность положения о равенстве заключается в

том, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, религии, национальности, языка, убеждений, происхождения, имущественного и должностного положения.

Также обязательным к упоминанию является назначаемость и несменяемость судей как конституционный принцип правосудия. Его сущность раскрывается статьями 126, 127, 128 Конституции РФ [2]. А также статьей 13 ФКЗ № 1 «О судебной системе в Российской Федерации» [3]. В Российской правовой системе судья может быть наделён своими полномочиями по назначению органами государственной власти или Президентом РФ, а также по средствам избрания его на должность судьи (мировые судьи, в случаях, предусмотренных законом). Закрепление таких положений играет чрезвычайно важную роль в обеспечении самостоятельности судебной власти.

Состязательность и равенство сторон в судопроизводстве также является значимым конституционным принципом правосудия. Его суть заключается не в буквальном наличии равных прав у сторон в судебном процессе, а в обеспечении их равными возможностями для реализации своих прав и исполнении обязанностей. Каждая из сторон наделена в определенном объеме процессуальными правами, например, заявлять ходатайства и отводы, представлять доказательства. Именно они являются средством обеспечения состязательности сторон.

Так как Россия является демократическим государством, ее судебная система, а, следовательно, и осуществление ею правосудия должны строиться на универсальных принципах демократизма. Одни из таких является гласность судебного разбирательства, которая закреплена статьей 123 Конституции Российской Федерации [2]. Сама по себе открытость заключается в возможности граждан наблюдать за ходом судопроизводства как непосредственно, так и через СМИ. Закрытым судебное заседание может быть только в качестве исключения, предусмотренного законом.

Таким образом, рассмотрев конституционные принципы правосудия, можно сделать вывод о том, что правосудие в России, как форма реализации самостоятельной судебной власти, имеет глубокие основные начала, которые обеспечивают его надлежащее осуществление. Сами принципы имеют демократический характер. Он в свою очередь решающим образом влияет на судопроизводство. Также нельзя не отметить важность их законодательного закрепления именно в Конституции РФ, так как ее высшая юридическая сила на всей территории РФ обеспечивает наиболее качественную защиту этим принципам, а статус Конституции как основного закона, фундамента нашей национальной правовой системы, позволяет сделать заключение о том, что конституционные принципы правосудия являются основной для деятельности судебной системы и всей судебной власти в Российской Федерации.

Список литературы

1. Марьина Е. В. Судебная система Российской Федерации: учебное пособие. URL: http://repo.ssau.ru/bitstream/Uchebnye-izdaniya/Sudebnaya-sistema-Rossiiskoi-Federacii-ucheb-posobie-Tekst-elektronnyi-83147/1/Марьина%20Е.В.%20%20Судебная%20система%20Российской%20Федерации%202020.pdf (дата обращения: 06.05.2024).
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 06.05.2024).
3. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ: ред. от 16.04.2022: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 11.05.2024).
4. О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21335/ (дата обращения: 13.05.2024)
5. Чиркин В. Е. Конституционное право: учебник для бакалавриата. URL: https://znanium.ru/catalog/document?id=372498 (дата обращения: 12.05.2024).
6. Лебедев В. М., Хабриева Т. Я., Автономов А. С. и др. Правосудие в современном мире: монография. URL: https://znanium.ru/catalog/document?id=352585 (дата обращения: 10.05.2024).

УДК 342

© Даниил Владимирович Шлыков
студент юридического факультета,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: danyashlikov9@gmail.com

Daniil V. Shlykov
Student of the Faculty of Law,
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

© Наталья Валерьевна Наумова
кандидат педагогических наук, доцент,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: naumova-nv@ranepa.ru

Natalia V. Naumova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
Vladimir branch of RANEPA,
Vladimir

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО РАСПАДА СССР

The main stages of the formation of the judicial system of the Russian state in the period from Ancient Russia to the collapse of the USSR

Аннотация. Для общества как динамичной, сложной и открытой системы характерно постоянное возникновение различных противоречий, конфликтов. Одним из способов их разрешения стал институт судебной власти, процесс эволюции которого не прекращается до сих пор. В статье рассматриваются периодизация становления судебной системы Российского государства, анализируются особенности ее структуры, общая специфика в различных периодах отечественной истории и на основании произведенного анализа совершаются определенные выводы.

Annotation. Society as a dynamic, complex and open system is characterized by the constant occurrence of various contradictions and conflicts. One of the ways to resolve them was the institution of judicial power, the process of evolution of which has not stopped until now. The article examines the periodization of the formation of the judicial system in relation to the Russian state, analyzes the features of its structure, the general specifics in various periods of national history and, based on the analysis, certain conclusions are drawn.

Ключевые слова: судебная система, суд, судебные инстанции, судебная власть, правосудие, социальный институт, государство, реформы.

Keywords: judicial system, court, judicial instances, judicial power, justice, social institution, state, reforms,

Человеческое общество является сложной, динамичной, открытой системой [1], которая в силу перечисленных свойств допускает возникновение внутрисистемных конфликтов в процессе взаимодействия ее элементов на всех уровнях самой системы. Именно такое положение становится первой причиной для появления различных способов и средств разрешения этих конфликтов. В связи с этим в процессе общественного развития происходит формирование соответствующего социального института, целью которого является их урегулирование. Таким институтом является суд, а также подразумевающийся судебный способ решения социальных конфликтов. До сих пор не прекращаются споры по поводу взглядов на генезис этой инстанции. Традиционно выделяют три теоретических воззрения на момент его зарождения. Стоит отметить, что все эти теории строятся вокруг появления института государства.

Первая группа исследователей считает, что суд первичен по отношению к государству и берет свое начало в первобытно-

общинном строе. Таким образом, происходит отождествление любого возможного на тот период времени арбитра с судом, ранние институты разрешения конфликтов в обществе представляются как этап эволюции самого суда, его прообраз. Также в научном сообществе существует полярная первой позиция. Ее придерживается группа ученых, исследователей, полагающая, что зарождение суда происходит значительно позже, чем первое проявление государства. Данная точка зрения имеет отличный от первой взгляд на само понимание суда. Она пропагандирует более строгий подход, который исключает возможность включения в понятие суда тех институтов, которые имеют с ним определенные отличия, устанавливая четкие рамки, когда соответствующий социальный механизм становится судом, а когда это лишь прообраз, который таковым называться не может. Третий взгляд на происхождение суда является срединным по отношению к первым двум. Его суть заключается в определении момента возникновения суда одновременно с государством. Такой подход объясняется монополизацией государством механизмов принуждения, а также права на формирование обязательных к исполнению правил поведения. В этом случае суд подразумевается как необходимая составляющая института государства, которая поддерживает его авторитет и в значительной степени обеспечивает функционирование. Именно поэтому на ранних этапах развития государства судебная власть была сосредоточена в руках автократа, так как только его фигура имела полное олицетворение с этим институтом, а следовательно, и с реализацией его механизмов.

Обозначив необходимые для конструктивного анализа исторического становления судебной системы и правосудия основы, стоит сосредоточиться на рассмотрении указанных выше категорий через призму российской государственности. В древней Руси суд был тождествен фигуре князя. Именно он при содействии бояр вершил правосудие [2]. Таким образом, стоит сделать вывод о том, что судебная система на то время имела односложный характер из-за единоличного отправления правосудия фигурой князя. Об изначальной принадлежности таких функций правителю свидетельствует сама причина появления княжеской власти у восточных славян: «Поищем себе князя, который управлял бы нами и судил по праву», – гласит «Повесть временных лет» [3]. Несмотря на множество отличий между княжествами, которые были порождены периодом феодальной раздробленности, общая форма судебной системы оставалась неизменной в связи с тем, что на тот момент времени не были еще сформированы соответствующие институты, которые впоследствии стали неотъемлемой частью суда и осуществления правосудия в различных формах российской государственности. Однако, несмотря на сосредоточенность судебной власти в руках правителя и представление князя как центрального и единственного элемента судебной системы, правосудие также базировалось на божественной воле. Об этом свидетельствуют способы его отправления [2]. Так, решение могло быть принято на основе прохождения испытания – ордалии, суть которого как раз заключалась в проявлении божественного промысла в отношении подсудимого. Наряду с ордалиями существовали и другие способы: рота, поле. Первый представлял собой клятву перед богами, что было достаточно эффективным в тот период развития общества. Второй же являлся формой реализации правосудия посредствам поединка, где в соответствии с верованиями и религиозными убеждениями также проявлялся божий промысел.

В процессе становления государственных институтов развивалась и судебная система. По окончании периода феодальной раздробленности и объединения русских земель вокруг Москвы новообразованное государство стремилось к максимальной централизации. Эта тенденция также накладывает существенный отпечаток как на способы осуществления правосудия, так и на сам суд. Временной период все еще характеризуется сосредоточением высшей судебной власти в руках правителя, однако система приобрела новые элементы посредством делегирования судебных полномочий великим князем. Несмотря на это, высшей судебной инстанцией, способной вершить суд, вопреки остальным органам все-таки оставался государь.

Боярство в свою очередь начинает занимать все более обособленное положение, постепенно становясь полноценной судебной инстанцией, но все еще вершившей суд по воле царя. О таком положении свидетельствует форма приговоров Думы: «Великий государь указал, а бояре приговорили» [4].

Позднее в Думе был создан уже полноценный судебный орган, названный Расправная палата. Он состоял из боярского, а позже и из дворянского сословий и являлся неотъемлемой частью судебной системы того времени. В основном данным органом рассматривались дела, по которым не могли принять решения соответствующие приказы. Именно к их рассмотрению и разрешению поступало большинство дел. Суд вершил тот приказ, к сфере управления которого относился спор. Например, Аптекарский приказ имел компетенцию к разрешению исковых дел между аптеками, лекарями и докторами [4]. Поместный приказ рассматривал жалобы о нарушении права поземельной собственности. Таким образом, стоит сделать вывод о том, что в период существования Московского царства судебная система подверглась значительному усложнению и улучшению. Правитель, оставляя за собой верховную судебную власть, делегировал значительную часть полномочий новообразованным органам, что расширило судебную систему, а также изменило некоторые формы осуществления правосудия. В соответствии с описанным, судебную систему указанного временного периода можно представить как три различные по объему судебной власти ступени, образующие своеобразную иерархию: 1) приказы; 2) боярский суд; 3) суд государя, который обладал верховной судебной властью [4].

Судебная система времен ранней империи стала следующим закономерным этапом развития суда и правосудия в России. Реформы, проводимые Петром Великим, привели в движение устоявшийся порядок и открыли новые горизонты для развития государства в целом. Так, императором в качестве образца для отечественного судоустройства была выбрана шведская судебная система [5]. Впервые были предприняты попытки отделения судебной власти от административной, которые к сожалению, не получили должной реализации. Был введен коллегиальный характер принятия судебных решений при сохранении индивидуальной ответственности. По мнению царя, такой порядок препятствовал коррупции при отправлении правосудия. Также произошла резонная замена слишком разросшейся системы приказов коллегиями, устройство и порядок работы которых строго определялся Генеральным регламентом, что значительным образом упорядочило исполнение соответствующих полномочий. Однако сохранялась множественность органов, осуществлявших судебные функции, что препятствовало эффективной работе системы, ведь ее элементы не были должным образом взаимосвязаны и часто даже не находились во взаимодействии.

Следующий значимый шаг в развитии судебной системы был сделан в период правления Екатерины Второй. Именно ею была проведена судебная реформа, которая, наконец, обособила суд от администрации, впервые сделав систему осуществления правосудия самостоятельной. Так, в результате реформы аналогично разделению суда в германских княжествах были созданы четыре инстанции, введены выборные начала. Несмотря на то, что суд все еще базировался на принципах сословности, по инициативе императрицы был создан Совестный суд, который этим принципом не руководствовался, что говорит характере реформы, ее дальнейших целях и заложенных ею началах [6]. Данные изменения являются одним из важнейших этапов становления и развития судебной системы в России, ведь именно эти нововведения стали фундаментом для дальнейшего выстраивания эффективного взаимодействия и взаимосвязи элементов самой системы.

Несмотря на относительный прогресс в становлении судебной системы, ее форма все еще оставалась полной пробелов и неверных решений. Сословность суда не позволяла вести эффективное производство, низкий уровень образованности судей ставил крест на эффективности их работы, а также инквизиционный характер процесса не позволял

в полной мере реализовывать функцию правосудия. Существование этих, безусловно, важных проблем в таком объеме оставалось вплоть до судебной реформы Александра II. Однако ее проведение вывело функционирование судебной системы на качественно новый уровень. Именно реформа царя-освободителя сделала судебный процесс и осуществление правосудия схожим с тем, что функционирует в Российской Федерации на данный момент. Так, процесс приобрел гласность, равенство сторон, устные начала, был введен институт адвокатуры и присяжных заседателей [7]. Именно изменение внутренней и внешней сути процесса вызывало активное противодействие со стороны консерваторов, но, несмотря на это, задуманная реформа получила воплощение в жизнь. Также значительные изменения претерпело строение судебной системы. Нагромождение сословных судов было заменено их разделением на местные и общие суды. Первые включали в себя: мировых судей, съезды мировых судей, а также волостные суды, которыми разбирались маловажные проступки крестьян. В общие же суды входили: окружные суды и судебные палаты. Единственной кассационной инстанцией и одновременно возглавляющим судебную систему органом во всей империи стал Сенат. Таким образом, рассматриваемый этап развития действительно стал поворотным моментом, который правильным образом изменил не только структуру суда, но и принципы осуществления правосудия.

Несмотря на столь долгий и сложный путь развития, формировавшаяся веками судебная система была полностью ликвидирована в связи с совершением Октябрьской социалистической революции. Декрет СНК «О суде № 1» [8] полностью упразднил существующий ранее порядок и ввел вместо него народные суды, которые состояли из председателя и двух народных заседателей. Но такая форма была лишь временной мерой. 31 октября 1922 года было принято Положение о судоустройстве в РСФСР. Именно в результате его принятия в СССР сформировалась полноценная судебная система, которая представляла собой деление на: 1) общие суды, которые включали народные суды, губернские советы народных судей и народный комиссариат юстиции, 2) революционные трибуналы [9]. На момент становления советского государства система имела явный классовый характер. Целью судопроизводства было отнюдь не восстановление справедливости в привычном моралистическом понимании, а обеспечение господства рабочего класса, достижение справедливости классовой, понимаемой через призму марксистской теории. Далее принятая в 1924 году Конституция привнесла изменение в систему. Так, был учрежден Верховный суд СССР, который был наделен обширными полномочиями и разрешал дела государственного значения. Например: 1) рассмотрение дел высших должностных лиц Союза по преступлениям, связанным с осуществлением ими своих полномочий; 2) дача разъяснений по вопросам общесоюзного законодательства; 3) разрешение споров между союзными республиками [10].

Таким образом, до 1950-х годов судебная система сохраняла четкую тоталитарную направленность, обладая скорее инквизиционным характером для всех врагов рабочего класса. Однако наряду с этим сама система имела грамотную структуру, элементы который были тесно взаимосвязаны и взаимодействовали друг с другом. Следующим важным этапом развития суда и правосудия в России стало принятие в 1958 году Основ законодательства о судоустройстве [11]. Ими устанавливалась следующая система судов: 1) суды Союза ССР (Верховный суд СССР и военные трибуналы); 2) суды союзных республик (верховные суды союзных и автономных республик, городские, областные, краевые, суды автономных областей, национальных округов и народные суды). Именно такой вид судебной системы ознаменовал изменение ее инквизиционного, карательного характера, привнес демократические принципы и начала. Также дополнения, внесенные в 1960-х годах, нашли свое место, и в совокупности нам была представлена новая судебная система, имеющая значительное сходство с настоящим устройством судов и правосудия в Российской Федерации.

Рассмотрев общий путь развития судебной системы и правосудия в российской государственности до падения СССР можно сделать вывод о том, что состояние судебной системы Российской Федерации – это результат многовековой эволюции, совершенствования и изменений, это плоды трудов множества ученых, юристов, государственных деятелей и правителей. Это грамотно выстроенная, основанная на принципе разделения властей судебная система с демократическими конституционными постулатами осуществления правосудия, которой присущи ряд исключительных особенностей, глубокие корни, долгий путь и специфика развития.

Список литературы

1. Хозерова Т. П. Общество как система: учебно-методическое пособие. URL: https://znanium.ru/read?id=446022 (дата обращения: 11.05.2024).
2. Суд и процесс в Киевской Руси в IX–XII вв. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sud-i-protsess-v-kievskoy-rusi-v-ixxii-vv/viewer (дата обращения: 11.05.2024).
3. Кузьмина А. Г., Фомина В. В. Повесть временных лет / отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014 – 544 с.
4. Демичев, А. А. История судебной системы в России: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». URL: https://znanium.ru/read?id=341852 (дата обращения: 13.05.2024).
5. Подготовка судебной реформы Петра I: концепция, зарубежные образцы, законотворческий процесс. URL: https://studylib.ru/doc/3788390/podgotovka-sudebnoj-reformy-petra-i--koncepciya--zarubezhnye (дата обращения: 14.05.2024).
6. Правоприменительная практика судов в Российской империи. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravoprimenitelnaya-praktika-sovestnyh-sudov-v-rossiyskoy-imperii/viewer (дата обращения: 16.05.2024).
7. Судебная реформа Александра II. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-reforma-aleksandra-ii/viewer (дата обращения: 16.05.2024).
8. Декрет СНК «О суде № 1». URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/ (дата обращения: 16.05.2024).
9. Положение о судоустройстве РСФСР. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8322#4FsB7DUG66cGOzwz (дата обращения: 16.05.2024).
10. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm (дата обращения: 17.05.2024).
11. Об утверждении Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик: Закон СССР от 25.12.1958. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4837#8o6D7DU7wOLJGVlS (дата обращения: 17.05.2024).

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
РАЗМЕЩАЕМЫМ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ
«УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ»**

1. К публикации принимаются материалы, не публиковавшиеся ранее в других изданиях.

2. Материалы к публикации принимаются до 20 февраля, 20 мая, 20 августа и 20 ноября текущего года.

3. Статья должна содержать:

- соответствующий индекс универсальной десятичной классификации литературы (УДК);
- название на русском и английском языках;
- имена, отчества (при наличии) и фамилии авторов на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и английском языках (5 – 10 строк);
- ключевые слова на русском и английском языках (8 – 10 слов);
- текст статьи (только на русском языке);
- список литературы в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008;
- краткие сведения об авторах, включающие: контактный телефон, фамилию, имя, отчество (без сокращений), учёную степень (звание), должность и место работы (без сокращений), служебные и домашние адреса авторов с обязательным указанием почтового индекса и номеров телефонов, адрес электронной почты (представляются **на отдельной странице на русском и английском языках**).

На каждую статью должна быть представлена рецензия внутренняя или внешняя с живой подписью и печатью, а также в виде файла формата MS Word (*.doc или *.docx).

Оригинальность статьи (без учета цитирования и совпадений) не менее 60%.

4. Статья представляется в виде файла формата MS Word **(*.doc** или ***.docx).** Файл может быть записан на оптическом (CD, DVD) носителе или флеш-карте.

5. При наборе текста используются только стандартные True Type шрифты (**Times New Roman, Calibri**), размер 14, межстрочный интервал 1, абзацный отступ - 1,25 см, поля справа и слева – 2,5 см, поля сверху, снизу – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

Минимальный объем статьи – 5 страниц. Общий объем статьи до 12 страниц.

Устанавливаемый размер бумаги — А4 210 х 297 мм.

6. Формульные выражения выполняются только в Редакторе формул (MathType или Equation Editor).

7. Иллюстрации выполняются в графических редакторах в виде графических файлов формата ***.tiff, JPEG** с разрешением 300 х 300 dpi и представляются на отдельных листах в двух экземплярах. Все иллюстрации сопровождаются подрисуночными подписями (не повторяющими фразы-ссылки на рисунки в тексте), включающими в себя номер, название иллюстрации и при необходимости условные обозначения. Текстовая информация и условные обозначения выносятся из рисунка в текст статьи или подрисуночные подписи.

8. Термины и определения, единицы физических величин, употребляемые в статье, должны соответствовать действующим ГОСТам.

9. В формулах латинские буквы и греческие строчные следует набирать курсивом, а греческие прописные прямо. Векторы и матрицы следует набирать прямым жирным шрифтом; «е» в значении экспоненты — прямым светлым шрифтом. В индексах сокращения от русских и английских слов следует набирать прямым шрифтом.

10. Формулы следует нумеровать в круглых скобках (2), литературные затекстовые ссылки в прямых [2], подстрочные замечания оформляются сноской.

Редакция не ставит в известность авторов об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер и не затрагивающих принципиальных вопросов.

Вопросы, интересующие авторов, можно направлять по адресу: peregudova_a@vlad.ranepa.ru, а также задать по тел.: (4922) 52-27-89 (по будням с 8.30 до 17.00) редактору отдела ИРиИД Перегудовой Алле Маратовне.

Уважаемые читатели!
Вы держите в руках выпуск научно-практического журнала «Ученые записки»
Вопросы, интересующие авторов, можно направлять по e-mail: peregudova_a@vlad.ranepa.ru

или задать по тел.: (4922) 52-27-89
редактору отдела ИРиИД
Перегудовой Алле Маратовне

Дизайн и вёрстка – А. Е. Дмитриев
Корректор – Н. М. Орлова

Подписано в печать 19.06.2024 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Calibri.
Тираж 500 экз. Заказ № 701/24

Отпечатано во Владимирском филиале федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Россия, г. Владимир, ул. Горького, 59а,
контактный телефон (4922) 52-27-89